

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№ 1 (40) 2013

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, декан факультета высшего профессионального образования Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов Олег Витальевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ФГБОУ ВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 11.01.13

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.

Объем: 12,0 усл.п.л.

Тираж 500 экз. Заказ 64.

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Albert Sheqi* (Tirana, Albania) Magic Realism in Toni Morrison's "Song of Solomon" 7
- Дьякова Т. В.* Адекватность выбора способов перевода искусственных антропонимов в жанре фэнтези (на материале произведений Дж. Ролинг) 18

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Алекберова И. Э.* Особенности кинесики в процессе межкультурного взаимодействия 23
- Брыжжина Т. С.* Пародийная тональность в текстах разных жанров (на примере английского и русского языков) 28
- Бугаенко Н. П., Иоакимиди Г. А.* Сущностная характеристика и тематическая дифференциация терминологической лексики (на примере англоязычной терминологии шоу-бизнеса) 34
- Воронина А. В., Осипова Д. А.* Особенности устного организационного дискурса 50
- Косович О. В.* Актуальные проблемы изучения феномена неологии 55
- Пригодина Е. В.* Американские спортивные терминологизмы тематического поля «работа, трудовая деятельность» 59
- Хасанова З. С.* Подъязык и его функционально-системные характеристики 64
- Шаховская С. В.* Белорусская теоретическая лексикография: состояние, проблемы, направления 80

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

- Таценко Н. В., Кравец Л. С.* Лексико-семантические особенности эвфемизмов в англоязычном политическом дискурсе (на материале речей Барака Обамы) 89

ЯЗЫК СМИ

- Забавникова Е. С.* Использование СМИ имиджевой стратегии в создании легендарного образа профессора-архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) в российской периодике 99
- Тонкова Е. Г.* Атрибутивные формы субстандартных глаголов, репрезентированные в языке современной прессы 107

Шевцова Н. В. «Толстые» журналы и читательская аудитория:
изменение коммуникативной модели 116

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

Бондаренко Ю. С., Пономаренко М. В. Фразеологические единицы
немецкого языка с компонентом «часть тела» 122

Власова Е. В. Ритуализированные стратегии коммуникативного
поведения англичан 127

Клёстер А. М. Теоретические аспекты когнитивного исследования
терминосистемы инженерной психологии в немецком языке 135

Куниловская М. А. Классификация переводческих ошибок
для создания разметки в учебном параллельном корпусе
Russian Learner Translator Corpus 141

Шарапова Т. Н. Особенности эпонимных терминов
в немецкой терминологии бионики 159

Шумайлова М. С. Структурная ассимиляция английских
заимствованных терминов
(на материале немецкой терминологии Интернета) 166

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Ананьина М. А. Обучение стратегиям речевого поведения
в англоязычной среде в рамках курса
«Практика устной и письменной речи» 172

АННОТАЦИИ 179

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 184

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

- Albert Sheqi* (Tirana, Albania) Magic Realism in Toni Morrison's
"Song of Solomon" 7
- Dyakova T. V.* Appropriate selection of artificial methods
of translation anthroponyms in the fantasy genre
(based on the works of J. Rowling) 18

LANGUAGE STUDIES

- Alekberova I. E.* Features kinesics in intercultural 23
- Bryzhina T. S.* Burlesque tone in texts of different genres
(case study of English and Russian) 28
- Bugayenko, N. P., Ioakimidi G. A.* The general characteristics
and subject differentiation of terminological lexis (drawing on the
example of the English show-business terminology) 34
- Voronina A. V., Osipova D. A.* Features oral organizational discourse ...50
- Kosovych O. V.* Topical problems of phenomena neology 55
- Prigodina E. V.* American sports terminologizmy thematic field
of "work" 59
- Khasanova Z. S.* Sublanguage and functional system
specifications 64
- Shakhovskaya S. V.* Belarusian theoretical lexicography:
status, problems and trends 80

LANGUAGE OF POLYTICS

- Tatsenko N. V., Kravets L. S.* Lexical-semantic Peculiarities
of Euphemisms in English Political Discourse (on the Material
of Barack Obama's Speeches) 89

LANGUAGE OF MASS MEDIA

- Zabavnikova E. S.* Using the media image strategy in fashioning
a legendary image of a professor-archbishop Luke
(Voino-Yasenetsky) in Russian periodicals 99
- Tonkova E. G.* Attributive forms of sustandart verbs, represented
in the language of the contemporary press 107
- Shevcova N. V.* "Thick" magazines and reader's audience: variaron
of communicative model 116

LINGUISTICS AND TRANSLATION

Bondarenko Yu. S., Ponomarenko M. V. Phraseological units German language component “of the body”	122
Vlasova E. V. Strategy ritualized communicative behavior British	127
Klester A. M. Theoretical aspects of cognitive research term systems engineering psychology in the German language	135
Kunilovskaya M. A. Classification of translation errors for marking of education in parallel body Russian Learner Translator Corpus ...	141
Sharapova T. N. Peculiarities of eponym terms in the German terminology of bionics	159
Shumaylova M. S. English-borrowed term structural assimilation (based on German Internet terminology)	166

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Ananyina M. A. Communicative strategies teaching in English-speaking environment within the framework of the course “Practice of spoken and written language”	172
--	-----

ABSTRACTS	179
------------------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	184
--	-----

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 82.0

MAGIC REALISM IN TONI MORRISON'S "SONG OF SOLOMON"

Albert Sheqi
(Tirana, Albania)

This article focuses on Toni Morrison's use of magical realism in her novel Song of Solomon. It aims at exploring the main features of the literary trend and pointing out some key elements of their use in the novel. Magical realist techniques are used by Morrison to juxtapose the oral and folkloric Afro-American tradition with the dominant Western culture in the United States. The former becomes a counterbalance to the written versions of history. Her main hero embarks on an epic journey to discover the "real gold" of the African-American community. Song of Solomon is Morrison literary tour de force which underscores the true values the black community.

Keywords: Afro-American Fiction, Toni Morrison, Song of Solomon, Magical Realism, Flying Africans.

Toni Morrison is one of the most outstanding writers of contemporary American fiction. She has written ten novels so far and her most recent novel is entitled *Home* (2012). Two of her novels *Song of Solomon* and *Beloved* have been highly evaluated by literary critics and scholars as well as widely hailed as great American 20th century classics. These two works reveal an impressive and salient element of the writer's aesthetics, her magical realism. Morrison does not object to being labeled a magical realist writer and she has admitted that in her writing career she has been influenced by the great magical realists of the Latin American literature, Gabriel Garcia Marquez and Jorge Luis Borges. In spite of this influence from the Latin American masters, her brand of magical realism bears an original imprint which stems from the African American folklore and myths. This article aims at exploring Morrison's magical realism in *Song of Solomon*. But, first of all, it is helpful to briefly summarize the development of this literary trend and to point out some of its essential elements.

Although magical realism is often associated with the Latin American writers who actually made it very popular worldwide, it is in fact an international literary movement with representatives from different literatures around the world. The term ‘magical realism’ was coined by the German art critic Franz Roh in 1925, but he employed it to refer to a painting style which he believed was a distinct form of surrealism. His theories had an impact on European and Latin American literatures and the term eventually found its way into literature in the 1950s. We can basically distinguish between two types of magical realism: the scholarly surrealistic type which is mainly found in European writing and the mythic or folkloric type mainly cultivated by the Latin American masters. American magical realism seems closer to the latter.

Maggie Ann Bowers argues that “... writers currently in conditions of oppression in the United States, such as Native American, Chicano and African Americans, have also adopted magical realism as a means to write against dominant American culture”¹. Furthermore she holds that “Toni Morrison writes magical realist narratives that draw from her cross-cultural context as an African American. Her narratives are influenced by African American oral culture and mythology adapted from West African culture”². It is this peculiar African American element which Morrison instills into the trend that has enriched magical realism and makes for her distinctive mark.

Whether European, Latin American or American, magical realist novels are written by writers devoid of political power who gain strength through the power of words. These novels portray complex historical narratives from subaltern points of view, “... magical realism has become associated with fictions that tell the tales of those on the margins of political power and influential society”³. Hence, their ability to tell their own version of history through fiction becomes in itself their empowering tool. This feature of magical realist writing is in keeping with Morrison’s belief that good novels are undoubtedly ‘political as well as very beautiful’. Belonging to the Afro-American community, Morrison has made use of magical realism to challenge the versions of documented history. She has shown particular interest in unearthing the dusted and forlorn pages of history. However, in this article, our intention is to focus on the aesthetic aspect of her magical realism.

In trying to define magical realism, scholars of the literary trend capture as the essence of it the mixture of fantastical and real events. Stuart Sim holds that “... magic realism is a form founded on the juxtaposition

of two modes of representation which normally exist in opposition: realism and the fantastic. (Magical realists) create narratives in which the realistic elements of the text are continually being undercut by the intrusion of impossible or inexplicable events"⁴. Whereas J. A. Cuddon maintains that "some key features of this kind of fiction are the mingling and juxtaposition of the realistic and the fantastic or bizarre, skillful time shifts, convoluted and even labyrinthine narratives and plots, miscellaneous use of dreams, myths and fairy stories, expressionistic and even surrealist description, arcane erudition, the element of surprise or abrupt shock, the horrific and the inexplicable"⁵. Chris Baldick highlights that "the term has also been extended to works from different cultures, designating a tendency of the modern novel to reach beyond the confines of realism and draw upon the energies of fable, folktale and myth while retaining a strong contemporary social relevance"⁶. It is well known that 'the inexplicable events' which are usually incorporated in magical realist novels are flight, levitation, telepathy and telekinesis. Some of these striking elements of magical realism are present in Morrison's *Song of Solomon*, especially the myth of the flying African, strange and unexplainable events and labyrinthine narrative structure.

Song of Solomon is a novel of education, a bildungsroman, which portrays the saga of the Dead family. The novel is set in an unnamed city in Michigan and in the second part the setting shifts to the rural villages of Danville in Pennsylvania and Shalimar in Virginia. The novel covers a time span from 1931 to 1960 with flashbacks going as far back in the past as pre-Civil War American South. It has also been regarded as a novel which features the coming of age of Macon (Milkman) Dead, his quest for the Golden Fleece which ends in his recovery of the family roots.

At the heart of *Song of Solomon* is the myth of the Flying African. However, it has been easy for many critics and scholars to associate Milkman's desire to fly to the Icarus myth of ancient Greece. Useful as Greek Icarus myth might seem to scholars studying the novel, it does not entirely account for all the actions of the character. On the "flying myth" in *Song of Solomon* Morrison has stated that: "If it means Icarus to some readers, fine; I want to take credit for that. But my meaning is specific: it is about black people who could fly. That was always part of the folklore of my life; flying was one of our gifts. I don't care how silly it may seem. It is everywhere – people used to talk about it, it's in the spirituals and gospels"⁷. It is a statement which clearly expresses the author's unhappiness that some readers and scholars fail to understand the gist of the

myth underlying the novel and her subtle intertwining of the Western Icarus myth with the African American one. Milkman's flight evokes a traditional Gullah folk tale about slaves who overcome subjugation in Southern cotton plantations by flying back to Africa. Thus, by alluding to two great literary narratives Morrison endows the flight to freedom with an epic quality. The desire to escape slavery has been a constant and powerful force in the history of humanity.

However, what clearly distinguishes the two myths is the use of wings. In the Daedalus and Icarus myth, father and son use wax wings to fly from the labyrinth where king Minos of Crete imprisoned them. However, Icarus flew too close to the sun, his wings melted and he fell into the sea. *Song of Solomon* begins with Robert Smith's suicidal flight using silk wings from the top of Mercy Hospital. His flight ends in death just like Icarus. Morrison's myth is, as she herself has put it "about black people who could fly"; who take off from the ground without the use of wings. Milkman's great-grandfather flew away from slavery back home to Africa. He needed no wings for that. This is perplexing for Milkman who asks "When you say 'flew off' you mean he ran away, don't you? Escaped?" and Susan replies "No, I mean flew. Oh, it's just foolishness, you know, but according to the story he wasn't running away. He was flying. He flew. You know, like a bird"⁸. Although what unites the two myths is the main characters' desire for freedom, even at this point, Morrison adds the African American element of the pain which this flight to freedom leaves behind for the abandoned wife and children, an element that she clearly emphasizes in the epigraph of the novel which reads "that fathers may soar / and children to know their names." No action, however glorious it may seem, comes without some negative repercussions.

Another element which pushes the novel in the realm of magical realism is the fact that the black community believes that flight of black people is not a myth, they think it is possible and natural. The observers of Robert Smith's flight encourage him rather than rush to prevent his leap, implying that they do not see his flight as a suicide attempt. Instead, the onlookers behave as though Smith's flight might be possible. For the long period of time during which Milkman doubts the possibility of human flight, he remains abnormal in the eyes of his community. Only when he begins to believe in the reality of flight does he cease to feel alienated. This magical realist feature is used by the author to add to the Western Icarus myth the African American dimension.

One other important element to add here, which generally goes unnoticed by readers, is that the novel reverberates of not just one western myth, it evokes Jason's myth and his quest for the Golden Fleece as well as Odysseus's returning home. The novel includes Biblical allusions such as Lazarus's cave or the female characters' names are all taken from the Bible. Be it Western myths or Biblical allusions, Morrison masterfully subverts them.

In the same fashion, Morrison makes use of the subversive quality of language, mainly through the use of names. The story of the name of the street inhabited by the black community is highly symbolic and similar to Morrison's own use of her fictional language which aims at 'bearing witness' and subverting the dominant culture. The post office and the city authorities only recognize it as Mains Avenue, but the local black residents know it as Doctor Street, because the only black doctor they could visit used to live in that street. Letters addressed to residents living in that street caused confusion for the post office employees who "returned [them] ... or passed them on to the Dead Letter Office"⁹. The street "acquired a quasi-official status" only when black people were being drafted for the army in 1918. Not without sarcasm, Morrison writes: "Some city legislators, whose concern for appropriate names and the maintenance of the city's landmarks was the principal part of their political life, saw to it that "Doctor Street" was never used in any official capacity"¹⁰. They prepare a public notice to inform the residents of that street that it "had always been and would always be known as known as Mains Avenue and not Doctor Street". However, the city legislators' attempt to clarify the matter of the name contrasts sharply with the residents' way of giving names. "It was a genuinely clarifying public notice because it gave the Southside residents a way to keep their memories alive and please the city legislators as well. They called it Not Doctor Street..."¹¹ What makes this episode so striking is the author's ability to juxtapose the two different ways of providing names: for the city legislators sticking to the official version is very important whereas for the black community it is a very pragmatic matter. The name they have for the street is clearly associated with the only black doctor where they could cure their diseases and upon his death they started calling the street Not Doctor Street. The residents follow the same logic with Mercy Hospital which they call No Mercy Hospital.

The family's surname is also very metaphorical. Dead was the surname given to Macon and Pilate's father by a drunken Yankee soldier at

the Freedmen Bureau. The soldier was drunk and he wrote all the information which their illiterate father was saying to him into the wrong box. Written by a soldier the episode is a clear allusion of the way African American history has been written in the official documents. Although for three generations the Deads have continued to use that surname, the time has come for Milkman to embark on his quest to find out the truth about his family's origin. The truth lies hidden in a cave in a remote village in Virginia and in a children's song.

During his journey to find the 'cave of gold' Milkman goes to the dilapidated mansion of the Butlers, the white people who killed his grandfather, where to his great surprise he finds Circe, the Butlers' black maid and the person who sheltered his father and aunt. Milkman's encounter with Circe is also a vestige of magic. She is full of classical reverberations and is portrayed as the classical Circe of the Greek mythology. "Milkman struggled for a clear thought, so hard to come by in a dream: Perhaps this woman is Circe. But Circe is dead. This woman is alive. That was as far as he got, because although the woman was talking to him, she might in any case still be dead – as a matter of fact she had to be dead"¹². Morrison subverts even Circe myth as we find it in *The Odyssey*. The classical Circe lived in the island of Aeaea and turned people into beasts. She became a hinderer not a helper in Odysseus journey. Circe in *Song of Solomon* lives with a host of Weimaraner dogs who seem to have "the eyes of children"¹³ and to Milkman she seems like a ghost. However, she was a helper for Macon and Pilate, and she also helps Milkman with correct guidelines how to find 'the cave of gold'.

There are also many other strange and unexplainable events which further push *Song of Solomon* into magical realism. Milkman's conception and birth is surrounded by a shroud of magic. Trudier Harris interprets the event in this way: "There is magic in Pilate giving Ruth a portion to administer in Macon Dead's food in order to ensure Milkman's conception, and there is the added trauma of Macon trying to force an abortion once he learns that his four-day renewed sexual attraction to his wife has led to her pregnancy"¹⁴. It is Pilate who prophecies, arranges and watches over Milkman's birth. "She gave me funny things to do. And some greenish-gray grassy-looking stuff to put in his food"¹⁵. She also scares Macon through black magic and fends off his attempts to end his wife's pregnancy. "Pilate put a small doll on Macon's chair in the office. A male doll with a small painted chicken bone struck between its legs and a round red circle painted on its belly. [...] he left Ruth alone after that"¹⁶.

She becomes Milkman's mentor and guides him in his journey to recover the forgotten past of their family.

Pilate's birth is also considered a magical event as she was born without a navel. "After their mother died, she had come struggling out of the womb without help from throbbing muscles or the pressure of swift womb water. As a result, for all the years he knew her, her stomach was as smooth and sturdy as her back, at no place interrupted by a navel. It was the absence of a navel that convinced people that she had not come into this world through normal channels"¹⁷. The navel is the connection of the child to his mother, by the same token to her community. Pilate, who was brought into the world by a dead mother and given a "Christ-killing name" by her father embarks on her mission to help in the conception, birth and upbringing of Milkman, her Christ-like nephew.

Pilate has a companion which further pushes the novel in the realm of magical realism, her father's ghost. "She paid close attention to her mentor – the father who appeared before her sometimes and told her things. After Reba was born, he no longer came to her dressed as he had been on the woods' edge and in the cave, when she and Macon had left Circe's house. Then he had worn the coveralls and heavy shoes he was shot in. now he came in a white shirt, a blue collar, and a brown peaked cap"¹⁸. Moreover, as it turns out by the end of the novel, the sack that Pilate carries everywhere she goes does not contain the bones of the white person that Macon and she erroneously believe they murdered in the cave. The sack is filled with the skeletal bones of their father.

There are also strong metafictional elements in *Song of Solomon* which are mainly to be found in the stories that Pilate and her brother, Macon, narrate to Milkman. However there is an essential difference in their respective narrations. Macon, who has adopted the qualities of white people, only tells part of the story when forced by his son, whereas Pilate seems an innate storyteller, one that follows the griot tradition of oral storytelling. Both their stories focus on their family history and their murdered father but Milkman's attraction to Pilate's house and her storytelling is clear throughout the novel.

When one closely analyses the structure of magic realist novels one discerns that it resembles a cobweb. The author starts several lines which are gradually interconnected and all end in the center. The reader remains then trapped in the complexity of the plot lines and finds it difficult to come to reliable conclusions. This is also the case in *Song of Solomon*. In the beginning, the author starts with a plot line that focuses on the insurance agent

Robert Smith and the main character's birth. Then, the reader is taken in a new direction. Only by the end of novel does the reader learn and understand the plight of Robert Smith and the reason for his suicide, when his story intertwines with that of Guitar as member of Seven Days, a black retaliatory criminal group. However, the novel starts with Smith's failed flight and ends with Milkman's 'epic successful flight' to maturity and self-realization.

In conclusion, we can say that *Song of Solomon* ranges with the best magical realist novels of the 20th century. The elements which make it a magical realist novel are the emblematic features of magic realism as a literary trend: mixture of the magic with the realistic, intricate plot structure, skillful time shifts, rural or local settings, ghosts, inexplicable or bizarre occurrences and erudite allusions from Bible and classic literature. Furthermore, Morrison has made use of magical realism not just to challenge the dominant American culture and Western myths but also to reach beyond them and embed into them the Afro-American tradition. The novel's focus on the black community does not make it a regional novel because its themes are universal and the African American community serves as a synecdoche for the entire human society. Milkman's quest toward self-discovery, Macon Dead Jr.'s mania for material riches, Pilate's never-ending love for people, Hagar's suicide from broken heart and rejected love, and Guitar's hurtful hunger for revenge are indeed classic literary themes that permeate all great literary traditions.

Notes

¹ Maggie Ann Bowers. *Magic(al) Realism*. New York: Routledge, 2004. P. 46.

² *Ibid.* P. 55.

³ *Ibid.* P. 31.

⁴ Stuart Sim (ed.). *The Routledge Companion to Postmodernism*. New York: Routledge, 2001. P. 310.

⁵ Cuddon J. A. *The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory*. 4th edition, London: Penguin Books 1998. P. 488.

⁶ Chris Baldick. *The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms*. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 128.

⁷ Thomas LeClair. *Language Must Not Sweat: A Conversation with Toni Morrison*. *The New Republic*, 184 (March 1981). P. 26–27.

⁸ Toni Morrison. *Song of Solomon*. London: Vintage, 1998. P. 322–323.

⁹ *Ibid.* P. 4.

¹⁰ Ibid. P. 4.

¹¹ Ibid. P. 4.

¹² Toni Morrison. *Song of Solomon*. London: Vintage, 1998. P. 240.

¹³ Ibid. P. xxx.

¹⁴ Trudier Harris. *Fiction and Folklore: The Novels of Toni Morrison*. Knoxville, The University of Tennessee Press, 1991. P. 85.

¹⁵ Toni Morrison. *Song of Solomon*. London: Vintage, 1998. P. 125.

¹⁶ Ibid. P. 132.

¹⁷ Ibid. P. 27–28.

¹⁸ Toni Morrison. *Song of Solomon*. London: Vintage, 1998. P. 150.

Bibliography

1. Andrews, Williams. L. et al. *The Concise Oxford Companion to African American Literature*. Oxford University Press, 2001.

2. Baldick, Chris. *The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms*. Oxford University Press, Oxford, 1990.

3. Bell, Bernard. *The Contemporary African American Novel: Its Folk Roots and Modern Literary Branches*. Amherst: University of Massachusetts Press, 2004.

4. Bjork, Patrick Bryce. *The Novels of Toni Morrison*. New York: Peter Lang, 1992.

5. Bloom, Harold (ed.). *Toni Morrison: Modern Critical Views*. New York: Chelsea House Publishers, 1990.

6. Bowers, Maggie Ann. *Magic(al) Realism*. New York: Routledge, 2004.

7. Campbell, Jane. *Mythic Black Fiction: The Transformation of History*. Knoxville: University of Tennessee Press, 1986.

8. Carmean, Karen. *Toni Morrison's World of Fiction*. Troy, NY, Whitson, 1993.

9. Cuddon, J. A. *The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory*, 4th edition. London: Penguin Books, 1998.

10. Furman, Jan. *Toni Morrison's Fiction*. Columbia, SC, University of South Carolina Press, 1996.

11. Gates, Henry Louis et al. *The Norton Anthology of African American Literature*. New York: W. W. Norton & Company Inc., 1997.

12. Graham, Maryemma (ed.). *The Cambridge Companion to The African American Novel*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004.

13. Gutherie-Tailor, Danielle (ed.). *Conversations with Toni Morrison*. Jackson, University of Press of Mississippi, 1994.

14. Harris, Trudier. *Fiction and Folklore: The Novels of Toni Morrison*. Knoxville, University of Tennessee Press, 1991.
15. Magill, Frank. N. *Masterpieces of African American Literature*. 1st ed. HarperCollins Publishers, 1992.
16. Matus, Jill. *Toni Morrison*. Manchester University Press, 1998.
17. McKay, Nellie (ed.). *Critical Essays on Toni Morrison*. Boston, G. K. Hall, 1998.
18. Middleton, David (ed.). *Toni Morrison's Fiction: Contemporary Criticism*. Garland Publishing Inc. 2000.
19. Morrison, Toni. *I Come from People Who Sang All the Time*. Interview. Sheldon Hackney, interviewer. *Humanities* 17.1 March/April 1996.
20. Morrison, Toni. *Memory, Creation, and Writing*. Thought, 1984.
21. Morrison, Toni. *Rootedness: The Ancestor as Foundation*. *Black Women Writers*. Ed. Mari Evans. New York: Doubleday, 1984.
22. Morrison, Toni. *The Language Must Not Sweat*. Interview. Thomas LeClair, interviewer. *The New Republic*, 21, March 1981.
23. Morrison, Toni. *The Site of Memory. Inventing the Truth: The Art and Craft of Memoir*. Ed. William Zinsser. Boston: Houghton, 1987.
24. Morrison, Toni. *Unspeakable Things Unspoken: The Afro-American Presence in American Literature*. *Michigan Quarterly Review*, University of Michigan, 1988.
25. Morrison, Toni. *A Mercy*. Chato & Windus, London, 2008.
26. Morrison, Toni. *Beloved*. Vintage 1997.
27. Morrison, Toni. *Home*. Chato & Windus, London, 2012.
28. Morrison, Toni. *Jazz*. Vintage 2001.
29. Morrison, Toni. *Love*. Random House, New York, 2003.
30. Morrison, Toni. *Paradise*. Vintage 1999.
31. Morrison, Toni. *Song of Solomon*. Vintage 1998.
32. Morrison, Toni. *Sula*. Vintage 1998.
33. Morrison, Toni. *Tar Baby*. Vintage 1997.
34. Morrison, Toni. *The Bluest Eye*. Vintage 1999.
35. Otten, Terry. *The Crime of Innocence in Toni Morrison's Fiction*, Columbia, University of Missouri Press, 1989.
36. Page, Philip. *Dangerous Freedom: Fusion and Fragmentation in Toni Morrison's Novels*. Jackson, University of Mississippi Press, 1995.
37. Peach, Linden (ed.). *Toni Morrison*. Macmillan Press Ltd, 1998.
38. Peach, Linden. *Toni Morrison*. London: Macmillan Press Ltd 1995.

39. Pryse, Majorie, and Hortense J. Spillers (eds.). *Conjuring: Black Women, Fiction, and Literary Tradition*. Bloomington, Indiana University Press, 1985. P. 192–202.

40. Rigney, Barbara. *The Voices of Toni Morrison*, Columbus, Ohio State University Press, 1991.

41. Samuels, Wilfred D. and Clenora Hudson-Weems. *Toni Morrison*. Boston, Twayne Publishers, 1990.

42. Sim, Stuart (ed.). *The Routledge Companion to Postmodernism*. Routledge, New York, 2001.

43. Smith, Valerie (ed.). *New Essays on Song of Solomon*. Cambridge University Press, 1995.

44. Willis, Susan. *Specifying: Black Women Writing the American Experience*. Madison, University of Wisconsin Press, 1986.

УДК 81'42

***АДЕКВАТНОСТЬ ВЫБОРА СПОСОБОВ ПЕРЕВОДА
ИСКУССТВЕННЫХ АНТРОПОНИМОВ В ЖАНРЕ ФЭНТЕЗИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. РОЛИНГ)***

Т. В. Дьякова

Статья посвящена рассмотрению способов перевода искусственно созданных имен собственных. В статье доказывается, что выбор способа перевода обусловлен принадлежностью искусственного антропонима к той или иной группе, а также изобретательностью переводчика.

Ключевые слова: искусственный антропоним, фэнтези, имя собственное.

Искусственно созданные имена собственные обладают значением предметности, то есть частью их содержания является как бы обобщение о существовании некоего предмета (или сущности, которую мы представляем себе как предмет). Имена собственные несут в себе какую-то информацию именно об этом предмете, о его свойствах. Эта информация может быть богатой или бедной, и она бывает в разной степени известна в разных сферах общения. Если эта информация получает распространение в масштабах всего языкового коллектива, то это значит, что сведения о данном предмете являются частью языкового значения имени собственного [1. С. 56].

В основе искусственной номинации всегда лежит мотивация. Данное положение должно иметь отражение при переводе антропонима с английского языка на русский. К сожалению, многие переводчики не уделяют должного внимания такому аспекту, как перевод антропонимов в художественном произведении. Переводчик, как правило, прибегает к использованию таких распространенных способов перевода, как транслитерация, транскрипция, транспозиция, калькирование, которые считаются наиболее адекватными при работе с естественными антропонимами.

Транскрибированные имена собственные наряду с остальными реалиями являются теми немногими элементами перевода, которые

сохраняют определенное национальное своеобразие в своей словесной звуковой форме.

Преимущество транслитерации в том, что письменный вариант имени не искажается, его носитель имеет универсальную, независимую от языка идентификацию.

Принцип транспозиции, использующийся в русско-английских соответствиях, касается, прежде всего, исторических и библейских имен, а также имен монархов.

Калькирование как переводческий прием послужило основой для большого числа разного рода заимствований при межкультурной коммуникации в тех случаях, когда транслитерация была неприемлема из эстетических, смысловых или иных соображений.

Но каждый из вышеприведенных способов имеет как достоинства, так и свои недостатки. Рассмотрим их на конкретных примерах.

Серия произведений Джоан Роулинг переведена на 47 языков, включая латынь. На русский язык данное произведение было переведено разными авторами, такими как И. В. Оранский, М. Д. Литвинова, М. Спивак. Также существуют переводы других авторов, но эти являются самыми известными. В нашей работе мы опирались на перевод М. Литвиновой, так как И. В. Орланский перевел только первую книгу о Гарри Поттере, а перевод М. Спивак характеризуется более полным переводом всех имён и названий на русский язык, часто с комическим оттенком, что приводит к потере информативности и стилистической нагрузки. Рассмотрим перевод М. Литвиновой.

Все искусственно созданные антропонимы в произведениях Дж. Роулинг о Гарри Поттере можно разделить на 5 групп:

- 1) говорящие имена;
- 2) имена, в основе которых лежит физическая, биологическая, моральная, интеллектуальная характеристика персонажа;
- 3) мифические имена собственные;
- 4) имена вымышленных антропонимоподобных существ;
- 5) онимизированные апеллятивы.

Говорящие имена и фамилии в детской переводной литературе сразу выводят героев на чистую воду. Трудно ожидать что-то хорошее от героев с именами *Mad-Eye Moody* (*Грозный Глаз Грюм*) или *кот Живоглот* или *крыса Короста*. Однако, во многих случаях, внутренняя форма говорящего имени не может быть понята в связи с неверно выбранным способом перевода. К примеру, профессор обладает жутким именем *Severus Snape* (основа: *severe* – строгий, су-

ровый). Действительно, это очень строгий и суровый персонаж, при виде которого у учеников школы волшебников от страха заплетается язык, и холодеют пальцы. В переводе М. Литвиновой он получает имя *Северус Снегг*. С точки зрения фоносемантики, а именно в сочетании таких согласных, как *c, p, g*, данный перевод способствует восприятию данного имени, как негативному, но смысловой нагрузки антропоним не несет и остается «непознанным» для читателя. Напротив, имя профессора *Sprout* (основа: *sprout* – отросток, росток, побег) в переводе М. Литвиновой получает фамилию *Стебель*. Перевод фамилии в этом случае обоснован: профессор с говорящей фамилией ведет соответствующий предмет – травологию.

Говоря о второй группе имен, удачным представляется перевод имени одного из профессоров волшебной школы носит имя *Gilderoy Lockhart* (основы: *gild* – золотить; *lock* – локон; *hart* – молодой олень-самец). Этот персонаж занят самолюбованием и рассказами о своих несуществующих на самом деле подвигах. В переводе М. Литвиновой его имя звучит *Златопуст Локонс*. Помимо поморфемного перевода переводчик использовал корень «пуст», чтобы точнее передать характер героя.

Обращаясь к мифическим именам, следует отметить, что в основном большинстве случаев переводчик обращается к транскрипции либо транслитерации как основным способам перевода. Например, *Аргус Филч* – *Аргус*, «всеглаз» – в греческой мифологии стоглазое чудовище, которому ревнивая Гера, жена Зевса, поручила следить за Ио, новой фавориткой мужа. Или *Гермиона Гранжер* – в древнегреческой мифологии Гермiona («Красноречие») – дочь Елены Троянской. Следует отметить, что в данных случаях игра с формой слова при переводе была бы неуместна. А правильное понимание таких имен зависит в большей степени от эрудиции читателя. Частично мифические имена можно отнести к группе говорящих имен, но только в том случае, если читатель владеет неким «кодом» для полного понимания значения имени.

Говоря об именах антропонимоподобных существ, обратимся к следующим примерам: (*Dobby*) *Добби* – в староанглийских мифах именно так звали домового, которые всю ночь убирался в доме. С позиций фоносемантики значение имени (то есть «добрый домовый») соотносится со звуковой оболочкой. Таким образом, для простого читателя-обывателя, как англоязычного, так и русскоязычного, данное имя будет благозвучным. Но русскому читателю необходи-

мы определенные фоновые знания для более полного понимания интенций автора. При переводе имени *Buckbeak* (*Конклюв*) автор не только вынужден обратиться к словарю, но и использовать определенную трансформацию. Так, *buck* имеет следующие значения: 1) брыкаться, сбрасывать с седла, становиться на дыбы; 2) болтовня, хвастовство; 3) большой, а *beak* – клюв. Первую часть слова переводчик преобразует, а вторую переводит.

Обратимся к ономицированным аппелятивам. Данная группа искусственно созданных антропонимов представляет наименьшую трудность в плане перевода. Здесь переводчиками используется обычный словарный перевод. К примеру, персонаж с именем *Owl* выступает в русскоязычном варианте, как *Сова*.

По замыслу автора персонажей с подобными именами не так уж много в произведении, так как Дж. Ролинг изначально задумывала историю о Гарри Потере, как нечто фантастическое, но при этом полное смысла, что соответствует законам жанра фэнтези.

Онимизированный аппелятивы в данном жанре способствуют связи реальности и вымысла, но, к сожалению, не несут игрового начала. Возможно, этим можно объяснить такое небольшое количество персонажей, чьи имена образованы подобным способом.

Приведенные выше примеры дают нам понять, что для не англоговорящих читателей имена, представленные в переведенном тексте, не имеют такой эмоциональной нагрузки и значимости как в оригинале. Можно предположить, что читатели знакомы с древней мифологической литературой, историческими фактами и деятелями смогут провести какие-либо аналогии и вникнуть в смысл, который несут имена собственные. Но, как видно из примеров, многие имена собственные в данном произведении имеют аналогии со староманглийскими вариантами языка, а также большое значение имеет семантика слов, составляющих имена. Не зная всего многообразия возможностей трактовки тех или иных понятий невозможно понять истинные аналогии, приводимые автором. Семантика слов в именах собственных также играет большую роль в понимании внутреннего мира каждого из героев, так как все имена в данном произведении являются «говорящими», и каждое составляющее имени или фамилии героев дает то или иное описание. Смысл говорящих имен выявляет только контекст, и только при таком осмыслении переводчик обязан довести до сознания своего читателя их внутреннее содержание. Переводчику необходимо найти средство, если не раскрыть

внутреннюю форму такого имени, то хотя бы ненавязчиво подсказать ее наличие. Одна из задач, которая стоит перед переводчиками произведений Дж. Роулинг, является «изобретения» эквивалентов ее слов в своих родных языках.

Список литературы

1. Белозерова, Ф. М. Антропонимы в английской фразеологии / Ф. М. Белозерова, Н. Л. Шомахер // Актуальные проблемы лингвистики. Курган, 2000.

List of literature

1. Belozerova, F. M. Antroponimy v anglijskoj frazeologii / F. M. Belozerova, N. L. Shomaher // Aktual'nye problemy lingvistiki. Kurgan, 2000.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'33

ОСОБЕННОСТИ КИНЕСИКИ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

И. Э. Алекберова

Основным условием эффективности коммуникации между представителями различных культур является взаимопонимание. В культурах сформировались свои правила использования кинесики. Кинесика репрезентирует совокупность телодвижений (жестов, поз и мимики), применяемых в процессе человеческого общения.

Ключевые слова: кинесика, коммуникация, взаимопонимание, межкультурная коммуникация.

Как известно, международные контакты в современном мире становятся всё более интенсивными. Главным условием эффективности коммуникации между представителями различных культур является взаимопонимание, терпимость и уважение к культуре партнёров по коммуникации. Ведь далеко не всегда межкультурная коммуникация бывает успешной даже в случае достаточного владения языками.

Неверная трактовка слов, знаков, жестов, поведения иностранцев является результатом так называемого «конфликта культур», когда человек воспринимает окружающий мир через призму своей культуры, не принимая во внимание возможность иных взглядов и традиций. Это затрудняет межкультурную коммуникацию, а иногда приводит к коммуникативному провалу. Поэтому важным становится умение понимать язык невербального общения так как, словами можно передать только фактические знания, но чтобы выразить чувства, одних слов часто бывает недостаточно. Они передаются на языке невербального общения.

В культурах сформировались свои правила использования кинесики, а именно жеста улыбки, а также отношение к улыбке как феномену человеческой жизни, имеющему определённое символическое

значение [4. С. 45–46]. Сравнительное изучение феномена улыбки, например, в русской и американской культурах предоставляет возможность определить различия в национальной специфике моделей поведения, выявить значение улыбки как знака невербальной коммуникации.

Кинесика понимается в широком смысле слова как наука о языке тела и его частей. Объектом кинесики являются мимические жесты, позы и знаковые телодвижения.

Среди знаковых форм кинетического поведения выделяют жесты, выражения лица (мимика), позы, телодвижения, которыми могут сопровождаться размышление или состояние говорящего [4. С. 134–136]. Доминантными функциями жестов в коммуникативной интеракции являются:

- функция регулирования и управления вербальным поведением говорящего и слушающего (так называемые иллюстративные жесты, сопровождающие многие речевые акты: приветствие, приказы, угрозы);

- отображение в коммуникативном акте актуальных речевых действий. Это перформативные жесты. Например, невербальные просьбы типа поманить пальцем, жесты-вопросы и т. д.;

- коммуникативная функция передачи адресату некоторой порции смысловой информации. Например, ряд общекоммуникативных жестов содержат указание на участников ситуации общения, на некоторые объекты, место или время характерные для этой ситуации;

- дейктическая функция: пояснение величины или размера какого-то объекта, а также уточнение местоположения персоналии или объекта.

По лицам людей ничуть не в меньшей степени, чем по их словам, можно судить об их психологическом и эмоциональном состоянии. Выражения лица имеют идентичные функции коммуникативной интеракции, что жесты рук и ног.

Общеизвестно, что отдельная роль отводится лицу. Лицо – это место симптоматического выражения чувств, внутреннего состояния человека и межличностных отношений [1. С. 162]. Функция выражения чувств и отношений является одной из доминирующих функций лица. Остальные функции лица – это коммуникативные и регулятивные.

Постоянно воспроизводимые кинетические лицевые формы, такие как нахмуренные брови, оскал, широко раскрытые глаза, откры-

тый рот и др. имеют фиксированные культурно обусловленные значения. Не редко ошибочно полагают, что одно и то же стимульное событие должно вызывать у всех народов одну и ту же эмоциональную реакцию. Мы, например, выражаем удивление в большинстве случаев глазами, а в древнем Китае для выражения удивления высывали язык между зубами [3. С. 87–88].

Среди жестовых знаков в выражении разнообразных оценок не последняя роль отводится позе. Под позами мы понимаем осознанные или неосознанные общие положения тела, более статичные, чем собственно жесты, манеры или выражения лица. В каждой культуре существуют стереотипные позы для разных возрастов и полов, позы, отображающие физическое состояние субъекта, например, болезнь.

Так, сгорбленная поза человека во многих культурах является признаком старости или физического нездоровья [2. С. 129–131]. Мужская поза, сидя, отклонив корпус назад (при этом часто отводятся за голову сложенные «в замке» и принимающие форму арки руки) в русской культуре свидетельствует о попытке взглянуть на разворачивающуюся ситуацию как бы извне.

Позы, как и другие жесты, могут по-разному классифицироваться. При этом особое значение имеют положения рук и ног. Например, открытая поза сидящей женщины противопоставлена закрытой. В Европе и Америке подобная открытая поза оценивается как нейтральная или даже положительная. А вот в Японии она признается аморальной.

Пользуясь ежедневно десятками жестов, мы почти не задумываемся об их смысле. Известно, что основные коммуникационные жесты во всем мире не отличаются друг от друга: когда люди счастливы, они улыбаются, когда печальны – хмурятся, когда не знают или не понимают, о чем идет речь – пожимают плечами.

Однако нередко одно и то же выразительное движение у разных народов может иметь и совершенно различное значение, а легкомысленное обращение с обычными для нас жестами может привести к неожиданным последствиям. Американское невербальное коммуникативное поведение отличается на фоне русского [6. С. 156–157]. Особенно эти различия видны в системе жестов, мимики, поз:

1) рукопожатие – иностранцу довольно сложно понять, в каких случаях надо пожимать американцу руку, а в каких лучше этого не делать. В обычных ситуациях, когда два человека встречаются, они нередко пожимают друг другу руки, но это не обязательно. В

Америке даже близкие друзья обычно не обмениваются рукопожатием. Рукопожатие возможно при первом знакомстве и расставании.

2) физический контакт при общении – американцы не относятся к контактным культурам. Физический контакт при общении осуществляется крайне редко: действует правило ‘Keep your hands to yourself’ (держи руки при себе). Допустимо только мужчинам похлопать друг друга по плечу при приветствии.

3) улыбка в общении – основным мимическим отличием американца от русского является улыбка. В Америке улыбка является неизменной частью разговора. Американцы, встречаясь взглядом с незнакомыми людьми в транспорте, на улице и в других местах, обычно улыбаются [5. С. 98–100].

Основными функциями американской улыбки являются:

- демонстрация доброжелательности к собеседнику;
- демонстрация вежливости в общении: в этом плане улыбка в Америке – основа обслуживания клиентов;
- демонстрация личного преуспеяния («Я в полном порядке»); даже если дела идут неважно, американцы улыбаются.
- демонстрация благодарности – улыбка может служить заменителем вербальных средств выражения благодарности.

Из всего выше сказанного можно сделать выводы, что кинесика репрезентирует совокупность телодвижений (жестов, поз и мимики), применяемых в процессе человеческого общения.

Изучение отражения поведения в его внешних проявлениях, позволяет получать важную дополнительную информацию в процессе межличностного общения, а также способствует взаимопониманию между людьми.

Список литературы

1. Кнапп, М. Л. Невербальные коммуникации. М. : Наука, 2000. 308 с.
2. Конечкая, В. П. Социология коммуникации. М. : МУБУ, 2006. 164 с.
3. Равенский, Н. Н. Как читать человека: черты лица, мимика, жесты, позы. М. : Рипол Классик, 2007. 672 с.

List of literature

1. Knapp, M. L. Neverbal'nye kommunikacii. M. : Nauka, 2000. 308 s.
2. Koneckaja, V. P. Sociologija kommunikacii. M. : MUBU, 2006. 164 s.
3. Ravenskij, N. N. Kak chitat' cheloveka: cherty lica, mimika, zhesty, pozy. M. : Ripol Klassik, 2007. 672 s.

4. Сергеева, А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М. : Флинта, 2007. 315 с.

5. Birdwhistell, R. L. Introduction to Kinesics. University of Louisville Press, 1952. 287 p.

6. Cherry, C. On Human Communication. New York : Science Editions, 2001. 321 p.

4. Sergeeva, A. V. Russkie: stereotipy povedenija, tradicii, mental'nost'. M. : Flinta, 2007. 315 s.

5. Birdwhistell, R. L. Introduction to Kinesics. University of Louisville Press, 1952. 287 p.

6. Cherry, C. On Human Communication. New York : Science Editions, 2001. 321 p.

УДК 81'33

**ПАРОДИЙНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ
В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ЖАНРОВ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Т. С. Брыжина

В данной статье представлены результаты исследования текстов разных жанров, в которых реализуется пародийная тональность общения. Анализируются тексты личностно-ориентированного и институционального дискурса на русском и английском языках.

Ключевые слова: пародийная тональность, жанр, личностно-ориентированный дискурс, институциональный дискурс.

В данной работе рассматривается реализация пародийной тональности в текстах разных жанров. Под пародийной тональностью понимается тональность, в основе которой лежит установка на то, что любое высказывание представляет собой переработанный вторичный текст, опирающийся на какой-либо (какие-либо) первичный текст-оригинал, причем вторичный текст карикатурно имитирует первичный, создавая комический эффект.

По утверждению М. М. Бахтина, «мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого» [1. С. 257]. Многообразии сфер жизнедеятельности человека объясняет многообразие речевых жанров и их разнородность [1. С. 237]. Жанры существуют как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [1. С. 241–242], распознаются носителями языка, т. к. «мы уже с первых слов угадываем ... жанр ... с самого начала обладаем ощущением речевого целого» [1. С. 257–258], а эта узнаваемость является предпосылкой того, что определенный жанр может стать объектом пародирования.

Пародийному осмыслению могут подвергаться жанры как личностно-ориентированного, так и институционального дискурса.

Типичным жанром бытового дискурса британского общества является светская беседа (*small talk*), которая пародируется в коме-

дийном скетч-шоу «Monty Python's Flying Circus» (*Летающий цирк Монти Пайтона*).

Landlady: Well, you must be tired, it's a long way from Coventry, isn't it?

Johnson: Well, we usually reckon on five and a half hours and it took us six hours and fifty-three minutes, with the twenty-five minute stop at Frampton Cottrell to stretch our legs, only we had to wait half an hour to get onto the M5 at Droitwich.

Landlady: Really?

Johnson: Then there was a three mile queue just before Bridgewater on the A38. We usually come round on the B3339 just before Bridgewater, you see... [Monty Python Flying Circus: Episode 12].

В данном примере пародийная тональность создается за счет того, что нарушаются основные правила ведения светской беседы между незнакомыми людьми. Хозяйка пансионата, задавая вопросы вновь приехавшим постояльцам о том, как они добрались, соблюдает этикетные правила вежливости. Эти вопросы не предполагают детального отчета, который дает мистер Джонсон. Осознавая несоответствие между приведенной выше светской беседой и имеющимся у нас представлением о типичной светской беседе, мы, как адресаты текста примера, воспринимаем его в пародийной тональности.

Случаи карикатурной имитации в бытийном дискурсе можно наблюдать в многочисленных пародиях на разнообразные литературные жанры. Так В. Жук пародирует жанр басни, используя знакомую жизненную ситуацию: похождения столичного ловеласа в провинции.

Один проезжий Бонвиван, / На мызу завернул изящный свой рыдван. / Брыластый Мызник, распрягая цуг, / Был щеголем через лорнетку спрошен: / – Как ты, мой друг, дородный и хороший, / Проводишь дней своих мужской досуг? [В. Жук].

На первый взгляд этот текст обладает всеми признаками типичной басни: короткая повествовательная форма, законченный сюжет, нравоучение, следующее за повествованием [2]. Однако сюжет данной басни скорее можно назвать анекдотическим, чем аллегорическим, а мораль, которую читатель должен вынести после прочтения, вряд ли можно назвать нравоучительной. На основе этих признаков мы можем сделать вывод, что адресант В. Жук ожидает, что адресат-читатель интерпретирует текст басни в пародийной тональности.

Жанры институциональных видов дискурса также могут подвергаться пародированию. Одним из распространенных жанров инсти-

туционального дискурса является памятка-инструкция – «краткое нормативное, производственно-практическое или справочное издание, содержащее самые важные сведения, которыми надо руководствоваться, выполняя какую-либо операцию или осуществляя деятельность» [3].

Памятка для тараканов. Дихлофос – химическое ОМП. Основными поражающими факторами дихлофоса являются: звуковая волна («пшик»), направленное дихлофосное излучение (фэрозольная волна), остаточный запах (выселяющий газ) [http://www.rushumor.com/stories/1439.html].

Пародийная тональность возникает за счет того, что подобная памятка об оружии массового поражения более уместна в военном дискурсе для военнослужащих или лиц, находящихся в зоне военных действий. Здесь же непосредственные адресаты текста памятки-инструкции – насекомые, что является абсурдом.

Участники научного дискурса стремятся к поиску истины, постижению окружающей действительности, выдвигают логично-обоснованные гипотезы и теоретические модели, используют точные и ясные формулировки. В следующем примере эти характеристики научного дискурса предстают в перевернутом виде, а жанр научного доклада подвергается пародированию:

Miss Elk: Can I just say here that I have a new theory about the brontosaurus. Well, this is what it is – my theory that I have, that is to say, which is mine, is mine. My theory that belongs to me is as follows. This is how it goes. The next thing I'm going to say is my theory. Ready? My Theory by A. Elk. Brackets Miss, brackets. This theory goes as follows and begins now. All brontosauruses are thin at one end, much-much thicker in the middle, and then thin again at the far end [Monty Python Flying Circus: Episode 31].

Адресат данного текста воспримет его в пародийной тональности, т.к. нарушены важные признаки жанра доклада, представляющего новую научную теорию: из-за многочисленных повторов, эллиптических предложений, синонимических фраз теряется связность и стройность повествования; отсутствует изложение проблемной ситуации, ее истории; но самое главное, что обе выдвигаемые теория по своей сути являются совершенно нелепыми, а связь между ними можно обнаружить только с точки зрения абсурдной логики мисс Элк.

Если обратится к масс-медиальному дискурсу, то здесь объектом пародий могут становиться такие жанры, как ток-шоу, телевиктори-

на, спортивный репортаж, новостное сообщение и т. д. Приводимый ниже фрагмент монолога М. Галкина «Пародия на программу телепередач» карикатурно имитирует жанр анонса телепередач, который можно услышать по радио или телевидению. Здесь в краткой форме представляются фильмы и передачи, которые зритель может увидеть в ближайшие дни. Пародия М. Галкина – это собирательный образ программы телепередач практически любого современного телеканала, где обязательно есть многосерийные сериалы, новости, криминальные передачи, мультфильмы для детей, которые скорее предназначены для взрослых, и различные ночные передачи. Следующий пример – краткое содержание анонсируемой серии телесериала:

Диктор: Вечерний показ «Запеканки». События в этой серии принимают неожиданный оборот. От удара у Пытро возникают до этого не наблюдавшиеся способности предсказывать будущее и переваривать пищу на расстоянии. Прозревший Пытро узнает в Мыколе свою единоутробную сестру Гарпыну, которая пропала двадцать лет назад в лесах Амазонии во время совместной бразильско-украинской экспедиции. Перед Гарпыней стояла задача определить влияние сала на южно-американских индейцев, но она неожиданно исчезла с тридцатью килограммами опытного материала. [М. Галкин]

М. Галкин карикатурно представляет типичные черты современных сериалов (неожиданный, вплоть до нелепости, поворот сюжета; внезапно раскрывающиеся родственные связи; измены супругов и т. д.), что создает пародийную тональность.

Пародийную тональность при имитации жанров можно обнаружить и в рекламном дискурсе:

«Галина Бланка» готовит Вам сюрприз! Напишите нам, за что вы любите «Галину Бланка», вложите в конверт две обёртки от бульонных кубиков «Галина Бланка», и через месяц Вы можете получить ЧЕТЫРЕ обёртки, а еще через месяц – ВОСЕМЬ! [Юмористический сайт «Рус-хумор»]

На поверхностном уровне данный пример – фрагмент рекламного дискурса, где на потенциального покупателя оказывается воздействие, чтобы он приобрел рекламируемый товар. Воспроизводится типичная форма обращения к покупателю, характерная для жанра рекламной акции: «Сделай X, и получишь Y». Кроме того, здесь наблюдается использование такой манипулятивной стратегии, как подмена целей, т. е. создается иллюзия, что приобретение этого то-

вара оказывается выгодным только для адресата (за две обертки – получишь восемь), а адресант как будто бы ничего от этого не имеет [4]. Однако адресат наверняка будет интерпретировать эту рекламу в пародийном ключе, т. к. ее конец явно контрастирует с обычными обещаниями, свойственными такого рода рекламным текстам.

Жанры делового дискурса, к примеру, интервью о приеме на работу, беседа начальника и его секретаря, вступительная речь на совещании, также могут подвергаться пародированию. Жанры делового дискурса все чаще проникают в другие виды дискурса, в частности, в масс-медиа для того, чтобы бизнесмены постоянно были в курсе последних экономических событий. В следующем примере карикатурной имитации подвергается жанр делового дискурса – новости фондовой биржи:

Trading was crisp at the start of the day with some brisk business on the floor. Rubber hardened and string remained confident. Little bits of tin consolidated although biscuits sank after an early gain and stools remained anonymous. Armpits rallied well after a poor start. Nipples rose dramatically during the morning but had declined by mid-afternoon [Monty Python Flying Circus: Episode 27].

Данный текст можно отнести к жанру новостей фондовой биржи, поскольку здесь представлен отчет о состоянии торгов на фондовой бирже на текущий момент. Кроме того, используются типичные клише (*on the floor* (в торговом зале биржи), *harden* (вырастать), *consolidate* (укрепляться), *rally well* (укрепляться, оживиться), *rise dramatically* (резко возрасти)) и характерные синтаксические конструкции (... *hardened* (цены на ... выросли); ... *rallied well* (укрепиться на высокой отметке); ... *rose dramatically* (... значительно возросли)). Адресат текста будет интерпретировать его в пародийной тональности, т. к. содержание новостей фондовой биржи в примере не соответствует тому содержанию, которое адресат, опираясь на свой опыт, ожидает от данного жанра делового дискурса: вместо сведений о ценах на ценные бумаги, полезные ископаемые или промышленные товары сообщается информация о совершенно различных товарах, которыми не торгуют на биржах.

Итак, рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что пародийная тональность может реализовываться в разных жанрах как личностно-ориентированного, так и институционального дискурса.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. 424 с.
2. Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1929–1939. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/>.
3. Мильчин, А. Э. Издательский словарь-справочник. Изд. 3-е, испр. и доп., электронное. М. : ОЛМА-Пресс, 2006. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/milchin>.
4. Пирогова, Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации. URL: http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_31/htm.

List of literature

1. Bahtin, M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva. – M. : Iskusstvo, 1979. 424 s.
2. Literaturnaja jenciklopedija: v 11 t. M., 1929–1939. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/>.
3. Mil'chin, A. Je. Izdatel'skij slovar'-spravochnik. Izd. 3-e, ispr. i dop., jelektronnoe. M. : OLMA-Press, 2006. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/milchin>.
4. Pirogova, Ju. K. Strategii kommunikativnogo vozdejstvija v reklame: opyt tipologizacii. URL: http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_31/htm.

УДК 81'33

**СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ТЕМАТИЧЕСКАЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ ШОУ-БИЗНЕСА)¹**

Н. П. Бугаенко, Г. А. Иоакимиди

Статья посвящена раскрытию основных характеристик и дифференциации по тематическому признаку англоязычной терминологической лексики сферы шоу-бизнеса. Показана специфика терминологических единиц, отличающая их от общеупотребительной лексики. Данные терминологические единицы можно разделить на такие тематические группы, как реклама, спорт, эстрада, компьютерные игры, мода, СМИ, успех, различающиеся по количеству вербализаторов. Авторы приходят к выводу о том, что тематический спектр терминологии шоу-бизнеса достаточно широк, и в нем активны процессы терминологизации и ретерминологизации.

Ключевые слова: термин, шоу-бизнес, тематическая дифференциация, терминология, функция, характеристика, английский язык, терминологическая лексика, детерминологизация, подъязык, терминологизация, терминосистема, ретерминологизация.

Проблематика языка и общества на протяжении долгого времени являлась объектом пристального внимания филологов (Ф. де Соссюр, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Р. О. Шор, В. М. Жирмунский, Е. Д. Поливанов и многие другие), которые подчеркивают сложность и поликоординатность взаимосвязи между устройством общества и

---

¹ Публикация выполнена в рамках реализации научного проекта «Российская и западноевропейская ментальность в зеркале языка (1945–2011 гг.): когнитивистическое и лексикографическое моделирование языковой картины мира научно-инновационной и научно-производственной сфер (эволюционная динамика, внутриязыковые и межъязыковые корреляции)» (регистрационный номер 6.2102.2011), выполняемого в соответствии с государственным заданием ФГБОУВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» на 2012–2014 гг. (руководитель проекта – доктор филологических наук, профессор О. А. Алимуратов).

социальной формой языка. Как известно, для существования и эволюции общества язык необходим как средство коммуникации. Тем не менее, немаловажно то, что язык эволюционирует и прогрессирует значительно медленнее, чем общество в целом и отдельные социальные классы.

Социальная вариативность языка, будучи основным фактором и – одновременно – результатом воздействия социума на язык, отражает как современное положение вещей в обществе, так и исторически сложившиеся перемены на разных этапах его развития. В зависимости от социальной принадлежности людей и языковой среды, к которой они относятся, определяются языковые ресурсы, которые используют говорящие. Среда и обстоятельства, при которых происходит общение, определяют выбор тех или иных языковых средств для вербализации зачастую сложных и многоплановых интенций говорящего.

Несомненно, социальная стратификация языка определяется социолингвистическим многообразием профессиональных и социальных групп людей, которые формируют общество.

В результате неизбежного процесса развития произошло социальное расслоение лексического состава языка и разделение его лексики на *подъязыки*. Известно, что подъязык определяется как совокупность языковых средств, используемых говорящими в зависимости от их принадлежности той или иной социальной группе, сфере деятельности, географического расположения и образования [8].

Как известно, на определенном этапе развития общества общепринятые нормы литературного языка больше не в состоянии отвечать требованиям современной коммуникации. Каждый день мы становимся очевидцами промышленного прогресса, который влечет за собой целый ряд глобальных изменений в обществе. Не может остаться в стороне от этого и язык. Появление множества специализированных сфер деятельности и расслоение общества привели к образованию подъязыков как средства передачи информации и номинативного орудия отдельных групп людей. С учетом исследований, проведенных в области стратификации лексических подсистем, нам представляется необходимым выделить следующие основные черты подъязыка:

- 1) специфичность лексических единиц,
- 2) наличие специализированной терминосистемы,
- 3) социолингвистическая обоснованность – использование в рамках определенной социальной группы,

- 4) стилистическая окраска лексических единиц подъязыка,
- 5) обособленность от общелитературного языка и других отраслевых лексических подсистем.

Специфичность лексических единиц подъязыка обуславливается их связью с соответствующим родом человеческой деятельности. *Терминологическая система – ядро любого подъязыка* – выполняет основную функцию, присущую любому слою профессиональной лексики – **обозначать понятия, в совокупности формирующие определенную специализированную (научную) картину мира**. Формирующие словарный состав любого подъязыка лексические единицы маркированы определенными общественно-языковыми установками. Положение вещей в обществе напрямую связано с появлением и проникновением в подъязык новых лексем. Ярко выраженная стилистическая окраска, наблюдаемая в отдельных лексических слоях подъязыка (арго, сленг, жаргон), является отражением тенденций в обществе и способствует достижению определенных коммуникативных целей. Это может быть связано с общим настроением групп людей, с их стремлением выделиться, выразить свое отношение к событиям как в рамках своей страны, так и в мире в целом.

Обратимся к различным критериям стратификации подъязиков. По мнению В. П. Коровушкина, базовой категорией языка можно считать его экзистенциальную форму, которую следует классифицировать в соответствии с тремя видами воплощения, обусловленными определенными реальными языковыми формами, но при этом не стоит забывать о различной степени автономности данных форм:

- 1) полностью «*независимые*» (автономные) формы существования языка – национальные языки, национальные варианты языка, территориальные диалекты и подъязика;

- 2) «*полунезависимые*» (полуавтономные) экзистенциальные формы языка – полудиалекты, говоры, этнолекты и социолекты, подчиненные литературному языку как ведущей автономной форме, обеспечивающей коммуникацию;

- 3) «*зависимые*» (неавтономные) формы существования языка – элементы просторечных лексических систем различных этнических и социальных диалектов – этносоциолектизмы и социолектизмы: коллоквиализмы, сленгизмы, вульгаризмы, жаргонизмы, арготизмы, пиджинизмы, подчиненные литературному языку как целостному языковому коду, обеспечивающему коммуникацию на данном языке [8. С. 88–119].

При сопоставлении специализированных лексических систем шоу-бизнеса релевантными представляются две классификации:

1) социально-коммуникативная стратификация лексического наполнения национального языка, дифференцирующая последний в нормативном, стратификационном и ситуативном аспектах,

2) стратификация нестандартной лексики по качеству ее «просторечности» или «субстандартности», где каждый из компонентов характеризуется тремя признаками, отличающими субстандартную лексику от стандартной, что разделяет субстандартные лексические пласты между собой в сфере просторечия по: а) этико-стилистической маркированности, б) социальной профессионально-корпоративной детерминированности и в) эзотеричности.

Основываясь на этом, возможно предложить еще одну классификацию лексических слоев внутренней структуры рассматриваемого нами подъязыка шоу-бизнеса:

- 1) общеупотребительный,
- 2) книжный и терминологический пласты лексики,
- 3) сниженный лексический пласт,
- 4) сленг.

Терминология представляет по своей сути уникальный пласт лексического состава языка, поскольку, как уже говорилось, она вербализует понятия, являющиеся структурными элементами научной или профессиональной картин мира. Согласно А. В. Суперанской, Н. В. Подольской и Н. В. Васильевой, понятие не становится достоянием научной мысли, пока оно не выражено вербально. Ввиду этого в языке оно может быть репрезентировано двумя способами: посредством терминологической единицы и дефиниции [23]. Под последней понимается построенная определенным образом фраза. При этом под термином отдельными учеными понимается именно сокращение дефиниции [7], благодаря чему создается возможность отразить весь объем знания, заключенного в ней, в одном слове или словосочетании.

Лексический состав любого языка можно рассматривать как сложно организованную структуру, включающую отдельные подсистемы, где специализированная лексика, включающая в свой состав терминологию, занимает особую нишу. Так, с точки зрения стилистики сленг, жаргон, профессионализмы относятся к низкому пласту лексики, в то время как терминология традиционно соотносится с высоким стилем [20]. Таким образом, система языка включает значительное количество мелких подсистем, среди которых терминология

служит вербализатором существенной в настоящее время сферы научного и/или специализированного знания.

Каждая целенаправленная человеческая деятельность порождает свою терминологию. С. В. Гринев-Гриневиц определяет терминологию «как естественно сложившуюся совокупность терминов, используемых в определенной области знания или вербализующей отдельный ее фрагмент [4]. Данное мнение разделяется многими учеными-терминоведами. Однако А. В. Суперанская указывает и на многозначность термина «терминология», показывая, что под терминологией понимается «не только совокупность терминов (понятий и названий) какой-либо определенной отрасли знания (медицинская терминология, географическая терминология), но и совокупность или неопределенное множество терминов-слов вообще». Таким образом, как считает исследователь, «науки в современном обществе представляют собой континуум, который делят лишь условно на определенные дисциплины» [23. С. 9]. **Более того, многие сферы научного знания и, соответственно, их терминологии сегодня являются результатом сближения смежных наук или их развития.** Активный научно-технический прогресс в XX веке способствовал становлению множества новых подъязыков, вследствие чего в лингвистике устоялось мнение о том, что терминологии складываются стихийно [14]. Данный процесс предполагает постоянный обмен лексическими единицами между отдельными подъязыками, специализированной лексикой и общеупотребительной лексикой. И, тем не менее, как показывает С. В. Гринев-Гриневиц, терминологические единицы, являющиеся основными единицами научного дискурса, необходимо рассматривать в рамках конкретной терминологии, поскольку свойства и особенности функционирования термина в большей степени обусловлены терминологией, к которой он принадлежит [4].

Как справедливо полагает М. Н. Лату, **язык науки является особой репрезентационной системой**, в рамках которой термин представляет собой особый знак и выступает своеобразной ментальной репрезентацией [11]. Ввиду этого необходимо ответить вопрос, кую именно лексическую единицу следует считать термином?

Ученые разных специальностей нередко дают дефиниции понятию «термин», часто не совпадающие по своему содержанию, сосредотачивая внимание на отдельных его характеристиках или свойствах, но в целом сходятся во мнении, что термин есть «основная единица науки, специальных отраслей знаний и сфер деятель-

ности человека, призванная номинировать объекты и процессы и одновременно служить средством познания окружающего мира» [6]. Мы присоединяемся к данной точке зрения и от себя добавим, что данные единицы также характеризуются определенным набором свойств и функций, выделяющих их среди других лексических средств конкретного языка. Согласно Г. П. Кузикевичу, «ассимилируясь в определенной терминосистеме, слова приобретают узкое ограниченное значение, что видно из этимологии самого слова «термин», что означает предел» [9].

У представителей различных терминоведческих школ сложились различные подходы и критерии к выделению и изучению терминологических единиц. Так, например, представители московской школы считают одним из отличительных свойств термина наличие дефиниции. Данная точка зрения близка позиции сторонников субстанционального подхода к рассмотрению сущности термина. В данном случае терминологические единицы трактуются как особые слова или словосочетания, отличающиеся от других единиц употребительной лексики определенным набором онтологических особенностей, среди которых выделяются:

- лексическая и словообразовательная системность;
- наличие словарной пометы;
- тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля, т. е. терминологии конкретной науки, дисциплины, научной школы;
- экспрессивная и модальная нейтральность;
- стилистическая нейтральность;
- наличие дефиниции;
- отсутствие синонимии;
- точность;
- номинативность;
- независимость от контекста и др. [4].

Как считает Л. В. Ивина, весь набор данных характеристик может присутствовать лишь у идеального термина, а в реальном употреблении указанные особенности присутствуют далеко не у всех терминологических единиц. Так, многие лингвисты сходятся во мнении, что существует тенденция к моносемичности только в пределах своего терминологического поля [6; 14 и др.], однако на практике можно выявить полисемичные термины в рамках одной науки. Классическим примером такой многозначности термина является слово «суд»,

которое одновременно вербализует понятия о «здании, где слушается дело», «процедуре судебного слушания» и «членах судейской коллегии». Данный факт способствовал становлению мнения о том, что данный набор характеристик вызывает целый ряд возражений, поскольку большая часть терминов не выполняет комплекс приведенных выше требований [14]. По этой причине некоторые лингвисты (С. В. Гринев-Гриневиц и др.) предлагают разграничить вышеназванные характеристики на признаки термина и требования, предъявляемые к термину. К первым относятся такие основополагающие особенности, как системность, точность семантики, конвенциональность, независимость от контекста, а ко вторым – тенденция к моносемичности, отсутствие синонимии и др. [4].

Кроме субстанциональных особенностей, согласно мнению некоторых терминоведов, терминологические единицы обладают рядом функций:

- номинативная;
- дефинитивная;
- сигнификативная;
- гносеологическая;
- сциентическая и др.

Данное мнение разделяется многими лингвистами [3; 13; 26]. Так, Л. В. Морозова рассматривает критерий существования научной дефиниции как один из важных признаков термина, чем и обусловлена его дефинитивная функция [18]. Некоторые терминоведы, исследующие функциональную природу данных единиц [5; 12], полагают, что термин совмещает как номинативную функцию, наличие которой свойственно и единицам общеупотребительной лексики, так и дефинитивную, являющейся отличительным свойством единиц специализированной лексики. Помимо этих двух основных функций термина, называются и гносеологическая функция термина, поскольку последний представляет собой одно из средств познания действительности [2]. В. М. Лейчик также выделяет сигнификативную, коммуникативную и прагматическую функции [14]. М. Н. Лату под отличительной функцией термина понимает сциентическую, а именно: «восприятие слова как вербализатора фрагмента четко структурированной научной картины мира значительным числом коммуникантов». При этом можно лишь согласиться с точкой зрения исследователя, согласно которой наличие у терминов данных отличительных свойств во многом обусловлено и продиктовано особой сферой реализации терминов, а

также местом термина среди других лексических единиц языка, благодаря его особой функциональной направленности [10].

К отличительным характеристикам терминологических единиц М. Г. Павлова предлагает отнести и то, что значение общеупотребительного слова «отражает лишь внешние признаки обозначаемого понятия, которые вполне достаточны для неспециалиста, в то время как профессионал видит в термине элемент стройной системы понятий» [20. С. 5]. С другой стороны, П. А. Флоренский подчеркивает, что «термин – это вариант обычного слова или культивированная, специально созданная единица, обладающая как свойствами своей первоосновы, так и новыми специфическими качествами» [25. С. 360]. Данное мнение поддерживается и другими учеными. Так, В. М. Лейчик считает, что на современном этапе развития терминоведения «традиционное противопоставление «термин — слово» неправомерно, поскольку между этими единицами существует не отношение контрарности, а отношение логической производности» [14; см. также: 1]. Мы полностью разделяем данную точку зрения и считаем, что термины действительно обладают всеми семантическими и формальными признаками слов общеупотребительной лексики.

Данное мнение во многом основывается на существовании процессов взаимообмена между общеупотребительной и терминологической лексикой, под которыми понимаются явления *терминологизации* и *детерминологизации*, ставшие объектом исследования многих ученых [16; 17]. Так, под первым понимается переход общеупотребительного слова в ранг термина, а под вторым – переход термина в состав общеупотребительной лексики. Л. Н. Лубожева полагает, что среди существующих причин детерминологизации можно выделить: «демократизацию общества, принадлежность термина к информационно-актуальному полю, вследствие чего он приобретает широкую известность ввиду каких-либо важных событий, моды на интеллектуализацию высказывания, а также реализацию лингвистического закона языковой экономии, при котором термин является отражением всех свойств понятия, вложенных в одно слово» [15]. К вышеназванным процессам также можно отнести явление *ретерминологизации*, анализируемое в работах Е. Н. Толикиной. Под данным лингвистическим термином исследователь видит перенос готовой лексемы из одной дисциплины в другую с полным или частичным переосмыслением [24]. О. С. Рабкесова выделяет следующие причины, приводящие к ретерминологизации: «близость объектов и

явлений, изучаемых в различных областях, социальная и научная актуальность и престижность определенных сфер знания в определенный момент времени, а также интеграция наук» [21].

Помимо субстанциональных и функциональных свойств термина, процессов, протекающих внутри терминологий, объектами исследования нередко становятся семасиологические и ономаσιологические характеристики терминологических единиц. С. В. Гринев-Гриневиц считает, что термины как знаковые единицы могут рассматриваться в четырех аспектах: с точки зрения их формы и структурных особенностей; их значения; исторических особенностей и особенностей их употребления [4]. Таким образом, сфера исследований терминологии достаточно широка, а само понятие «термин» предстает как сложная объемная структура. Так, с учетом происхождения выделяются термины *исконные* и *заимствованные*. Рассматривая термины в историческом аспекте, можно выделить *термины-архаизмы*, *историзмы*, *устаревшие термины* и *термины-неологизмы*. С точки зрения формы термины подразделяются на *корневые*, *производные*, *сложные*, *сложнопроизводные*, *термины-словосочетания* и *термины-предложения* (термины с предикацией по М. Н. Лату). С точки зрения содержания термины делятся на *однозначные* и *многозначные*, *мотивированные*, *ложномотивированные* и *немотивированные* и др. В соответствии с содержательной структурой выделяются *однойдерные*, *двухдерные*, *однойдерные термины с периферией* и др. [см., в частности: 10]. С учетом функциональных особенностей существуют термины языка и термины речи, термины-интернационализмы и национальные термины, стандартизованные и недопустимые термины.

Рассматривая терминологическую лексику в рамках последнего аспекта можно утверждать, что «терминологическая лексика, в основном, принадлежит языковому уровню, хотя может функционировать и на речевом наряду с общеупотребительной лексикой и другими видами специализированной лексики, одним из которых являются профессионализмы» [19. С. 364]. Таким образом, профессионализмы являются смежным терминологии лексическим пластом, однако не могут отождествляться с терминами, так как профессиональное просторечие, является одной из ненормативных форм существования языковых средств [23].

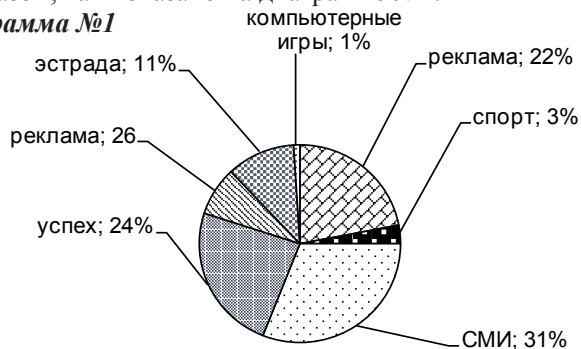
В контексте сказанного выше, перейдем к рассмотрению терминологических единиц сферы шоу-бизнеса. В данной статье представим их тематическую классификацию.

Являясь относительно молодой сферой деятельности, в том виде, в котором мы его знаем сегодня, корпус исследуемой терминологической лексики в ходе ретерминологизации пополнялся языковыми единицами смежных сфер знания: спорт, эстрада, кино, театр. Изменения, которые происходили в данных областях в двадцатом веке, оставили неизгладимый отпечаток на особенностях сферы шоу-бизнеса и во многом определили ее развитие. Но, пожалуй, на сегодняшний момент наибольшее влияние на рассматриваемую терминосистему оказали и продолжают оказывать компьютерные технологии и средства массовой информации. Именно с последним связано понятие PR, PR-компании и рекламы. Необходимо отметить, что отличительной особенностью терминосистемы шоу-бизнеса является тесное переплетение тематических групп. Так, например, тематическая группа «Телевидение и СМИ» в целом обнаруживают как лексику, принадлежащую только к данному корпусу, например, **live show**, так и единицы, относящиеся к другим группам, поскольку именно СМИ освещает и дает вторую жизнь событиям, происходящим в сфере шоу-бизнеса, например, **concert show**. Таким образом, в рамках терминологической лексики сферы шоу-бизнеса можно выделить следующие тематические группы:

- реклама;
- спорт;
- эстрада;
- компьютерные игры;
- мода;
- СМИ
- успех.

В количественном отношении единицы распределяются следующим образом, как показано на диаграмме №1.

Диаграмма №1

Представляется, что объем и наполнение каждой тематической группы лексическими единицами находится в тесной взаимосвязи со значимостью вербализуемых ими понятий для сферы шоу-бизнеса. Так, например, реклама формирует значительный корпус терминологических единиц. Выражение «без рекламы нет продаж» является своеобразным девизом всех тех, кто занят в сфере торговли. Как уже неоднократно указывалось, шоу-бизнес во многом представляет собой машину по привлечению денежных средств. В этой связи реклама в шоу-бизнесе играет одну из важнейших ролей. Таким образом, к данной тематической группе относятся лексические единицы, имеющие прямое или косвенное отношение к продвижению услуг на рынок, например, **Public Relations, PR-method, producer, advertizer** и др.

Еще одну значительную группу по составу представляет СМИ. Это неудивительно, поскольку в самом названии «шоу-бизнес» репрезентируется тесная связь между деньгами и развлечением. Если первое обеспечивается хорошей рекламной компанией, то второе достигается за счет деятельности средств массовой информации, таких как телевидение, пресса и др. Таким образом, к данной тематической группе относятся термины, связанные с непосредственной деятельностью СМИ, например, **live show, on-air, music video director, video clip shooting, photo-session** и др. С другой стороны к данной группе можно отнести единицы, непосредственно связанные с другими тематическими группами, например, названия различных теле-шоу. Поскольку объектом в системе шоу-бизнеса выступает услуга, предполагающее зрелище и удовлетворяющая потребности массового зрителя в развлечении, можно выделить следующие подтематические группы, включающие названия популярных теле-шоу:

1) **talk-show** (например, **Meet The Press, The Phil Donahue Show, Exploitalk, Jerry Springer show, outrageous show** и др.);

2) **concert show** (например, юбилейные и тематические концерты, тематические и рейтинговые программы: **top ten** и др.);

3) популярны различные образовательно-развлекательные шоу (**game show**, например, такие, как **Wheel of fortune, quiz show, phone-in**);

4) спортивные и военные шоу имеют свои зрительские аудитории, как на телевизионных экранах, так и на трибунах стадионов (**sport show, the Olympic games, parade, air-show** и др.);

5) давние традиции имеют «шоу-преображения» – **makeover shows** (например, **Jenny Jones show**);

6) в отдельную категорию выделяются многочисленные реали-ти-шоу, в которых проповедуются стиль подглядывания в замочную скважину (например, **Big Brother** и другие);

7) религиозные праздники и события, религиозные шоу (например, **God slot**);

8) семейные шоу (например, **family show, sitcom, soap opera** и др.).

Третью объемную по составу тематическую группу составляет «успех». К данной группе относятся единицы, вербализующие общие понятия, которые не соотносятся с какой-либо тематической группой конкретно или, наоборот, справедливы для всех, например, **decorations, service, audience, to applaud, scandal, star life** и др.

В меньшей степени представлены тематические группы «Эстрада» (**concert, concert tour** и др.), «Спорт» (**the Olympic games**), «Компьютерные игры» (**Tomb Raider** – по фильму с Анжелиной Джоли в главной роли) и мода (**beauty contest, fashion parade**).

Таким образом, тематический спектр терминологии сферы шоу-бизнеса достаточно широк, несмотря на то, что не все выделенные группы одинаково репрезентативны по количественному составу. Тематический спектр исследуемой терминологии, на наш взгляд, ярко иллюстрирует тенденцию к проницаемости данного лексического пласта лексемами других сфер деятельности, что свидетельствует об активных процессах терминологизации и ретерминологизации.

Список литературы

1. Александрова, Г. Н. Соотношение знаковой структуры и функций терминологических и квази-терминологических языковых единиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 25 с.
2. Борисова, Т. Г. Когнитивные механизмы деривации: деривационная категория вещественности в современном русском языке: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Краснодар, 2008. 48 с.
3. Гринев, С. В. Введение в терминоведение. М., 1993. 309 с.

List of literature

1. Aleksandrova, G. N. Sootnoshenie znakovoj struktury i funkcij terminologicheskikh i kvazi-terminologicheskikh jazykovyh edinic: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2006. 25 s.
2. Borisova, T. G. Kognitivnye mehanizmy derivacii: derivacionnaja kategorija veshhestvennosti v sovremennom russkom jazyke: avtoref. dis. ... doktora filol. nauk. Krasnodar, 2008. 48 s.
3. Grinev, S. V. Vvedenie v terminovedenie. M., 1993. 309 s.

4. Гринев-Гриневич, С. В. Терминоведение. М., 2008. 304 с.
5. Даниленко, В. П. Терминология современного языка науки // Терминоведение и терминография в индоевропейских языках. Владивосток, 1987. С. 61–66.
6. Ивина, Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М. : Академический Проект, 2003. 302 с.
7. Канделаки, Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. М. : Наука, 1977. 167 с.
8. Коровушкин, В. П. Социолингвистические особенности инвективы в английском и русском военных подъязыках // Разноровневые черты языковых и речевых явлений: Межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск : ПГЛУ, 2003. С. 88–119.
9. Кузикович, Г. П. Терминологизация как разновидность семантической деривации абстрактных имен существительных // Языки профессиональной коммуникации. Челябинск, 2007. С. 203–205.
10. Лату, М. Н. Англоязычная военная терминология в ее историческом развитии: структурно-семантический и когнитивно-фреймовый аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 191 с.
11. Лату, М. Н. Типология терминов и реализация структурно-се-
4. Grinev-Grinevich, S. V. Terminovedenie. M., 2008. 304 s.
5. Danilenko, V. P. Terminologija sovremennoho jazyka nauki // Terminovedenie i terminografija v indoevropejskih jazykah. Vladivostok, 1987. S. 61–66.
6. Ivina, L. V. Lingvo-kognitivnye osnovy analiza otraslevykh terminosistem (na primere anglojazyčnoj terminologii venčurnogo finansirovanija). M. : Akademicheskij Proekt, 2003. 302 s.
7. Kandelaki, T. L. Semantika i motivirovannost' terminov. M. : Nauka, 1977. 167 s.
8. Korovushkin, V. P. Sociolingvisticheskie osobennosti invektivy v anglijskom i russkom voennyh pod#jazykah // Raznourovnevye cherty jazykovykh i rečevykh javlenij: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Pjatigorsk : PGLU, 2003. S. 88–119.
9. Kuzikevich, G. P. Terminologizacija kak raznovidnost' semanticheskoj derivacii abstraktnykh imen sushhestvitel'nyh // Jazyki professional'noj kommunikacii. Cheljabinsk, 2007. S. 203–205.
10. Latu, M. N. Anglojazychnaja voennaja terminologija v ee istoricheskom razvitii: strukturno-semanticheskij i kognitivno-frejmovyj aspekty: dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2009. 191 s.
11. Latu, M. N. Tipologija terminov i realizacija strukturno-se-

- мантических моделей при номинации в соответствии с классификацией элементов научного знания / М. Н. Лату, Л. М. Хачересова // Вестник ПГЛУ. 2012. №2. С. 72–79.
12. Левковская, К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М. : Высш. шк., 1962. 296 с.
13. Лейчик, В. М. О некоторых современных способах словообразования // Особенности словообразования в терминосистемах и литературной норме. Владивосток, 1983. С. 44–71.
14. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет. Методы. Структура. М. : КомКнига., 2006. 256 с.
15. Лубожева, Л. Н. Причины миграции профессиональной лексики в словарный состав общепотребительного языка // Языки профессиональной коммуникации. Челябинск, 2007. С. 57–60.
16. Мартемьянов, Ю. С. Логика ситуации. М., 2004. 1027 с.
17. Мелех, Н. Н. Проникновение терминологических единиц в общепотребительную лексику: Экспериментально-сопоставительное исследование на материале разностилевых английских и русских текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 18 с.
18. Морозова, Л. В. Опыт дефиниционного описания терминополья на базе терминов ядерной физики и техники: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1970. 18 с.
- ticheskikh modelej pri nominacii v sootvetstvii s klassifikaciej jelementov nauchnogo znanija / M. N. Latu, L. M. Hacheresova // Vestnik PGLU. 2012. №2. S. 72–79.
12. Levkovskaja, K. A. Teorija slova, principy ee postroenija i aspekty izuchenija leksicheskogo materiala. M. : Vyssh. shk., 1962. 296 s.
13. Lejchik, V. M. O nekotoryh sovremennyh sposobah slovoobrazovanija // Osobennosti slovoobrazovanija v terminosistemah i literaturnoj norme. Vladivostok, 1983. S. 44–71.
14. Lejchik, V. M. Terminovedenie: Predmet. Metody. Struktura. M. : KomKniga., 2006. 256 s.
15. Lubozheva, L. N. Prichiny migracii professional'noj leksiki v slovarnyj sostav obshheupotrebiteľ'nogo jazyka // Jazyki professional'noj kommunikacii. Cheljabinsk, 2007. S. 57–60.
16. Martem'janov, Ju. S. Logika situacii. M., 2004. 1027 s.
17. Meleh, N. N. Proniknovenie terminologicheskikh edinic v obshheupotrebiteľ'nuju leksiku: Jeksperimental'no-sopostavitel'noe issledovanie na materiale raznostilevyh anglijskikh i russkikh tekstov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Pjatigorsk, 2004. 18 s.
18. Morozova, L. V. Opyt definicionnogo opisanija terminopolja na baze terminov jadernoj fiziki i tehniki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kalinin, 1970. 18 s.

19. Николаев, С. Г., Моргунова М.Н. К вопросу об экспрессивно-стилистической классификации специальной лексики бизнеса в современном английском языке / С. Г. Николаев, М. Н. Моргунова // Вестник ПГЛУ. 2000. №1. С. 36–41.
20. Павлова, М. Г. Английская терминология электронно-вычислительной техники: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : МГУ, 1996. 16 с.
21. Рабкесова, О. С. Явление ретерминологизации в языке науки (на материале философской и филологической терминологии) // Языки профессиональной коммуникации. Челябинск, 2007. С. 217–221.
22. Реформатский, А. А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М., 1986. С. 22–27.
23. Суперанская, А. В. Общая терминология. Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. М. : Наука, 2003. 246 с.
24. Толикина, Е. Н. Некоторые лингвистические проблемы формирования и нормализации терминов и терминосистем // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж, 1980. С. 57–59.
25. Флоренский, П. А., Татаринов, В. А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения. М., 1986. С. 22–27.
19. Nikolaev, S. G., Morgunova M.N. K voprosu ob jekspressivno-stilisticheskoj klassifikacii special'noj leksiki biznesa v sovremennom anglijskom jazyke / S. G. Nikolaev, M. N. Morgunova // Vestnik PGLU. 2000. №1. S. 36–41.
20. Pavlova, M. G. Anglijskaja terminologija jelektronno-vychislitel'noj tehniki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M. : MGU, 1996. 16 s.
21. Rabkesova, O. S. Javlenie reterminologizacii v jazyke nauki (na materiale filosofskoj i filologicheskoi terminologii) // Jazyki professional'noj komunikacii. Cheljabinsk, 2007. S. 217–221.
22. Reformatskij, A. A. Mysli o terminologii // Sovremennye problemy russkoj terminologii. M., 1986. S. 22–27.
23. Superanskaja, A. V. Obshhaja terminologija. Voprosy teorii / A. V. Superanskaja, N. V. Podol'skaja, N. V. Vasil'eva. M. : Nauka, 2003. 246 s.
24. Tolikina, E. N. Nekotorye lingvisticheskie problemy formirovanija i normalizacii terminov i terminosistem // Voprosy terminologii i lingvisticheskoi statistiki. Voronezh, 1980. S. 57–59.
25. Florenskij, P. A., Tatarinov, V. A. Istorija otechestvennogo terminovedenija. Klassiki terminovedenija. M., 1986. S. 22–27.

новедения: очерк и хрестоматия / П. А. Флоренский, В. А. Татарин-нов. Т 1. М., 1994. С. 359–400.

26. Шафранова, Н.А. Семантико-функциональная характеристика спортивной лексики в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. 18 с.

denija: ocherk i hrestomatija / P. A. Florenskij, V. A. Tatarinov. T 1. M., 1994. S. 359–400.

26. Shafranova, N.A. Semantiko-funkcional'naja harakteristika sportivnoj leksiki v sovremennom anglijskom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Pjatigorsk, 2005. 18 s.

УДК 81'33

ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО ОРГАНИЗАЦИОННОГО ДИСКУРСА

А. В. Воронина, Д. А. Осипова

В данной статье рассматриваются особенности устного организационного дискурса на примере международной организации. В устном дискурсе данной организации присутствуют национально-культурные особенности обеих стран (Франции и Казахстана).

Ключевые слова: устный дискурс, международная организация, лингвокультурное общество, менталитет, взаимовлияние культур.

Помимо дискурса письменного языкового материала существует и устный организационный дискурс, представляющий собой не меньший интерес и привлекающий внимание многих исследователей в области лингвистики, лингвокультурологии и психолингвистики.

Устный дискурс, прежде всего, представлен речевыми действиями, направленными на достижение целей организации. Дискурс организации формируется всеми ее членами, каждый из которых привносит в его содержание индивидуальную составляющую, в большей или меньшей степени влияющую на общую картину. Если исходить из того, что «человек» для современных наук является базовым понятием, то нужно попытаться понять, каким образом в организационном дискурсе проявляется разнообразие человеческих типов и возможности их влияния на культуру организации [2. С. 496].

Устный организационный дискурс исследовался нами методом наблюдения, а также при непосредственном участии в процессе речевой деятельности членов организации.

Поскольку исследуемая нами организация является совместной, в которой взаимодействуют представители двух стран – Франции и Казахстана, то и членами данной организации являются представители обеих стран. Как известно, Казахстан является многонациональным, поликультурным государством и, соответственно, Костанай также является поликультурным городом, в котором проживает большое количество национальностей. Соответственно, членами организации с казахстанской стороны являются не только предста-

вители казахской национальности, но и русские, белорусы, украинцы, армяне, азербайджанцы, татары, немцы, грузины, ингуши и др. Но, несмотря на все многообразие культур города Костаная, речевое взаимодействие между членами организации осуществляется либо на французском, либо на русском языках.

Исследуемая нами организация является международной и, несомненно, осуществляется постоянное взаимодействие и взаимовлияние культур, но, тем не менее, в некоторых вопросах каждая из взаимодействующих культур продолжает придерживаться своей точки зрения. В связи с этим, неизбежно возникновение конфликтных ситуаций между членами данной организации. Казахстанский менталитет характеризуется большой терпимостью и стремлением избегать конфликтных ситуаций, что и позволяет сглаживать возможное недовольство французской стороны.

Данное суждение нашло подтверждение в результатах проведенного нами исследования, в котором приняли участие представители казахстанского общества. При проведении исследования выяснилось, что 32 % участников считают, что в основе казахстанского менталитета лежит гостеприимность, дружелюбие, патриотизм и почитание традиций.

Так, занимаясь в одной классной комнате по причине совпадения занятий, преподавателю казахстанской стороны пришлось попросить преподавателя французской стороны понизить звук воспроизводимого видеоролика: «*Excusez-nous, pouvez-vous faire plus bas?*» – «*Простите, не могли бы вы сделать потише?*»

В данном лексическом обороте были использованы формы уважительного обращения «*vous*» – «*вы*», а также соответствующее вводное слово «*excusez-nous*» – «*простите*», что свидетельствует о понимании факта причинения неудобств.

Тем не менее, было замечено явное недовольство французского преподавателя, отрицательная реакция на просьбу, после чего последовало дополнительное уточнение казахстанским преподавателем, способствующее сглаживанию возможного конфликта: «*Nous allons finir dans trois minutes*» – «*Мы заканчиваем через три минуты*».

Подобное речевое поведение связано с особенностями менталитета казахстанского общества, поскольку ментальные признаки народного сознания объективируются в языке [1. С. 108].

Между казахстанской и французской культурой, как и между любыми другими культурами, существует множество сходств и разли-

чий. Так, в казахстанской культуре не принято обращение на «ты» между начальником и подчиненным, преподавателем и студентом, человеком в возрасте и молодым. При проведении нами исследования выяснилось, что 58% участников считают недопустимым обращение на «ты» между начальником и подчиненным, 23% – допускают такой вариант обращения, 19% считают возможным, если разговор ведется в нерабочее время и в неформальной обстановке. При обсуждении обращения на «ты» между студентом и преподавателем, 75% испытуемых ответили, что такой вариант обращения недопустим, 6% – считают, что обращение на «ты» возможно, 19% считают возможным, если разговор ведется в неформальной обстановке. А также 43% участников считают недопустимым обращение на «ты» между человеком в возрасте и более молодым, 33% считают возможным данный вариант обращения, 19% считают, что такой вариант возможен при условии, если собеседники являются родственниками или друзьями.

Французская национально-культурная специфика общения, напротив, предполагает обращение на «ты» между членами вышперечисленных групп для создания атмосферы сотрудничества и доверия.

При этом представители французской стороны международной организации непосредственно после знакомства с представителем казахстанской стороны интересуются: «*Puis-je tutoyer?*» – «*Могу ли я обращаться на «ты»?*» Глагол «*tutoyer*» может означать не только «обращаться к кому-либо на «ты», но и «быть хорошо знакомым с кем-либо, с кем-либо», «слегка коснуться», разг. – «грубо обращаться с кем-либо».

В связи с взаимодействием двух культур, осуществляется и их взаимовлияние. Так, характерной особенностью устного организационного дискурса является то, что члены данной организации, являющиеся представителями казахстанской стороны, также используют в обращении друг с другом местоимение «ты», перенимая речевое поведение французов.

При прощании и приветствии координатор Костанайского французского культурного центра и подчиненные участники организации используют форму «*salut*» – «привет/пока», разг. форма приветствия и прощания, используемая среди членов одной возрастной группы и одного статуса. Однако, при проведении нами исследования для респондентов, являющихся представителями казахстанского общества наиболее частотными вариантами приветствия и проща-

ния оказались следующие: здравствуйте, добрый день, до свидания, всего хорошего. Также 15% испытуемых указали, что приветствие или прощание может сопровождаться рукопожатием, но только если руку протягивает старший по возрасту человек.

Тем не менее, в связи с различиями в национально-культурной специфике двух культур (французской и казахстанской) представителям французской стороны некоторые особенности поведения казахстанского общества остаются странными. Тогда как для казахстанского национально-культурного сообщества эти же особенности считаются вполне обычными и даже приветствуются. Так, во время полуфинала конкурса франкофонной песни, один из участников конкурса, исполняя музыкальную композицию *«L'aveu»* – *«Признание в любви»*, преподнес одной из членов жюри (представляющей казахстанскую сторону) красную розу, символизирующую во многих культурах признание в любви. Данное действие было расценено как часть исполнения номера и не вызвало негативной реакции. Тогда как при исполнении этого же номера на финале конкурса, где членами жюри являлись представители французской стороны, данное действие было расценено и озвучено как *«Tentation de corruption»* – *«Попытка подкупа»*. Таким образом, можно отметить, что различия в национально-культурной специфике двух стран существенно влияют на дискурс международной организации, в частности, на устный организационный дискурс.

Французы отличаются особым отношением к закону, честностью по отношению к сдаче различных экзаменов, проведению конкурсов и т.п. Это стремление к соблюдению закона, проявляется и в устном дискурсе организации. Например, во время проведения тестирования на знание французского языка, организованного участниками Костанайского французского культурного центра, представитель французской стороны заметил, что несколько участников списывают, после чего последовала дисквалификация данных участников: *«Vous trichez et vous ne pouvez pas continuer à participer»* – *«Вы мошенничаете и не можете продолжать участвовать»*.

В данном высказывании нами выделена эмоционально окрашенная лексическая единица *«tricher»* – глагол, означающий: 1) *обманывать, жульничать, мошенничать, плутовать (в игре); «tricher sur qch»* – *обманывать в отношении чего-либо; «tricher sur le poids»* – *обвешивать; 2) скрывать внешний дефект, придумывать, чтобы скрыть недостаток.*

Сообщение о дисквалификации было сообщено в мягкой форме, без использования глагола «дисквалифицировать», вместо которого употреблено «*ne pouvez pas continuer à participer*» - «не можете продолжать участвовать».

Итак, на основе анализа устного организационного дискурса можно прийти к выводу, что вследствие постоянного взаимодействия культур Франции и Казахстана происходит взаимовлияние обеих культур. Соответственно, в устном дискурсе международной организации присутствуют национально-культурные особенности и Франции, и Казахстана.

Однако, влияние, оказываемое французской культурой на казахстанскую, выражено сильнее, нежели влияние казахстанской культуры на французскую, что вполне оправдывает цели исследуемой нами организации, а также подтверждает наше предположение о манипулятивных речевых действиях (в положительном смысле) представителей французской стороны данной международной организации. Это проявляется в общении между членами организации, а также организации и среды, в способах приветствия, обращения на «ты» и замещении негативных выражений на более нейтральные.

Таким образом, проанализировав устный организационный дискурс, необходимо отметить, что речевая деятельность членов организации направлена на развитие сотрудничества и взаимодействия французской и казахстанской сторон, что сопровождается взаимовлиянием обеих культур.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2010. 288 с.
2. Харченко, Е. В. Дискурс социальной организации / Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова // Дискурс, текст, когниция: коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. Нижний Тагил : НТЧСПА, 2010. 496 с.

List of literature

1. Alefirenko, N. F. Lingvokulturologija: cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka: ucheb. posobie. M. : Flinta : Nauka, 2010. 288 s.
2. Harchenko, E. V. Diskurs social'noj organizacii / E. V. Harchenko, L. A. Shkatova // Diskurs, tekst, kognicija: kolektivnaja monografija / Otv. red. M. Ju. Oleshkov. Nizhnij Tagil : NTChSPA, 2010. 496 s.

УДК 800

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ФЕНОМЕНА НЕОЛОГИИ**

О. В. Косович

В статье акцентируется внимание на том, что основным процессом в развитии лексики необходимо считать процесс неологизации, который отображает общее поступательное движение языка. Автором рассматриваются задания и структурная организация неологии, направления исследования неологизмов, проблемы выделения неологии. Предлагаются разные классификации науки о неологизмах и разновидности неологии. Отмечается тот факт, что некоторые аспекты изучения неологизмов затрагиваются только в связи с отдельными практическими заданиями.

Ключевые слова: неологизация, неология, неография, новое слово, формальная неология, семантическая неология, прагматическая неология.

Возросший интерес к проблеме неологии во французских студиях обуславливается важной ролью неологизмов французского языка как зеркала языкового развития, которое отображает приспособление языка к условиям, которые изменяются под влиянием внешних факторов, то есть к условиям функционирования. Начальным звеном процесса лексической инновации является практика, поскольку на лексико-номинативную деятельность влияют культурно-исторические, а также социально-политические условия жизни и деятельности языкового общества. Принимая во внимание тот факт, что большинство номинативных стимулов поставляют социальная, политическая, научно-техническая, культурная сферы деятельности человека, на современном этапе развития науки о языке, всё больше очевидной является целесообразность и необходимость комплексного изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии.

Приметным является то, что термин *неология* впервые был зарегистрирован во Франции в 1759 году и уже тогда обозначал «создание новых слов с целью обогащения языка» [5]. Следует подчеркнуть тот

факт, что во Франции проблема изучения родного языка, в том числе и новых ее слоев, всегда остро обсуждалась не только научными организациями (*CILF – Conseil International de la Langue Française*), но и на уровне государственного руководства. Франции, как справедливо отмечает В. Г. Гак, во все времена был присущий «лингвистический дирижизм» [2. С. 39], то есть активное участие государственных органов (Министерства образования, Французской академии) в нормализации и обеспечении престижа французского языка.

Изучение новых слов во французском языке имеет давние традиции, более того, собственно слово *неологизм* было заимствовано в русский, английский и немецкий языки с французского языка благодаря работам таких французских лингвистов, как Л. Гильбера, А. Гуза, Л. Деруа, Х. Жоли, А. Рея, которые повлияли на развитие неологии и за пределами Франции.

Определение понятия *неология* остается неоднозначным в зарубежной лингвистической традиции и ограничивается представлением о неологизмах как новых словах, без указания, однако, на возможные критерии определения новизны. Так, например, в одном из этимологических словарей, изданных в 1936 году, *неология* определяется как процесс создания новых слов и словосочетаний. В этимологическом словаре Э. Партриджа отсутствует термин неология, потому что неологизм – это только «ученое» слово. Немецкая лексикология и лексикография, в отличие от англоязычной, уделяет больше внимания проблемам теории неологии и неографии, однако, по мнению С. И. Алаторцевой, и в немецкой лингвистике эти участки исследования не выделялись как специальные области [1. С. 8–9]. Отдельные аспекты изучения неологизмов затрагиваются и используются только в связи с практическими заданиями (подготовка словарей). Таким образом, можно отметить, что фундаментальные теоретические исследования в области неологии остаются в сфере интересов преимущественно русских и французских ученых.

Появившись сравнительно недавно, *неология* представляет достаточно противоречивую сферу исследования касательно ее заданий и структурной организации. Французский языковед А. Рей в работе “*Essays on Terminology*” предлагает своеобразную классификацию науки о неологизмах. Автор выделяет ядро неологии, что, по его мнению, можно разделить на две группы: 1) сфера заимствований и других форм, не мотивированных для большинства говорящих; 2) сфера морфологии, что по своей семантической структуре отображает более

глубокую синтаксическую структуру. А. Рей называет три разновидности неологии: формальную, семантическую и прагматическую неологию [5]. При этом формальной неологией автор называет процесс, результатом которого является применение грамматических правил в морфемном строе языка. Здесь фиксируются образования с помощью суффиксов, префиксов и путем словосложения (*enseigneur, essayeur, eurovisiori*), а также аббревиации и акронимы (*CNRS, CAPES*). Он указывает, что «формальная неология – это результат применения грамматических правил к морфемному закону языка, формальный неологизм может существовать только в отношении с лингвистической системой» [5. С. 69]. Под семантической неологией А. Рей понимает наличие каких-то черт, присущих всем неологизмам без исключения: заимствованиям, морфологическим неологизмам, неологизмам, созданным синтагматическим путем; акронимам; аббревиациям. Прагматическая неология является формой неологизмов, обусловленных отношением к процессам коммуникации. Невозможно представить неологизм вне языкового процесса, на который влияют старые лексические значения слова, ограниченные подсистемами языка: диалектом, социальным кругом, нормой использования. Принятие неологизма в обществе зависит от индивидуального творческого потенциала единицы [5. С. 71].

Е. В. Розен высказывается о неологии так: «С позиции языковой культуры принято различать необходимую и избыточную неологию. К первой принадлежат такие новые названия, которые появляются в связи с новыми объектами обозначения – новыми предметами, техническими изобретениями, новыми идеями, номенклатурами и т. д. Избыточными считают появление новых обозначений, которые являются синонимичными уже существующим, заимствований с других языков, жаргонов, диалектов. Делать выводы о том, нужно или нет коммуникантам то или другое слово за пределами исторической перспективы, – задание неблагодарное. Лингвисту, который непосредственно наблюдает языковые изменения, нужна большая осторожность при разных рекомендациях касательно «улучшения» языка и прогнозов о судьбе слов» [4. С. 23]. В. Г. Гак подчеркивает, что заданием неологии является выявление путей распознавания новых слов и значений, анализ факторов их появления, изучения моделей их образования, разработка принципов отношения к ним (их принятие или непринятие), а также их лексикографическая обработка (их описание в словарях) [2. С. 23–24].

Большая часть отечественных лингвистов выделяет такие задания неологии: 1) выявление критериев распознавания новых слов и зна-

чений; 2) анализ факторов их появления соответственно к прагматическим потребностям общества; 3) изучение моделей их создания и ограничений касательно их употребления; 4) разработка принципов отношения к ним (их принятие или непринятие) в разных социопрофессиональных, возрастных и других группах (С. Алаторцева, В. Гак, Н. Котелова и др.); 5) лексикографическая обработка с указанием прагматического отношения к употреблению в разных ситуациях общения, учитывая социальную дифференциацию языка (В. Гак, В. Заботкина).

Таким образом, современная лингвистика считает язык сложной динамической системой, направление и характер эволюции которой подчинены общим законам диалектики. Самое активное развитие языка осуществляется в области лексики, что обуславливается, кроме ее особенностей сравнительно с другими языковыми уровнями, в частности, более высокой степенью экстралингвальной детерминированности.

При всем разнообразии путей и форм изменений словарного состава языка основным процессом в развитии лексики необходимо считать процесс неологизации, который отображает общее поступательное движение языка. В связи с ориентацией современной лингвистики на исследование процессов развития языка, глубокое и всестороннее изучение неологизмов будет представлять несомненный интерес и в будущем.

Список литературы

1. Алаторцева, С. И. Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии // Ежегодник. М., 1988. С. 8–9.
2. Гак, В. Г. О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С.23–24; 39.
3. Попова, Т. В. Русская неология и неография: учеб. пособ. Екатеринбург, 2005. 96 с.
4. Розен, Е. В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. М., 2000. С. 61; 79.
5. Rey, A. Essays on Terminology. Amsterdam, 1995. 223 p.

List of literature

1. Alatorceva, S. I. Sovremennoe sostojanie i tendencii razvitija otechestvennoj leksikografii // Ezhegodnik. M., 1988. C. 8–9.
2. Gak, V. G. O sovremennoj francuzskoj neologii // Novye slova i slovori novyh slov. L., 1978. S.23–24; 39.
3. Popova, T. V. Russkaja neologija i neografija: uceb. posob. Ekaterinburg, 2005. 96 s.
4. Rozen, E. V. Na poroge NHI veka. Novye slova i slovosochetanja v nemeckom jazyke. M., 2000. S. 61; 79.
5. Rey, A. Essays on Terminology. Amsterdam, 1995. 223 p.

УДК 81'33

**АМЕРИКАНСКИЕ СПОРТИВНЫЕ ТЕРМИНОЛОГИЗМЫ
ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
«РАБОТА, ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»**

Е. В. Пригодина

Статья описывает семантические и этимологические особенности терминологизмов американского происхождения.

Ключевые слова: терминологизм, фразеологическое значение, работа, спорт.

Американизмы – лексические единицы, появившиеся в американском варианте английского языка и имеющие пометы “Am”, “US”, “chiefly US”, «этим. амер.», «первонач. амер.» в британских, американских и русских словарях, таких как: «Большой англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина [2], “The American Heritage Dictionary of Idioms” [4], “Oxford Dictionary of English Idioms” [5] и др.

Под терминологизмами в данной статье понимаются «сверхсловные образования, имеющие буквальное терминологическое или профессиональное значение, на основе которого развивается переосмысленное значение, и данные значения (а их может быть несколько у одной единицы) актуализируются в зависимости от контекста употребления – терминологического или нетерминологического» [1. С. 10].

Общее количество фразеологизмов (далее ФЕ) американского происхождения, описывающих понятие «работа, трудовая деятельность» и появившихся в спортивной тематике, – 22 единицы. Данные единицы были отобраны методом сплошной выборки из 18 английских и русских фразеологических словарей. 18 из 22 ФЕ появились в XX веке, большинство из них пришли из бейсбола – традиционной американской спортивной игры, без которой американцы не представляют своей жизни. Этот факт объясняется проявлением американцами повышенного интереса к спорту в целом и к данной игре в частности. Популяризация спорта в данной стране привела к тому, что культ здорового образа жизни, правильного питания и систематических занятий спортом актуален в Америке как никогда. Для

большинства американцев спорт – это не только времяпрепровождение, но и способ проявить себя. Множество американцев стремятся прославить свою страну достижениями в спорте, примером этому могут служить Олимпийские игры, где американская сборная всегда выступает на высочайшем уровне. Именно спорт дает возможность проявить такие важные для американцев ценности, как достижение успеха, честная конкуренция, равные шансы в соревновании, стремление к победе. И победа для американца – это не возможный исход соревнования, а способ реализации своих стремлений и амбиций, способ преуспеть; завоевание победы в американском обществе возведено в культ. Победа доминирует над всеми остальными американскими ценностями (ср. рус. посл. «главное – не победа, а участие»). «Духом соперничества проникнута вся жизнь американцев. Мальчики и девочки в США начинают конкурировать с самых первых классов школы. Позже они соперничают в спорте – естественно, чтобы побеждать, ибо победа жизненно важна. В американском спортивном вероисповедании нет места для проигрыша. Поэтому мы предвосхищаем победу в нашем спорте, планируем ее, работаем на нее, рассматриваем поражение, как позор для нации» [7].

Данные установки подразумевают, что все зависит от самого человека, от его старания, веры в успех, целеустремленности и способностей. Не секрет, что основной ценностный ориентир у американца – “self-made man”, который предполагает, что в достижении успеха индивид может рассчитывать только на свои силы, умения и манеру поведения.

Терминологизмы спортивного происхождения в американском варианте английского языка можно разделить на следующие семантические группы:

1. Достижение успеха, реализация предоставленных возможностей

● **to reach first base / get to first base** – добиться первого успеха, сделать первые шаги в каком-л. деле [этим. спорт. (бейсбол)] [2]: *Every time I got to the part about her out with Stradlater in that damn Ed Banky's car, it almost drove me crazy. I knew she wouldn't let him get to first base with her, but it drove me crazy anyway (J. Salinger, "The Catcher in the Rye")*.

● **home run** – 1) спорт. хоумран (удар в бейсболе, при котором мяч перелетает через всё игровое поле; даёт бьющему право совершить перебежку по всем базам и принести своей команде очко) 2) успех, победа, удача 3) получение крупной прибыли за короткий

срок благодаря удачно принятому решению; часто о получении выигрыша при росте курсов акций: *Everyone is looking for a home run or the next Apple Computer, which in seven years reached over \$500 million in sales and opened up the personal computer* [9]. ФЕ появилась в середине 1800-х гг. в бейсболе, где она обозначала отбитый мяч, улетевший настолько далеко, что у бэттера (игрок нападения с битой) появляется достаточно времени, для того, чтобы обежать три базы и набрать очки. Метафоризация фразеологизма произошла в середине 1900-х гг., когда данная единица стала использоваться для обозначения любого достигнутого успеха [4].

- **to get two strikes against one / have two strikes against one** – быть в ситуации, когда успех маловероятен (в бейсболе отбивающий делает только три удара): *His absence from work and being late were serious problems. He now had two strikes against him. Any more problems and he would have to be fired* [6].

- **to be in scoring position** – быть на пути к успеху: *The publisher is in scoring position with that instant book about the trial* [4]. В спорте данная фраза означала позицию игрока в бейсболе на второй или третьей базе. Переносное значение единица получила во второй половине XX века [4].

2. Нежелание работать, упущенные возможности

- **to be on the sidelines** – 1) быть на боковой линии игрового поля 2) пребывать в бездействии, в роли наблюдателя, а не участника. Не принимать никакого участия: *When he was forbidden to play... he fretted through a winter on the sidelines* [8]. “**Sidelines**” в данном фразеологизме обозначает прилегающие к полю территории, на которых расположены скамейки запасных, с которых за игрой наблюдают игроки, не принимающие участия в состязании. Предположительно, ФЕ пришла из футбола. В первой половине XX века фразеологизм стали использовать для описания ситуаций, не относящихся к спорту [4].

- **to drop the ball** – 1) пропустить мяч 2) совершить ошибку, упустить свой шанс: *Everything was going fine In the election until my campaign manager dropped the ball* [8]. Игрок, не поймавший мяч, получает штрафные очки. Более широкое употребление фразеологизм получил в 1950-е гг. [4].

3. Усталость, являющаяся следствием долгой и упорной работы

- **down and out** – 1) нокаутированный 2) обессиленный, выбившийся из сил; измотанный человек [2]. Изначально идиома упо-

треблялась в боксе для описания нокаутированного борца. С ранних годов XX века данная номинативная фразеологическая единица используется для описания человека без работы, денег или жилья [5].

4. Чрезмерная торопливость при выполнении работы

● **to beat the gun** – 1) уйти со старта до выстрела пистолета, фальстарт 2) опережать события, забегать вперёд, «выскакивать»: *Most of the other stores did not open until nine-thirty. It had been Marullo's thought to catch a pinch of trade by having me jump the gun half an hour* [8].

Итак, самой большой группой ФЕ оказалась группа, описывающая достижение успеха. Этот факт не случаен, ведь в иерархии американских ценностей успех занимает главенствующую позицию. С раннего детства американцы усваивают, что победа – это смысл любого состязания, а успех – логичное завершение усердной работы. Успех рассматривается американцами не как коллективное, общее достижение, а как их личное, собственное достижение, достигнутое подчас вопреки остальным участникам трудовой деятельности. Как отмечал американский писатель и издатель Эдгар Уотсон Хоу: «Когда человек преуспевает, он делает это вопреки всем остальным и без чьей-либо помощи» [8]. Такое мировосприятие отразилось в языке, и именно поэтому столько спортивных устойчивых сочетаний вышли за рамки спортивной терминологии, т. е. детерминологизировались. На основе первого терминологического значения, развилось фразеологическое, и, как результат, данные единицы вошли в повседневный лексикон американцев.

Список литературы

1. Никулина, Е. А. Терминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии современного английского языка: автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2005. 40 с.
2. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. яз., 2005. 944с.
3. Никулина, Е. А. Англо-русский словарь терминологизмов. М. : Прометей, 2005. 72 с.

List of literature

1. Nikulina, E. A. Terminologizmy kak rezul'tat vzaimodejstvija i vzaimovlijanija terminologii i frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka: avtoref. dis. ... doktora filol. nauk. M., 2005. 40 s.
2. Kunin, A. V. Bol'shoj anglo-russkij frazeologičeskij slovar'. 4-e izd., pererab. i dop. M. : Rus. jaz., 2005. 944s.
3. Nikulina, E. A. Anglo-russkij slovar' terminologizmov. M. : Prometej, 2005. 72 s.

4. Ammer, C. The American Heritage Dictionary of Idioms. Boston : Houghton Mifflin Company, 1997. 1191 p.
  5. Cowie, A. P. Oxford Dictionary of English Idioms / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. Oxford : Oxford University Press and Film-type Services Ltd., 2000. 685 p.
  6. Spears, R. A., Ph. D. NTC's Thematic Dictionary of American Idioms. NTC Publishing Grop, 1998. – 433 p.
  7. URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/NOS/texts/2001_3/pdf/art_55.pdf
  8. URL: <http://bnc.bl.uk>
  9. URL: <http://corpus.byu.edu>
4. Ammer, C. The American Heritage Dictionary of Idioms. Boston : Houghton Mifflin Company, 1997. 1191 p.
  5. Cowie, A. P. Oxford Dictionary of English Idioms / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. Oxford : Oxford University Press and Film-type Services Ltd., 2000. 685 p.
  6. Spears, R. A., Ph. D. NTC's Thematic Dictionary of American Idioms. NTC Publishing Grop, 1998. – 433 p.
  7. URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/NOS/texts/2001_3/pdf/art_55.pdf
  8. URL: <http://bnc.bl.uk>
  9. URL: <http://corpus.byu.edu>

УДК 81'33

ПОДЪЯЗЫК И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНО-СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ¹

З. С. Хасанова

Данная статья посвящена таким лексическим подсистемам как подъязык и язык для специальных целей, рассматривается их корреляция; раскрываются особенности функционирования данных подсистем в текстах определенной тематики.

Ключевые слова: языковые подсистемы, расслоение языка, коммуникация, лексика.

Человечество с давних пор стремится к познанию неизведанного в окружающем мире. Такой интерес, проявляемый людьми с самых древних времен, явился серьезным толчком к открытиям и изобретениям, которые время от времени преобразовывались, приводили к новым открытиям и переросли, наконец, в научно-технический прогресс, который проник во все сферы человеческой деятельности.

Как известно, прогресс во всех областях научного знания неизбежно влечет за собой изменения в системе языка, затрагивая, прежде всего, его лексический уровень. Вместе с тем, по мнению лингвистов-когнитологов, любое знание динамично и неизбежно находит свое отражение в языке как знаковой системе культуры. Как справедливо отмечают исследователи, систематизация языкового пространства позволяет не только получить более четкое представление об объекте исследования в целом, но и дает возможность сконцентрировать свои усилия на более узкой проблеме и получить более глубокие результаты [2. С. 11]. Общеизвестно, что все новое требует совре-

---

¹ Публикация выполнена в рамках проекта «Российская и западноевропейская научная ментальность в зеркале языка (1945–2011 гг.): когниолингвистическое и лексикографическое моделирование языковой картины мира научно-инновационной и научно-производственной сфер (эволюционная динамика, внутриязыковые и межъязыковые корреляции)», выполняемого в соответствии с государственным заданием Министерства образования и науки РФ на 2012–2014 гг. (научный руководитель проекта – доктор филологических наук, профессор О. А. Алимуратов).

менного языкового осмысления, следовательно, необходимо использование не просто языка как средства массового общения, но и его составляющих, то есть специализированных языковых подсистем.

Именно языковые подсистемы, анализ их сходств и различий может способствовать более тщательному изучению какого-либо объекта, что обеспечивает эффективную коммуникацию в определенной сфере деятельности. В связи с этим, в нашем дальнейшем исследовании мы попытаемся раскрыть, на какие специализированные подсистемы происходит расслоение языка, что является их сущностью и путем сравнения и противопоставления определить, в какой сфере человеческой деятельности уместны отдельно взятые из них.

Известно, что язык – это «исторически возникший и развивающийся сложный знаковый механизм общения, работающий в единстве и взаимодействии с сознанием и мышлением человека» [7. С. 10]. Осознание того, что язык является знаковым механизмом общения, подтверждает его коммуникативную функцию, которую можно признать единственной функцией языка, включающей в себя все его более частные характеристики, обеспечивающие все сферы общения с самой ранней ступени развития человеческого общества.

Язык как структура – это сложное образование, элементы которого, расположенные на разных уровнях, связаны многообразными зависимостями, вступают в различные отношения друг с другом. В. Раскин считает, что структурное понимание языка как совокупности подсистем является более адекватным, чем представление о языке как о едином списке слов или наборе грамматических правил. Однако, по мнению автора, оно в значительной степени идеализировано и не отражает всей сложности объекта. Именно поэтому описание структуры языка наталкивается на существенные трудности. Одну из главных трудностей такого рода – и, одновременно, одну из основных погрешностей в понимании языка как единой структуры – обуславливает тот факт, что язык не един, а расслаивается на множество подсистем, или *подъязыков* [15. С. 14], как мы и упоминали ранее.

Важно подчеркнуть, что подъязыки специальных сфер коммуникации существенно отличаются от языка сферы массовой и индивидуальной коммуникации [10. С. 18]. Это мнение справедливо, так как научные исследования, открытия и научно-технический прогресс в целом нуждались в аналитическом осмыслении и последующей языковой фиксации. Такое языковое осмысление способствова-

ло формированию специальной лексики, результатом чего явилась научная речь.

На протяжении нескольких десятилетий научная речь подвергается исследованиям зарубежных и отечественных лингвистов. В современной лингвистике выделяются три основных этапа ее исследования.

1. 1950–60 гг. – исследование научной речи на материале научно-технических текстов для решения глобальных проблем языка науки (В. В. Виноградов [1963], О. С. Ахманова [1966]);

2. Начало 1970-х конец 80-х гг. – исследование отдельных аспектов научной речи и появление работ, посвященных анализу лексико-фонетических (Т. К. Караулов [1976]), морфологических (Е. И. Миндели [1982]), грамматических (С. А. Тер-Мкртчян [1976]), лексических (Н. А. Шубова [1972]), лексико-семантических (Е. В. Хомутова [1972]), ритмико-синтаксических (Е. Б. Яковлева [1976]), лексико-фразеологических (Л. А. Чиненова [1986]), синтагматических (С. Г. Тер-Минасова [1986]), структурных (Т. К. Перекальская [1976]), стилистических (Е. Б. Лебедева [1983]), текстологических (М. М. Глушко [1977]) особенностей научных произведений.

3. С 1990-х по настоящее время – исследование различных подъязыков технических, естественных и гуманитарных наук (З. И. Комарова [1991], Г. А. Дианова [1995], М. В. Вербицкая [2000], В. М. Лейчик [2005], С. Сулак [2006], А. И. Глазырина [2006], С. В. Краев [2007], С. А. Иванова [2007], А. А. Прошина [2008] и др.) [13. С. 24–26].

Сущность данных этапов, избранные объекты исследования, методология и принципы теоретизации объектов подтверждают мысль о том, что научная речь включает в себя подъязыки различных научных знаний, которые затрагивают все сферы профессиональной коммуникации. Как справедливо считает Т. Н. Хомутова, профессиональная деятельность человеческого общества разнообразна, и, следовательно, для успешной коммуникации специалистов различных областей необходимо использовать соответствующую профессиональную лексическую подсистему [19. С. 96–106].

В связи с тем, что лексика, используемая в повседневном общении, в обыденной жизни человечества, во многом отличается от языка специальной сферы коммуникации, так как не требует специальных знаний как для передачи какой-либо мысли говорящим, так и для понимания какого-либо высказывания слушающим. Язык, используемый для специального общения и противопоставляемый

массовому языку, в исследованиях различных авторов получил такие названия как: подъязык (Н. Д. Андреев, М. Я. Цвиллинг, А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева), язык профессиональной коммуникации (Е. И. Голованова и др.), язык для специальных целей / language for special purposes (LSP) (В. М. Лейчик, Л. Дрозд, Б. Спиллнер, Л. Хоффманн, Х. Сейгер). Проанализировав и сопоставив вышеназванные языковые подсистемы, мы постараемся определить, в чем их корреляция и оппозиция, в какой сфере деятельности они употребимы, а также какая из данных подсистем применима для области нашего дальнейшего исследования.

Данные понятия тесно взаимосвязаны, но для того, чтобы понять их сущность, невозможно найти одно определение, в полной мере передающее их лингвистическую значимость.

Одним из первых, кто ввел понятие *подъязык*, был Н. Д. Андреев, который дал обоснование этой более «дробной» единицы, чем научный стиль [3. С. 23]. Таким образом, несмотря на то, что многие авторы сопоставляют понятия «подъязык» и «функциональный стиль» (ФС), необходимо учитывать различие стиля и подъязыка, как и то, что подъязык связан с определенной предметной областью (онтологией). Под функциональным стилем в современной лингвистике понимают разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей, особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере [19. С. 96–106]. Вопрос о соотношении подъязиков и функциональных стилей «сложен и может быть решен только с помощью конкретных исследований на обширном языковом материале» [18. С. 23]. Прямая же соотнесенность между подъязыком и функциональным стилем может иметь место только в том случае, «если какой-нибудь подъязык характеризуется исключительно только одним ему присущим стилем» [18. С. 25], что пока, применительно к сопоставляемым понятиям, не обнаружено. В результате формулируется вывод о том, что ФС определяется в зависимости от профессиональной деятельности людей. Следовательно, к ФС можно отнести такие стили, как научный (научные открытия в какой-либо сфере человеческой деятельности), публицистический (газеты, журналы, средства массовой информации), художественный (художественная литература, кинофильмы) и многие другие стили, которые возникают вместе с научно-техническим прогрессом, активным развитием кинематографа и т. д.

Таким образом, связь функционального стиля и подъязыка в том, что эти языковые разновидности черпают специальные лексические языковые единицы из научных источников человеческого знания и могут быть применимы в публицистике, а точнее, функциональный стиль является одной из составляющей такой профессиональной лексической подсистемы как подъязык.

А. В. Суперанская, Н. В. Подольская и Н. В. Васильева справедливо считают, что подъязык – это особая форма существования языка с *ярко выраженной профессиональной направленностью*, за счет чего получается «однобокое» развитие его выразительных средств. В нем разрабатываются, и к тому же ускоренными темпами, лишь те элементы языка, которые необходимы в данной профессиональной деятельности. Остальной фонд национального языка служит для этого лишь своеобразным фоном, на котором формируется подъязык, лишь резервуаром, из которого заимствуются необходимые средства [17. С. 56].

Н. Н. Кошкарлова отмечает, что термин «подъязык» появился в 60-е гг. Им стали обозначать совокупность языковых (преимущественно лексических) средств, используемых в текстах определенной специализированной тематики. Мы полностью разделяем мнение автора о том, что подъязык, с одной стороны, богаче общего языка за счет специальных слов, а с другой стороны, беднее – за счет того, что он использует лишь часть выразительных средств последнего. Например, подъязык торговли и коммерции, помимо специальных торговых и банковских терминов, включает номенклатуру продаваемых товаров, названия фирм, имена их сотрудников. Но он свободен от терминов других отраслей знания и от художественных выразительных средств, которые были бы в нем просто неуместны [11].

В современной отечественной лингвистике можно найти также трактовки подъязыка как определенной жанрово-тематической совокупности текстов (подъязык электроники, устной речи, газетных текстов и т. д.) [1. С. 62], как малой лингвистической подсистемы, содержащей набор языковых структур и единиц, заданных тематически однородной областью социального или профессионального функционирования языка, обладающая функционально-стилистической направленностью и обслуживающая определенную сферу общения [13. С. 157], как непосредственно составляющей языка, как первичного языка описания соответствующих миров, т.е. предметных областей (онтологий) [12. С. 250–254]. Т. Н. Хомутова, в свою

очередь, делает акцент на том, что подъязык может быть разъяснен более простой лексикой для тех, кто не является специалистом в той или иной области знания и передаваться посредством разнообразных поясняющих механизмов, неспециализированной лексики, вербализующей обыденные знания. Кроме того, специальное знание в виде некоторых аксиом и истин может входить и в обыденное знание (закон сохранения энергии, закон гравитации, перехода количества в качество и т. д.) [19. С.96–106]. Эти трактовки имеют право на существование, так как отражают корреляции между специализированной и обыденной сферами общения, между научной и обыденной картинами мира.

Соответственно предложенным трактовкам, подъязык обеспечивает эффективную коммуникацию в профессиональной и научной области, где общение происходит с помощью специальных слов, то есть терминологии. Но необходимо иметь в виду и то, что далеко не каждое специальное слово может приравниваться к статусу термина, и не каждая совокупность специальной лексики образует терминологию. Примером такой специализированной лексики являются профессионализмы, которые не являются общепринятыми, конвенциональными средствами обозначения какого-либо конкретного понятия в научном общении, а их функция коренным образом отличается от функции, выполняемой термином [2. С. 12]. Профессионализмы встречаются в употреблении между профессионалами одной предметной области, когда специалисты переходят от использования специально установленных для конкретной деятельности языковых подсистем к профессиональному просторечию, понятному лишь им. Так, например, среди цветоименований в живописи можно встретить лексемы, являющиеся профессионализмами по своей семантике: к ним относится такое слово как *fox* – рыжеватый цвет, приближенный к оранжевому (*ginger*), где в основе лежит метафорическое сравнение с животным, сходным по цвету.

Наравне с профессионализмами в любой специализированной деятельности также могут употребляться жаргонизмы (нелитературные слова, используемые в речи определённых групп людей, имеющие параллельные варианты в литературном языке) [21] и сленг (очень выразительные, ироничные слова, служащие для обозначения предметов, о которых говорят в повседневной жизни) [22]. В непрофессиональной деятельности людей также встречаются различные лексические пласты, ядром которых является специальная

лексика без терминов. К таким лексическим пластам относятся аргот (фр. argot) (условный язык, используемый группой людей с тем, чтобы выделиться или наоборот, стать непонятными другим) [23], вульгаризмы (резкие, грубые просторечные слова и выражения, заменяющие литературные), диалектизмы (слова, используемые в местных говорах – диалектах) [21]. Все вышеназванные лексические подсистемы несут специальный характер и семантически связаны с областью подъязыка.

Исходя из всех вышеупомянутых подходов к изучению подъязыка, можно говорить о нем как о системе специальной лексики, включающей в себя разнообразные, разноотраслевые сферы коммуникации, которые обеспечивают область общения участников научной, коммерческой, торговой, финансовой, деловой, юридической и многих других отраслей между профессионалами (специалисты со специалистами), в образовательных целях (между специалистами и неспециалистами), а также различные коммуникативные ситуации общения с использованием лексем, заменяющих термины или литературные слова, которые затрагивают массовый язык коммуникации.

Итак, в нашем исследовании мы придерживаемся мнения о том, что подъязык – это:

1) полуавтономная языковая система, которая может использоваться для специалистов и неспециалистов для образовательных целей;

2) профессиональная лексическая подсистема, употребляемая профессионалами одной специальной коммуникативной сферы;

3) включает в себя функциональный стиль (научная речь, публицистика, художественная литература и т. д.), профессионализмы, жаргонизмы, сленг, аргот, вульгаризмы и диалектизмы.

4) затрагивает массовый язык коммуникации, так как может быть передан посредством общеупотребительной лексики.

Соответственно подъязык – это малая лингвистическая подсистема, которая содержит единицы как профессиональных, так и непрофессиональных уровней языковой системы, которые используются в текстах определенной предметной тематики.

Профессиональный язык, в свою очередь, является результатом функционирования и эволюции научного знания, также в научных кругах его принято называть языком профессиональной коммуникации.

Возникновение данного термина – закономерный итог развития лингвистического и терминоведческого знания, результат перехода определенных областей науки к когнитивно-коммуникативной

парадигме. Язык коммуникации совмещает в себе две стороны названной парадигмы. С одной стороны, этот язык представляет собой систему единиц, вербализующих некое когнитивное пространство – объединение концептов и категорий, связи между которыми носят взаимообусловленный характер. С другой стороны, он сформирован и функционирует в определенной сфере коммуникации и представлен в текстах, значимых для этой сферы. Помимо собственно языковой информации, профессиональные тексты объективируют смыслы, интенции, характер отношений, присущие только данной коммуникативной среде [6. С. 46–47]. Таким образом, языки профессиональной коммуникации представляют собой разновидность языков, соответствующих сферам профессиональной деятельности в обществе. Иными словами, профессиональный язык – это комплекс языковых средств, обслуживающих определенную профессиональную область [6. С. 46–47]. Как известно, любая профессиональная деятельность подразумевает знание специальных слов, которые предназначены для коммуникации в данной ситуации. Такие специальные слова получили название «язык для специальных целей».

Первые идеи о необходимости выделения языка для специальных целей (LSP) прослеживаются в работах чешского исследователя Л. Дрозда, который справедливо назвал этот язык функциональным языком (или языком в специальной функции), представляющим собой подязык «данного национального литературного языка» [8], так как LSP способствует успешной коммуникации в определенной предметной области, что является функциональным предназначением любого языка.

В исследованиях других авторов говорится о том, что языки для специальных целей (ЯСЦ) обслуживают не общую сферу, а частные коммуникативные сферы, в связи с чем не имеют общего употребления и не распространяются, подобно литературному языку, по всей территории страны, не проникают во все подсистемы данного лингвокультурного сообщества [24. С. 11–23].

В попытке обосновать повышенный интерес к исследованию языка для специальных целей, Н. Б. Гвишиани указывает на то, что когда в качестве международного языка общения используется один язык, возникает вопрос, какую его разновидность следует употреблять в профессиональной коммуникации [5. С. 219]. Ведь если говорить о разновидностях языковых подсистем профессиональной коммуникации, то их количество соответствует числу сфер

деятельности в обществе: право, политика, медицина, торговля, образование, управление, промышленность и т. д. В данном контексте, ЯСЦ – это комплекс языковых средств, обслуживающих коммуникативный процесс в рамках определенной профессиональной области [6. С. 53]. Кроме того, потребности международного общения и необходимость обучения специалистов в области профессиональной коммуникации также привели к признанию термина «язык для специальных целей / language for special purposes» [5. С. 219].

Как известно, в современном мире человеческая деятельность зачастую связана с международными связями, совместным сотрудничеством, консорциумами, в особенности если речь идет об экономической, юридической специфике, дипломатии, банковском деле, торговле. Предполагается постоянная необходимость обмена опытом с иностранными организациями, различными международными и транснациональными компаниями и т. д.

В связи с этим можно отметить, что в результате развития международных отношений многие языки для специальных целей часто базируются именно на английском языке (English for Specific Purposes – ESP), знания которого необходимы и неизбежны в межкультурной коммуникации, так как английский язык является «рабочим языком» независимо от того, являются ли участники данной коммуникации носителями упомянутого языка, или от того, является ли страна англоязычной. Но это подразумевает не знание языка в его чистом виде, а специализированные знания определенной языковой подсистемы в определенной коммуникативной среде.

В. В. Чепелюк более подробно раскрывает понятие языка для специальных целей, приводя следующие его характеристики:

1) это часть общенационального языка, интегрирующая общенациональные языковые средства и при этом дополняющая и обогащающая общенациональный язык;

2) это не закрытая, а открытая, постоянно меняющаяся, находящаяся в контакте с другими отраслевыми подязыками система;

3) он определяется не столько соотносительностью с определенной социальной группой, сколько коммуникативным содержанием, коммуникативным намерением, коммуникативной ситуацией;

4) отличие языков для специальных целей – не только в специфическом лексическом наполнении (термины и иная профессиональная лексика), у них имеются специфические черты на всех уровнях языковой подсистемы;

5) ЯСЦ многочисленны, их может быть столько, сколько существует или возникает областей человеческой деятельности;

6) LSP – не автономные языковые системы, они тесно коррелируют с общеупотребительной лексикой [9. С. 4], что проявляется в процессах терминологизации, детерминологизации и ретерминологизации [2. С. 32].

Данные характеристики в значительной степени раскрывают понятие языка для специальных целей. Как известно, общенациональный язык, противопоставляемый другим национальным языкам, проявляется в устной и письменной формах. Он обладает развитой функциональной системой (функциональные стили, социальные диалекты), способной обеспечить оптимальное решение коммуникативных задач в социуме за счет избирательного вовлечения в сообщение тех ее компонентов, которые обеспечивают необходимый результат. С образованием общенационального языка связывают высший этап в развитии функциональных систем языка. Однако понятие высшего этапа определяется не всем общенациональным языком, а только той его частью, которая относится к национальному литературному языку [14], который в свою очередь является одной из необходимейших ветвей общенационального языка. Из этого следует, что общенациональный язык включает в себя следующие понятия:

– функциональный стиль, причем не один определенный стиль, а все его разновидности, используемые во всех областях деятельности данной нации;

– социальные диалекты, которые имеют территориальные языковые отличия;

– литературный язык.

Не вызывает сомнения тот факт, что ЯСЦ - это не закрытая, а открытая, постоянно меняющаяся, находящаяся в контакте с другими отраслевыми подязыками система. В своем стремлении углубить и усовершенствовать научное знание, человечество не останавливается на достигнутом. Новые достижения влияют на появление новых областей знания. Так, согласно С. В. Гринев-Гриневичу, только за XX век появилось свыше 2000 новых областей специального знания [2. С. 7]. Все новые дисциплины должны пройти языковое осмысление, в связи с этим и происходит постоянная замена одних лексических подсистем на другие, или образуются новые, более точно передающие смысл значения. Все это подтверждает то, что ЯСЦ может меняться или преобразовываться.

Исходя из всех вышеуказанных определений понятия языка для специальных целей понятно, что в научных кругах ведется широкая полемика на предмет правомерности его выделения в составе того или иного структурно-функционального образования. Исследователи рассматривают ЯСЦ в составе общего литературного языка как один из его функциональных стилей, или общего национального языка на правах автономной подсистемы, или как фрагмент национального языка, который создается на базе национального языка, а значит, является неотъемлемой его частью. Определение ЯСЦ зависит от того, подходим ли мы к его определению как независимой системы или как части, но части, находящейся на периферии естественного языка. В связи с этим такие термины, как национальный язык, литературный язык, общий язык, стандартный язык встречаются в работах многих исследователей, как самого языка, так и его структурных компонентов – подъязыков. Данными терминами оперируют достаточно часто, однако при этом их понимание не всегда однозначно [14]. Соответственно этому формируются и различные термины-понятия, расходящиеся по своему объему и содержанию, но не всегда достаточно четко противопоставляемые друг другу [20. С. 6].

Так, например, Т. Н. Хомутова, указывает на то, что LSP тесно связан с общеупотребительным, общелитературным языком, или, «языком для общих целей» (Language for General Purposes - LGP), но также отмечает, что в целом определение LSP путем противопоставления его языку для общих целей, которое доминировало в 1960-е гг., уступило место новому определению LSP как системно и функционально упорядоченной совокупности языковых средств, используемых в устном и письменном текстах специализированной тематики [19. С. 96–106].

Говоря о связи LSP и LGP, Т. Н. Хомутова отмечает, что морфологические и синтаксические характеристики LSP, как правило, соответствуют характеристикам общелитературного языка, но могут значительно отличаться по частотности употребления. На уровне текста LSP характеризуются собственными традиционными жанрами с определенными композиционными моделями построения (письменные: патенты, статьи, тезисы докладов, аннотации, отчеты и т.д.; устные: доклады, судебные заседания, парламентские слушания, деловые переговоры, спортивные комментарии, проповеди и т. д.) [19. С. 96–106].

Важно отметить, что LSP полностью зависит от потенциалов общелитературного языка на каждом уровне своей системы, за исключением специфических словообразовательных моделей. Так, источниками лексикона LSP могут быть:

- переосмысливаемые слова общелитературного языка, например, «тяготение» в физике; «амортизация» в экономике и т. д.;
- дериваты, возникшие в результате словообразовательных процессов с латинскими и греческими элементами, например, аква-, гидро-, и т. д.;
- заимствования из других языков;
- цифровые и искусственные символы (в математике, физике, химии, генетике и др.);
- полутермины, балансирующие на грани общелитературного языка;

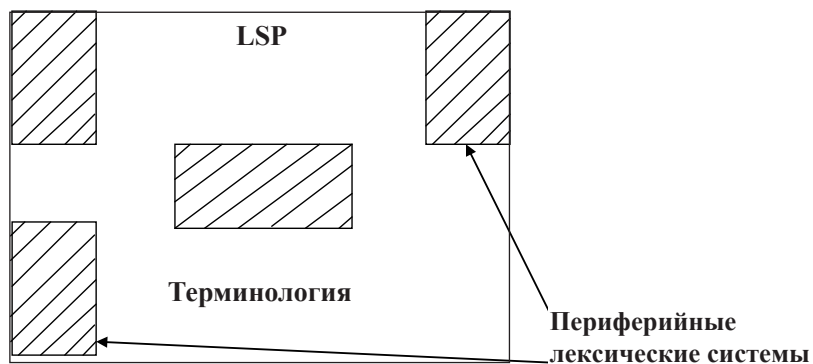
– фирменные знаки и названия, например, «аспирин», «Кодак» и др. [19. С. 96–106]. Можно согласиться с тем, что при коммуникации с использованием специальной языковой подсистемы встречаются заимствования из других языков, например, названия различных медикаментов с использованием латинского языка, «девальвация», «дефолт» в экономике, «когниция», «константа» в лингвистике и т. д.

В свете сказанного показательное мнение Б.А. Серебренникова о том, что общий язык обеспечивает лишь *возможность взаимного понимания* (да и то, строго говоря, лишь в пределах определенных тем – соответственно тому характеру кооперативных связей, который объединяет всех членов данного коллектива), но отнюдь не единую характеристику системы языкового мышления (в фонетическом, морфологическом и других отношениях) [16].

Следовательно, общий язык может употребляться между специалистами из разных областей, причем участники коммуникации опираются на естественные знания друг друга с целью взаимного понимания. Здесь специализированная лексика может и проявляться, и не проявляться, в зависимости от конкретной ситуации. Отсюда видно, что справедливо мнение некоторых авторов о том, что общий язык обеспечивает лишь *возможность взаимного понимания* в пределах определенных тем.

Таким образом, проведенный анализ показал, что возникновение и дальнейшее развитие таких понятий как подязык, язык профессиональной коммуникации, LSP связано с появлением множества сфер человеческой профессиональной деятельности, которые нуж-

дались в дальнейшем языковом осмыслении. Подъязыки существуют в каждой сфере человеческой деятельности, то есть сколько существует областей профессиональной человеческой деятельности, столько и подъязыков. Также подъязыки проявляются и в узкоспециализированной деятельности людей (профессионализмы, жаргонизмы, сленг, арго), и в общенациональном языке (диалектизмы), и в малых социальных группах (вульгаризмы). Язык профессиональной коммуникации проявляется в каждом подъязыке, когда речевая деятельность связана со специальными знаниями, что предусматривает использование языка для специальных целей, ядром которых является термин. Корреляции между LSP и терминологией можно представить в виде следующей схемы:

Схема 1.

Рассмотрев и сопоставив вышеназванные понятия, нам представляется целесообразным использовать понятие «подъязык» для анализа отраслевых лексических систем, так как в данном понятии наиболее полно репрезентируется лексический спектр данных подсистем и акцентируются динамические корреляции подъязыков и языка для общих целей.

Список литературы

1. Алексеев, П. М. Лексическая и морфологическая статистика английского подъязыка электроники // Статистика речи. Л., 1968.

List of literature

1. Alekseev, P. M. Leksicheskaia i morfologicheskaia statistika anglijskogo pod#jazyka jelektroniki // Statistika rechi. L., 1968.

2. Алимуратов, О. А. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий): монография / О. А. Алимуратов, М. Н. Лату, А. В. Раздвев. Пятигорск : СНЕГ, 2011. 112 с.
3. Андреев, Н. Д. Распределительный словарь и семантические поля // Статистико-комбинаторное моделирование подъязыков: сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Андреева. М. ; Л. : Наука, 1965. С. 490–497.
4. Гаврилова, Н. В. Деловая терминология международной экономики во французском, английском и русском языках в тезаурусном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. С. 15–17.
5. Гвишиани, Н. Б. Язык научного общения (вопросы методологии). М., 1986. 219с.
6. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. 53 с.
7. Головин, Б. Н. Введение в языкознание. М., 1983.
8. Граудина, Ширяев. URL: <http://www.filologia.su>
9. Дорошенко, В. Ю. Коммуникативная обусловленность функционально-стилистических особенностей делового английского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.
2. Alimuradov, O. A. Osobennosti struktury i funkcionirovaniya otraslevykh terminosistem (na primere terminosistemy nanotekhnologij): monografija / O. A. Alimuradov, M. N. Latu, A. V. Razdjev. Pjatigorsk : SNEG, 2011. 112 s.
3. Andreev, N. D. Rasprede-litel'nyj slovar' i semanticheskie polja // Statistiko-kombinatornoe modelirovanie pod#jazykov: sb. nauch. st. / pod red. N. D. Andreeva. M. ; L. : Nauka, 1965. S. 490–497.
4. Gavrilova, N. V. Delovaja terminologija mezhdunarodnoj jekonomiki vo francuzskom, anglijskom i rusском jazykah v tezaurusnom aspekte: dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2009. S. 15–17.
5. Gvishiani, N. B. Jazyk nauchno-go obshhenija (voprosy metodologii). M., 1986. 219s.
6. Golovanova, E. I. Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie: ucheb. posobie. M. : FLINTA : Nauka, 2011. 53 s.
7. Golovin, B. N. Vvedenie v jazykoznanie. M., 1983.
8. Graudina, Shirjaev. URL: <http://www.filologia.su>
9. Doroshenko, V. Ju. Kom-munikativnaja obuslovlennost' funkcional'no-stilisticheskikh osobennostej delovogo anglijskogo jazyka: dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 1995.

10. Котов, Р. Г. Естественный язык, искусственные языки и информационные процессы в современном обществе / Р. Г. Котов, С. Е. Никитина, Н. В. Васильева. М. : Наука, 1988. 176 с.
11. Кошкарлова, Н. Н. Структурно-семантические особенности и степень адаптации английской частично ассимилированной лексики в русском компьютерном подязыке: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 172с.
12. Максапетян, А. Г. Язык и метафизика. Ереван, 2001. С. 250–254.
13. Миньяр-Белоручева, А. П. История становления языка для специальных целей // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: материалы Междунар. науч. конф. (Челябинск, 10–13 декабря 2007 г.) / отв. ред. О. А. Турбина. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. Ч. 1. С. 24–30.
14. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводческий словарь. М., 2003. 157с.
15. Петрашова, Т. Г. Язык для специальных целей в контексте содержания понятий. Национальный язык. Томский политехнический университет. URL: <http://nopril.ru/res/DOC39/Petrashova/article/>
16. Раскин, В. К теории языковых систем: изд. 2-е, доп. М. : Эдиториал УРСС, 2007. 14 с.
10. Kotov, R. G. Estestvennyj jazyk, iskusstvennyye jazyki i informacionnyye processy v sovremenom obshhestve / R. G. Kotov, S. E. Nikitina, N. V. Vasil'eva. M. : Nauka, 1988. 176 s.
11. Koshkarova, N. N. Strukturno-semanticheskie osobennosti i stepen' adaptacii anglijskoj chastichno assimilirovannoj leksiki v russkom komp'juternom pod#jazyke: dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2004. 172s.
12. Maksapetjan, A. G. Jazyk i metafizika. Erevan, 2001. S. 250–254.
13. Min'jar-Belorucheveva, A. P. Istorija stanovlenija jazyka dlja special'nyh celej // Aktual'nye problemy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Cheljabinsk, 10–13 dekabrja 2007 g.) / otv. red. O. A. Turbina. Cheljabinsk: Izd-vo JuUrGU, 2007. Ch. 1. S. 24–30.
14. Neljubin, L. L. Tolkovyj perevodcheskij slovar'. M., 2003. 157s.
15. Petrashova, T. G. Jazyk dlja special'nyh celej v kontekste soderzhaniya ponjatij. Nacional'nyj jazyk. Tomskij politehnicheskij universitet. URL: <http://nopril.ru/res/DOC39/Petrashova/article/>
16. Raskin, V. K teorii jazykovykh sistem: izd. 2-e, dop. M. : Jeditorial URSS, 2007. 14 s.

17. Серебренников, Б. А. Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. М., 1970.
18. Суперанская, А. В. Общая терминология. Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. М. : Наука, 2003. 246 с.
19. Тулдава, Ю. А. Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики. Таллин : Вaugс, 1987. 204 с.
20. Хомутова, Т. Н. URL: <http://lib.herzen.spb.ru/text/khomutova>
21. Цвиллинг, М. Я. Функциональный стиль, подъязык и современные диалекты // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М. : Наука, 1986. 15с.
22. URL: www.altstudy.ru/paper/rus_4.html
23. URL: www.lib.csu.ru/vch/093/109.pdf
24. URL: www.e-slovar.ru/dictionary/33/23633/
25. Havranek, B. Influence de la fonction de la langue littéraire sur la structure phonologique et grammaticale du tcheque littéraire // Travaux du Cercle linguistique de Prague 1. Prague, 1929. P.11–23.
17. Serebrennikov, B. A. Obshee jazykoznanie: formy sushhestvovaniya, funkcii, istoriya jazyka. M., 1970.
18. Superanskaja, A. V. Obshhaja terminologija. Voprosy teorii / A. V. Superanskaja, N. V. Podol'skaja, N. V. Vasil'eva. M. : Nauka, 2003. 246 s.
19. Tuldava, Ju. A. Problemy i metody kvantitativno-sistemnogo issledovanija leksiki. Tallin : Vaugс, 1987. 204 s.
20. Homutova, T. N. URL: <http://lib.herzen.spb.ru/text/khomutova>
21. Cvilling, M. Ja. Funkcional'nyj stil', pod#jazyk i sovremennye dialektы // Obshhie i chastnye problemy funkcional'nyh stilej. M. : Nauka, 1986. 15s.
22. URL: www.altstudy.ru/paper/rus_4.html
23. URL: www.lib.csu.ru/vch/093/109.pdf
24. URL: www.e-slovar.ru/dictionary/33/23633/
25. Havranek, B. Influence de la fonction de la langue littéraire sur la structure phonologique et grammaticale du tcheque littéraire // Travaux du Cercle linguistique de Prague 1. Prague, 1929. P.11–23.

УДК 81'35

**БЕЛОРУССКАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, НАПРАВЛЕНИЯ**

С. В. Шаховская

В статье описаны приоритетные направления лексикографических исследований, характерные для современного этапа развития белорусской лингвистики: изучение истории отечественной науки о словарях, решение проблем типологии словарей в контексте общей метатеории лексикографии, разработка и сопоставление лексикографических программ и проектов, исследование структурно-содержательных особенностей словарей, теоретическое осмысление и внедрение информационных технологий в лексикографию.

Ключевые слова: лексикография, белорусская лингвистика, информационные технологии.

Накопление теоретических данных любой отраслью, так верно отмечал Г. П. Мельников, даёт ей возможность переходить от детального рассмотрения изучаемого объекта к выявлению всё более тонких нюансов его системных отношений с другими объектами, к осмыслению особенности составляющих частей и отношений между ними, что со временем приводит к выработке более эффективных и, значит, специализированных средств использования полученных данных [6].

Современная наука о языке является итогом динамичного развития лингвистических знаний и на протяжении всего существования характеризуется постоянным усложнением своей системы. Одним из ключевых компонентов структуры языкознания выступает лексикография, которая обобщает и систематизирует в границах определенной научной парадигмы данные, полученные во многих иных разделах лингвистики (лексикологии, семасиологии, грамматике, этимологии, истории языка и пр.).

Сам факт формирования лексикографии как самостоятельной области языкознания связан с резким увеличением количества прикладных лексикографических работ во второй половине XX в. до уровня «критического объема», при котором дальнейшее развитие

стало невозможным без теоретического осмысления и оптимизации существующих изданий.

В белорусском языкознании сложилась алогичная ситуация, особенностью которой в том, что при почти полном отсутствии концептуальных работ обобщающего характера количество разнообразных аспектных публикаций по проблемам истории и теории лексикографии измеряется сотнями.

На современном этапе развития белорусской лингвистики уже возможно говорить о формировании определённых приоритетных направлений лексикографических исследований, которые характеризуются относительной устойчивостью и многоаспектностью. Основными векторами развития теории белорусской лексикографии являются: 1) изучение истории отечественной науки о словарях; 2) решение проблем типологии словарей в контексте общей метатеории лексикографии; 3) разработка и сопоставление разнообразных лексикографических программ и проектов; 4) исследование структурно-содержательных особенностей словарей; 5) теоретическое осмысление и укоренение информационных технологий в лексикографии.

Одной из основных характеристик любой области языкознания является её динамика, которая, выступая в качестве самостоятельного предмета изучения, может предоставить ценные данные для проектирования дальнейшего развития науки. Это особенно важно для лингвистики, поскольку «гуманитарные знания в своей концептуальной глубине есть преимущественно знания исторические» [7. С. 46].

В белорусском языкознании изучение истории лексикографии началось в 1920-е гг. с появлением в печати статей Е. Карского и Н. Байкова, в которых предлагался критический обзор существующих лексикографических изданий, описывались принципы создания различных словарей, а также анализировались итоги организации словарной работы в Беларуси в течение 1925–1928 гг.

Исследования, посвящённые истории становления лексикографии в Беларуси, затрагивают: 1) формирование лексикографической традиции в целом; 2) историю создания определённых словарей; 3) роль отдельных учёных в развитии лексикографии.

Комплексно историю белорусской лексикографии изучали Н. Ф. Гулицкий [3; 4], М. Р. Судник [9], В. К. Щербин [10]. В своих работах учёные проанализировали деятельность в области лексикографии Ф. Скорины, П. Беринды, Ф. Шимкевича, П. Шпилевского, И. Григоровича, С. Микуцкого, И. Носовича и др., определили вли-

яние ранних лексикографических работ на современные традиции составления словарей.

Аспектные публикации по истории лексикографии посвящены описанию древних лексиконов («Лексисъ съ толкованиемъ словенскихъ мов просто» (1586), «Лексисъ сиречь речени, вкратъце събранны и из словенскаго языка на просты русский диалект истолкованы» Л. Зизания (1596), «Лексиконъ славеноросский. Имень тлъкование» П. Беринды (1627)), изучению белорусского словарного опыта советского периода, истории становления диалектной, топонимической лексикографии и пр.

Одним из приоритетных направлений исследования истории белорусской лексикографии является изучение отдельных словарных проектов, условий их создания, структурных особенностей и т.д.

Ряд публикаций белорусских ученых посвящён изучению «Словаря белорусского наречия» И. И. Носовича, истории составления данного издания, описанию его макро- и микроструктуры, лексических и грамматических особенностей.

В единичных статьях исследуются принципы составления словарей И. Ф. Копиевского, В. Ю. Ластовского, И. Ф. Тихинского, И. К. Белькевича и др.

Важным аспектом в разработке истории лексикографии является изучение деятельности конкретных лингвистов. В соответствии с концепцией британского философа М. Полани, наука не существует в деперсонифицированном и оторванном от определённых социально-исторических условий виде [8], потому естественно, что внимание лингвистов привлекают проблемы систематизации и осмысления научного наследия отдельных учёных, в том числе лексикографов. В белорусской лингвистической традиции первым и наиболее удачным опытом составления справочника, посвящённого деятельности определённых учёных, стала фундаментальная работа М. Г. Булахова «Востоочнославянские языковеды» [1], где приводятся биографические сведения, перечень основных лингвистических публикаций, краткий критический анализ важнейших работ белорусских, русских и украинских филологов XVI–XX вв. Описание жизненного пути и основных научных достижений некоторых отечественных лексикографов включено в издание «Белорусские языковеды» И. К. Германовича [2].

Большое количество публикаций посвящено изучению деятельности определённых специалистов в области лексикографии: В. В. Аниченко, Н. Я. Байкова, М. И. Горецкого, В. П. Лемтюговой, А. А.

Лукашанца, А. А. Кривицкого, Ю. Ф. Мацкевич, И. И. Носовича, С. М. Некрашевича, М. Р. Судника, Ф. М. Янковского и др.

Итогом научно-технической революции стало стремительное увеличение количества филологических словарей, а также разнообразных справочников специального характера. Естественно, что в таких условиях одной из важнейших задач современной теоретической лексикографии является создание универсальной типологии словарей белорусского языка, которая, с одной стороны, позволяет инвентаризировать существующие разноструктурные работы, а с другой – помогает определить лексикографические лакуны в описании языка.

Исследования, которые выполняются в этом русле в белорусском языкознании, во многом ориентируются на работы наиболее авторитетных русских и украинских специалистов: В. Г. Гака, В. В. Дубичинского, В. В. Морковкина, А. М. Цывина, Л. В. Щербы.

В белорусском языкознании проблемой классификации белорусских словарей занимался В. К. Щербин. Он критически осмыслил разнообразные подходы к группированию словарей, распространённые в российской научной традиции (С. И. Ожегова, Л. В. Щербы, Ю. Н. Караулова и др.), теоретически аргументировал идею, что создание «типологии словарей дало бы лексикографу возможность с самого начала работы над составлением словаря отобрать среди определённых лексикографических параметров наиболее оптимальные, которые в максимальной степени соответствуют предъявленным для словарей данного типа требованиям» [11].

Системную типологию словарей белорусского языка предложил Д. В. Дятко, который на основе специфики языковых единиц, зафиксированных в словаре, особенностей их лексикографической интерпретации и типа информации, что предлагается в издании, выделил две группы лингвистических словарей – лексемные и идиомные. **Лексемные** словари описывают слова в четырёх аспектах: 1) *семантическом*: а) толковые: имён нарицательных литературного языка – сводные и аспектные (например, омонимов, поронимов, новых слов, языка автора и др.); имён нарицательных диалектного языка – сводные и аспектные, а также словари имён собственных (ономастические); б) переводные: имён нарицательных (сводные и аспектные) и имён собственных (сводные и аспектные); 2) *функциональном*: артологические (орфографические, орфоэпические, типичных форм и др.), статистические (частотные, лексические минимумы), идеографические

(ассоциативные, тематические), стилистические (устаревшей лексики, синонимов, эпитетов и др.), парадигматические; 3) *структурном*: словообразовательные и морфемные; 4) *номинативном*: ономастические (топонимические, антропонимические – сводные и аспектные – и др.), конкордансы, реестры. В **идиомных** словарях характеризуются языковые конструкции 1) в *семантическом* аспекте: толковые (фразеологизмов, паремий), переводные (фразеологизмов, паремий); 2) в *функциональном* плане: стилистические (перифраз, сравнений и др.) и в номинативном плане: афоризмов и т. д.) [5].

Отдельные статьи белорусских учёных посвящены вопросам типологизации аспектных лексикографических изданий: это классификации фразеологических словарей И. Я. Лепешева, синтаксических словарей славянских языков С. А. Важника, электронных переводных словарей Г. М. Концевой и Т. С. Протасевич и др.

Проектная лексикография как способ планирования и координации лингвистической деятельности формируется исследованиями двух типов, которые отличаются между собою уровнем разработки проблем, связанных с теорией и методикой собственно лексикографической деятельности: проекты и инструкции по сбору лексики, б) проекты лексикографических изданий.

Впервые планомерной разработкой методологических основ лексикографии белорусские учёные занялись в 1920–1930-е гг., когда в связи с деятельностью Научно-терминологической комиссии, Комиссии по составлению словаря живого белорусского языка при Институте белорусской культуры значительно активизировалась подготовка и издание белорусских словарей.

В это время был издан ряд программ и инструкций, в которых подробно описывалась методика сбора лексического материала и способы его первичной обработки. В республиканской печати были опубликованы инструкции, программы, проекты по сбору белорусской диалектной, терминологической и ономастической лексики, которые способствовали становлению принципов и методов национальной лексикографии, а также статьи С. М. Некрашевича, Н. Я. Байкова, в которых решались методологические проблемы лексикографирования лексического материала.

Вторая волна в развитии проектной лексикографии приходится на 1960–1970-е гг. и связана с активизацией диалектологических исследований в Беларуси. В этот период Институтом языкознания имени Якуба Коласа АН БССР на основании анализа словарей

Н. И. Касперовича, Н. И. Шатерника, сборников П. А. Бессонова, Е. Р. Романова и др. была разработана инструкция по сбору материала для создания областных словарей белорусского языка.

В печати появился ряд индивидуальных статей-проектов Н. В. Абабурко, Н. В. Бирилло, В. А. Горпинича, И. В. Волка-Левановича, В. М. Емельянович, И. Л. Копылова, Е. П. Любецкой, Ф. М. Янковского и др., в которых разрабатывались теоретические основы составления разнообразных словарей: литературного языка, переводных, исторического, ономастических и пр.

Общее металексикографическое учение об информационной наполняемости корпуса словаря состоит из двух взаимосвязанных направлений: 1) исследования наиболее общих особенностей микроструктуры словарных изданий и 2) изучения частных проблем формирования реестра словарей определённого типа.

Проблемами оптимизации информационной насыщенности словарной статьи в белорусском языкознании занимались А. М. Бордович, В. И. Мартиневский, Л. Б. Рубцова и др. Кроме того, изучались многие частные проблемы реестра словарей: способы презентации и толкования архаизмов и историзмов, фиксации фразеологизмов в диалектных и толковых словарях, явления омонимии, полисемии, вариантности языковых единиц в словарях разных типов и др.

Характерной особенностью современного языкознания является не только так называемое «горизонтальное осмысление», т. е. выявление типичных тенденций в развитии языковой системы и планировании общелингвистической перспективы, но и интенсивное развитие внутриотраслевой, «вертикальной» рефлексии, сущность которой заключается в том, что в рамках конкретных научных направлений происходит систематизация и коррекция структуры и методов научного познания. Одной из форм такой рефлексии является лексикографическая критика, в рамках которой развиваются два взаимосвязанных направления: а) изучение особенностей конкретных словарей и б) исследование форм и способов лексикографической интерпретации языкового материала.

Первое направление реализуется в виде монорецензий, когда объектом научного анализа является отдельное издание, второе – в форме полирецензий, когда лексикографические издания сравниваются между собой.

Лексикографическая критика как направление сформировалась в Беларуси в 1920-е гг. и была детерминирована не только необходи-

мостью оценить соответствие конкретных методов и принципов составления словарей тем задачам, которые стояли перед лексикографией того времени, но и потребностью прогнозировать появление новых изданий.

Ряд критических публикаций в периодической печати 1920-х гг. посвящён подробному анализу изданий, напечатанных в серии «Белорусская научная терминология». В отдельных рецензиях анализируются переводные русско-белорусские и белорусско-русские словари того времени.

Наиболее значимой особенностью критических работ 1920-х гг. является субъективность интерпретации и личностный подход при оценке изданных словарей. Тем не менее, наличие дискуссионного компонента в общем процессе становления лингвистической науки содействовало стабилизации принципов и приёмов лексикографической деятельности и способствовало повышению качества словарей.

В послевоенный период наблюдается интенсификация лексикографической критики. Это связано не только с увеличением количества словарей, но и с развитием информационно-издательских технологий. По нашим подсчётам, за последние 60 лет в отечественных и зарубежных изданиях появилось более 200 статей, посвящённых вопросам научной критики словарей. В наше время появление абсолютного большинства словарей сопровождается аннотационно-рецензионными отзывами в печати.

В условиях современной технологизации лексикография не может развиваться без широкого использования компьютерных технологий. Важным аспектом изучения сегодня становятся электронные словари, лингвистические базы и банки данных, которые исследуются в рамках корпусной лексикографии.

В белорусском языкознании корпусная лексикография постепенно получает всё большее распространение и теоретическое обоснование. Вопросы теории корпусной лексикографии рассматриваются в работах Л. В. Рычковой и В. К. Щербина, которые исследовали взаимодействие корпусной лингвистики и лексикографии и корпусную терминографию соответственно.

Итогом теоретического осмысления разных проблем корпусной лингвистики является создание языковых корпусов «Корпус языка Янки Купалы» и «Корпус белорусского языка».

Внимание исследователей притягивают вопросы создания компьютерного фонда белорусского языка как сложной информаци-

онной системы комплексной автоматизации лингвистических исследований и разработок, оснащённой лингвистической базой данных и соответствующими программами. В периодической печати определяются перспективы формирования белорусского лингвистического портала, описываются структурные элементы информационной системы «Машинный фонд белорусского языка», содержание и основные возможности «Электронного словаря белорусского языка», демонстрационная версия которого была разработана сотрудниками Института языка и литературы НАН Беларуси в 2007–2008 гг.

Отдельным направлением в корпусной лексикографии является создание конкардансов и тезаурусов. Сегодня в белорусском языкознании существуют конкардансы языка произведений Кузьмы Чёрного и Кондрата Крапивы. Белорусскими учёными разрабатывается методика составления тезауруса газеты «Наша нива», а также ряд частных вопросов компьютерной лингвистики.

Таким образом, в современном белорусском языкознании вполне определён ряд лексикографических проблем, которые требуют теоретического осмысления. Многие из них охватывают историю и методологию лексикографической деятельности и являются преградой для динамического развития белорусского языкознания. Решение этих проблем возможно только посредством дальнейшего развития самостоятельного направления в лингвистической науке – теории лексикографии.

Список литературы

1. Булахов, М. Г. Восточнославянские языковеды: биобиблиографический словарь: в 3 т. Минск : БГУ, 1976–1978.
2. Германовіч, І. К. Беларускія мовазнаўцы: у 2 т. / склад. М. Р. Прыгодзіч, І. С. Роўда. Мінск : БДУ. 2006 2009.
3. Гуліцкі, М. Ф. Гісторыя беларускай лексікаграфіі XIX – пач. XX стст.: дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 1972. – 208 л.
4. Гуліцкі, М. Ф. Нарысы гісторыі беларускай лексікаграфіі

List of literature

1. Bulahov, M. G. Vostochnoslavjanskije jazykovedy: biobibliograficheskij slovar': v 3 t. Minsk : BGU, 1976–1978.
2. Germanovich, I. K. Belaruskija movaznaŭcy: u 2 t. / sklad. M. R. Prygodzich, I. S. Roŭda. Minsk : BDU. 2006 2009.
3. Gulicki, M. F. Gistoryja belaruskaj leksikagrafii XIX – pач. XX stst.: dys. ... kand. filal. navuk. Minsk, 1972. – 208 l.
4. Gulicki, M. F. Narysy gisto-ryi belaruskaj leksikagrafii (XIX – pa-

- (XIX – пачатак XX ст.). Мінск : Выш. шк., 1978. 119 с.
5. Дзятко, Д. В. Да праблемы тыпалагізацыі лінгвістычных слоўнікаў // Сёмыя Танкаўскія чытанні: зб. навук. артыкулаў / рэдкал.: Г. Я.Адамовіч [і інш.]. Мінск: БДПУ, 2010. С. 185–187.
6. Мельников, Г. П. Системная типология языков: принципы, методы, модели. М. : Наука, 2003. 395 с.
7. Мечковская, Н. В. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. М. : Флинта: Наука, 2009. 584 с.
8. Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Благовещенск : БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 1998. 344 с.
9. Судник, М. Р. К истории белорусской лексикографии (XVI–XVII вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1953. 26 с.
10. Шчэрбін, В. К. Гісторыя беларускай лексікаграфіі. Мінск : МДЛУ, 1994. 36 с.
11. Шчэрбін, В. К. Праблема класіфікацыі беларускіх слоўнікаў // Беларуская лінгвістыка. 1987. Вып. 31. С. 43–50.
12. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. СПб. : Санкт-Петербургский ун-т, 2002. Т. 1. С. 54–91.
- chatak XX st.). Minsk : Vysh. shk., 1978. 119 s.
5. Dzjatko, D. V. Da prablemy typalagizacyi lingvistychnyh sloŭnikaŭ // Sjomija Tankaŭskija chytanni: zb. navuk. artykulaŭ / rjedkal.: G. Ja.Adamovich [i insh.]. Minsk: BDPU, 2010. S. 185–187.
6. Mel'nikov, G. P. Sistemnaja tipologija jazykov: principy, metody, modeli. M. : Nauka, 2003. 395 s.
7. Mechkovskaja, N. V. Istorija jazyka i istorija kommunikacii: ot klinopisi do Interneta: kurs lekcij po obshhemu jazykoznaniju. M. : Flinta: Nauka, 2009. 584 s.
8. Polani, M. Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoj filosofii. Blagoveshhensk : BGK im. I.A.Bodujena de Kurtenje, 1998. 344 s.
9. Sudnik, M. R. K istorii beloruskoj leksikografii (XVI–XVII vv.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Minsk, 1953. 26 s.
10. Shchjerbin, V. K. Gistoryja belaruskaj leksikografii. Minsk : MDLU, 1994. 36 s.
11. Shchjerbin, V. K. Prablema klasifikacyi belaruskich sloŭnikaŭ // Belaruskaja lingvistyka. 1987. Vyp. 31. S. 43–50.
12. Shherba, L. V. Opyt obshhej teorii leksikografii // Shherba L. V. Izbrannye raboty po jazykoznaniju i fonetike. SPb. : Sankt-Peterburgskij un-t, 2002. T. 1. S. 54–91.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

УДК 81'42

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ БАРАКА ОБАМЫ)

Н. В. Таценко, Л. С. Кравец

Статья посвящена изучению лексико-семантических особенностей эвфемизмов в англоязычном политическом дискурсе и их применению в речах, поздравлениях, обращениях и нарративах современных политиков, в частности президента США Барака Обамы.

Ключевые слова: политический эвфемизм, политический нарратив, эвфемизация, политический дискурс, политическая коммуникация.

XXI век – время политических изменений и перехода от одних политических режимов в другие. Эти изменения, вызванные рядом социальных и культурных факторов, влекут за собой соответствующие преобразования в языковой системе, которая не остается постоянной и приспосабливается к той общественно-политической реальности, которая царит в среде использования определённого языка.

Важную роль в современной политической среде занимают политические речи, обращения, нарративы, которые направлены на то, чтобы привлечь внимание общественности, заинтересовать и заставить народные массы поддержать ту или иную политическую силу или кандидата. Это в свою очередь свидетельствует о важности построения таких политических текстов, которые будут скрывать суровую реальность и привлекать обещаниями о стабильности, процветании и благополучии. Руководствуясь целью политического лидерства, политики прибегают к употреблению лексических единиц, которые вуалируют неприятные общественные явления и украшают действительность – эвфемизмов.

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения практического применения политических эвфемизмов представи-

телями англоязычных государств в связи с возрастанием роли политической коммуникации, а также отсутствием чётко систематизированного перечня эвфемизмов, присущих политическому дискурсу и лексико-семантического анализа наиболее общеупотребляемых политических субститутов.

В процессе социального взаимодействия люди проявляют различные типы активности; межличностное общение объединяет использование конкретного идиоэтнического языка и физические, психические, когнитивные и другие действия, состояния, процессы, чувства, сопровождается взаимодействием с определенными субъектами. Это сложное сочетание речевого и внеязычного, в пределах которого постоянно находится человек как социальное существо, называют дискурсом. Поскольку термин дискурс используется во многих отраслях научного знания, то он не имеет однозначной трактовки. По нашему мнению, достаточно полное определение дискурса предоставляет Елена Селиванова в терминологической энциклопедии «Сучасна лінгвістика»:

1) связный текст в контексте многочисленных сопутствующих фоновых факторов – онтологических, социокультурных, психологических и т. д.; текст, погруженный в жизнь;

2) замкнутая целостная коммуникативная ситуация (событие), составляющими которой являются коммуниканты и текст как знаковый посредник, обусловленная различными факторами, которые опосредуют общение и понимание (социальными, культурными, этническими и т. д.);

3) стиль, подъязык общения;

4) образец речевого поведения в определенной социальной сфере, имеющий определенный набор переменных [7. С. 119].

Одной из разновидностей дискурса является политический дискурс, который представляет собой совокупность смыслов, когнитивных и ценностных значений, является основой политической культуры общества, охватывает все формы коммуникативной активности человека, его рефлексии относительно политического мира и своей роли в нем, а также культурные артефакты, реализованные в функциональной политической символической [9. С. 104–105].

Это понятие также охватывает институциональные и неинституциональные (лично ориентированные) формы общения, в которых субъект, адресат или содержание общения относятся к сфере политики. Семиотическое пространство политического дискурса ох-

вывает все типы знаков, ориентированных на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний и текстов, набор речевых действий и жанров, специфических для политического общения.

Политический дискурс характеризует коммуникативное своеобразие агента политического действия и содержит систему ограничений, которые накладываются на высказывания в соответствии с определенной социальной или идеологической позицией. Этому дискурсу присущи единство и взаимодействие текста и контекста. Отличие политической коммуникации от других видов общения состоит в преобладании массовых и групповых клиентов над индивидуальными. Гражданин как личность вступает в коммуникацию с политическими институтами довольно редко.

Политическая коммуникация на функциональном уровне имеет три составляющие: формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция), борьба с противниками (агрессия).

Функциональная специфика политического дискурса проявляется в его базовой функции – борьбе за власть. Она предусматривает три типа ограничений: на содержание коммуникации, на типы социальных отношений, в которые могут вступать участники коммуникации, на позиции субъекта коммуникации. Борьба за власть составляет интенциональную базу политического дискурса и определяет его основные функции и способы реализации: осуществление вербальных политических действий и информирование о них, создание «языковой реальности» политического поля и ее интерпретация; выдвижение определенных вопросов в центр общественного внимания как формы контроля за распространением информации и влияния на характер политических действий; воспроизведение прошлого и прогнозирование будущего (последствий выбора определенной политической альтернативы); интеграция и дифференциация групповых агентов политики; легитимизация власти, манипулирование политическим сознанием и контроль действий субъектов политики.

Условием функционирования политического дискурса является язык политики как символизация идентичностей, позиций и статусов. Его особенностью является смысловая неопределенность, которая считается проявлением эзотеричности и актуализируется в приближенности к магии ритуального языка. Языковой контроль

осуществляется с помощью языковых форм и символов рефлексии, абстрагирования, противоречия, с помощью замещения понятий образами. Важной особенностью политических суждений является их неверифицированность, невозможность подтверждения или опровержения их политическим образом. Получая информацию о политической деятельности через групповую и массовую коммуникацию, большинство людей принимает за реальность политические фантазии, которые могут стать реальностью, если будут отвечать установкам и ожиданиям политических актёров. То есть политические суждения являются истинными постольку, поскольку агент, который их выражает, может их осуществить. Это подтверждает особую значимость креативной и магической функций языка.

Различают маркетинговые (PR, политическая реклама, политическое лоббирование) и немаркетинговые (пропаганда, агитация, дискуссии) формы организации политического дискурса. Средством символической репрезентации понятий, которыми оперируют политические актёры, являются дискурсивные символы – языковые знаки, с помощью которых продуцируются символическое значение и смысл.

В основе политической коммуникации лежит дискурс как определённая форма, способ организации коммуникативных практик в том или ином обществе. Политический дискурс можно рассматривать как минимум с трёх точек зрения:

1) собственно филологической – как и любой другой текст; однако «боковым зрением» исследователь смотрит на фон – политические и идеологические концепции;

2) социопсихолингвистической – на основе исследования эффективности для достижения скрытых или очевидных (но, без сомнения, политических) целей коммуникатора;

3) индивидуально-герменевтической – за счет выявления личностных смыслов автора и/или интерпретатора дискурса при определённых обстоятельствах [8. С. 13–15].

Соответственно политический дискурс может быть проанализирован на трех уровнях: филологическом (на основе выявления речевого содержания сообщения), социально-психологическом (через сопоставление сообщений и явлений социальной действительности) и герменевтическом (на основе выделения ключевых идей сообщения, их структурирования и создания на этой почве базы для сопоставления с другими видами дискурса).

Политический дискурс формируется на основе национального языка, который используется политиками, партиями или властными структурами для достижения самых разных целей:

- 1) установления общественного консенсуса;
- 2) принятия и обоснования определенных политических и социально-идеологических стратегий в условиях множественных общественных интересов плюралистического общества;
- 3) поддержания или разрушения «статуса кво»;
- 4) «промывания мозгов», навязывания в массовом сознании той или иной идеологической мысли [4. С. 22].

Политический дискурс актуализируется в таких жанрах, как речь политика, инаугурационное обращение президента, политический документ (указ президента, содержание закона, коммюнике), отчеты правительства в парламенте, утверждение или обсуждение бюджета [4. С. 25].

Как многожанровая разновидность публичной речи, политический дискурс характеризуется целым рядом специфических средств. И суть здесь не только в употреблении специфической детерминированной политической деятельностью лексики, но и в своеобразном выборе и организации определенных структур выражения согласно прагматических установок, целей и условий общения, сложившихся в процессе профессиональной деятельности политиков. Политики осознают необходимость овладения таким стилем речи и нормами литературного языка, которые способны дать высокий коэффициент полезного действия. Любой политик сталкивается с необходимостью правильного расположения, компонования языковых единиц, то есть всего того, что составляет суть и специфику построения речи. В этом аспекте политические эвфемизмы играют важную роль в правильном конструировании политического вещания в соответствии с прагматическими установками коммуникации.

Хотя термин «политический эвфемизм» не является устойчивым, он активно используется в лингвистике. К этому времени в лингвистической литературе насчитывается несколько определений политического эвфемизма, в которых указываются те особенности, которые отличают его от других эвфемизмов: функционирование в текстах политической коммуникации с целью сокрытия неприятных сторон действительности за счет смягчения и искажения значения фактов [10. С. 36–37].

Политические эвфемизмы – это группа эвфемизмов, которые используются в политической коммуникации для замены слов или вы-

ражений, которые считаются табу на определенном историческом этапе развития общества с целью избежать прямой номинации всего, что может вызвать негативную оценку или оскорбить чувства адресата политической коммуникации, а также целенаправленно повлиять на общественное мнение [5. С. 9].

И. Р. Гальперин рассматривает политические эвфемизмы как средство представления аудитории неприятной информации в более деликатной форме, при помощи вуалирования тех моментов, которые могут вызвать общественное возмущение. Согласно его определению, политические эвфемизмы – это уменьшение значения слов с целью ввести в заблуждение общественное мнение и выразить неприятное более тонко [2. С. 119].

К политическим эвфемизмам некоторые лингвисты относят такие лингвальные проявления иносказаний, в которых отражаются социальные взгляды носителей языка, их интенции, вербальные стратегии и т. д. Политические иносказания и эвфемия имеют общие черты, к которым можно отнести социальную детерминированность их образования в языке, бинарное противопоставление параллельных наименований, стремление к «вуалированию» понятийного компонента в семантике слов. Некоторые лингвисты (И. Р. Гальперин, А. М. Кацев) считают, что термин «политический эвфемизм» охватывает названия понятий, которые созданы с целью искажения фактов, в частности, общественно-политических [3. С. 18; 1. С. 58].

Наблюдая структуру эвфемизмов в составе политической терминологии, понятно, что политические эвфемизмы образуются на базе различных национально-отрицательных характеристик денотата, выбор характеристики зависит от прагматической цели. Неоднозначность, неодинаковость значений выражений языка политики объясняется существованием различных идеологий. В случае эвфемизации языковых единиц возможна эмоционально-положительная оценка негативных денотатов.

Основная цель, которая преследуется говорящим при эвфемизации своего вещания в политических и социальных отношениях – это стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта. В современных условиях все большее развитие приобретают самые разнообразные способы и средства эвфемизации, которые касаются социально значимых тем, сферы деятельности человека, его отношений с другими людьми, с обществом, властью [8].

Речевое общение, нацеленное на достижение коммуникативной компетенции, подлежит ряду универсальных законов-постулатов (максим), которые являются принципами кооперации и вежливости. Одной из таких максим есть максима манеры (образа действия), предложенная Дж. П. Грайсом. Основная задача этого постулата состоит в том, что следует высказываться чётко, избегать неоднозначности и непонятных высказываний, быть лаконичным. В прагматическом плане эвфемия связана с нарушением этой максимы способа действия (четкости и ясности изложения) [11. С. 41–42]. Возникает противоречие: с одной стороны эвфемизация способствует улучшению коммуникации благодаря сокрытию того, что может вызвать возмущение адресата, а с другой – употребление эвфемизмов приводит к нарушению обязательных постулатов общения.

Речи политических деятелей, обращённые на интерес избирателей, всегда содержат приемы эвфемизации. Статистика свидетельствует, что чем выше позицию занимает или хочет занять политик, тем чаще он пытается скрыть неприятные и неприемлемые факты и сделать акцент на благополучии и процветании народа.

В частности, одним из таких политических деятелей является президент США Барак Обама, тексты речей которого являются типической средой для политических эвфемизмов в современной лингвистике. Он прибегает к попыткам показать равенство людей как с точки зрения расовой, так и с точки зрения гендерной принадлежности, статуса в обществе или финансового состояния.

В речи по поводу победы на президентских выборах в 2012 году Обама отмечает: «*It doesn't matter whether you're **black** or white or Hispanic or Asian or **Native American** or young or old or rich or poor, abled, **disabled**, gay or straight*»[13].

Политические эвфемизмы *black* и *Native American* входят в число эвфемизмов, которые непосредственно исключают расовую и этническую принадлежность. Эти языковые единицы являются первичными, узуальными и универсальными эвфемизмами. В речи они выполняют вуалирующую и кооперирующую функции. Применяя в речи эти языковые единицы, президент США тем самым подчёркивает многонациональность государства и равенство всех без исключения его граждан.

Очередной эвфемизм, с помощью которого Обама отмечает полиэтничность нации, видим в следующем примере: «*What makes America exceptional are the bonds that hold together the most **diverse***

nation on Earth» [13]. *Diverse nation* – политкорректная номинация, которая служит для обозначения представителей всех национальностей, которые населяют страну (вместо *multi-racial*).

Эвфемизмы *disabled* и *straight* направлены против дискриминации по состоянию здоровья и половым убеждениям. Они используются для обозначения физических и психических качеств людей. По сфере дистрибуции указанные лексические замены относятся к категории общеупотребляемых эвфемизмов, которые глубоко укоренились в сознание общества. Их функция в речи – смягчающая, вуалирующая, дистортивная и конспиративная. Политический деятель отмечает, что каждый гражданин имеет право выбора сексуальной ориентации; подчёркивает, что независимо от состояния здоровья и физических возможностей все люди имеют одинаковые права и обязанности.

В речи «*You'll hear the deep patriotism in the voice of a **military spouse** who's working the phones late at night to make sure that no one who fights for this country ever has to fight for a job or a roof over their head when they come home*» Барак Обама использует эвфемизм *military spouse* во избежание дискриминации по гендерной принадлежности [13]. Согласно классификации В. В. Панина [6. С. 78–79] эта языковая единица относится к группе эвфемизмов, которые созданы с целью повышения статуса женщины в обществе и исключения проявлений сексизма в языке. Указанный эвфемизм выполняет маскировочную и смягчающе-мелиоративную функции.

В речи по поводу победы на президентских выборах 2012 года Барак Обама прибегает к употреблению эвфемизма *to every hill, to every valley*, чтобы показать, какой сложный путь развития прошла Америка, с какими трудностями она сталкивалась, и как их преодолела. Этот эвфемизм, который служит для обозначения экономических подъемов и спадов, был образован путем метафоризации. Данная лексическая замена относится к категории эвфемизмов, которые отвлекают от негативных экономических факторов.

Текст инаугурационной речи нынешнего президента США содержит слова: «*The state of the economy calls for action*» [12]. Это – еще один пример сокрытия и затушевания неприятной реальности путем применения эвфемизмов. С одной стороны, слова не содержат никакого прямого указания на низкий уровень развития экономики, а с другой, если она зовет к действию (*calls for action*), то это означает, что надо принимать меры по ее улучшению.

Спичи Барака Обамы, кроме указанного, содержат еще ряд эвфемистических единиц, благодаря которым выступления президента являются красноречивыми и благодаря чему ему удаётся привлечь внимание избирателей путем манипулирования их сознанием.

Таким образом, большинство политических эвфемизмов Барака Обамы направлены на подчёркивание многонациональности Америки, равенства всех граждан независимо от их доходов, социального статуса, физических недостатков, цвета кожи и этнической принадлежности. Отдельную группу составляют эвфемизмы направленные на сокрытие экономических и финансовых проблем и попыток преодолеть их любыми возможными путями, что является перспективной для нашего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во лит-ры на иностр. языке, 1958. 459 с.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 140 с.
3. Кацев, А. М. Эвфемия в современном английском языке. Опыт социолингвистического описания. Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1977. 20 с.
4. Лук'янець, В. Філософія дискурсу // Вісник НАН УКР. 2002. №12. С. 22–28.
5. Миронина, А. Ю. Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе (на материале публич. выступлений Б. Обамы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2012. 19 с.
6. Панин, В. В. Политическая корректность как культурно-по-

List of literature

1. Gal'perin, I. R. Oчерki po stilistike anglijskogo jazyka. M. : Izd-vo lit-ry na inostr. jazyke, 1958. 459 s.
2. Gal'perin, I. R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M. : Nauka, 1981. 140 s.
3. Kacev, A. M. Jevfemija v sovremennom anglijskom jazyke. Opyt sociolingvisticheskogo opisanija. L. : LGPI im. A. I. Gercena, 1977. 20 s.
4. Luk'janec', V. Filosofija diskursu // Visnik NAN UKR. 2002. №12. С. 22–28.
5. Mironina, A. Ju. Politicheskie jevfemizmy kak sredstvo realizacii strategii ukloenija ot istiny v sovremennom politicheskom diskurse (na materiale publich. vystuplenij B. Obamy) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. N. Novgorod, 2012. 19 s.
6. Panin, V. V. Politicheskaja korrektnost' kak kul'turno-pove-

- веденческая и языковая категория : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 78–79.
7. Селіванова, О. О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія. Полтава : Дозвілля-К, 2006. 716 с.
8. Серажим, К. С. Евфемизация у політичному дискурсі. URL : <http://journalib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1486>
9. Соціологічна енциклопедія. Київ : Академвидав, 2008. 456 с.
10. Фисенко, В. В. Использование эвфемизмов как способ манипуляции в политическом дискурсе // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2010. № 20 (2007). Ч. I. С. 36–41.
11. Grice, P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. N. Y. : Academic Press, 1975. P. 41–58.
12. The New York Times. Barack Obama's Inaugural Address. URL : http://www.nytimes.com/2009/01/20/us/politics/20textobama.html?pagewanted=all&_r=0
13. The New York Times. Transcript of President Obama's Election Night Speech. URL : <http://www.nytimes.com/2012/11/07/us/politics/transcript-of-president-obamas-election-night-peech.html?pagewanted=all>
- dencheskaja i jazykovaja kategorija : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005. S. 78–79.
7. Selivanova, O. O. Suchasna lingvistika : terminologichna enciklopedija. Poltava : Dozvillja-K, 2006. 716 s.
8. Serazhim, K. S. Evfemizacija u politichnomu diskursi. URL : <http://journalib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1486>
9. Sociologichna enciklopedija. Kiev : Akademvidav, 2008. 456 s.
10. Fisenko, V. V. Ispol'zovanie jevfemizmov kak sposob manipuljacii v politicheskom diskurse // Visnik LNU imeni Tarasa Shevchenka. 2010. № 20 (2007). Ch. I. S. 36–41.
11. Grice, P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. N. Y. : Academic Press, 1975. R. 41–58.
12. The New York Times. Barack Obama's Inaugural Address. URL : http://www.nytimes.com/2009/01/20/us/politics/20textobama.html?pagewanted=all&_r=0
13. The New York Times. Transcript of President Obama's Election Night Speech. URL : <http://www.nytimes.com/2012/11/07/us/politics/transcript-of-president-obamas-election-night-peech.html?pagewanted=all>

ЯЗЫК СМИ

УДК 81'42

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СМИ ИМИДЖЕВОЙ СТРАТЕГИИ В СОЗДАНИИ ЛЕГЕНДАРНОГО ОБРАЗА ПРОФЕССОРА-АРХИЕПИСКОПА ЛУКИ (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО) В РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИКЕ

Е. С. Забавникова

В статье рассматривается оригинальное использование СМИ имиджмейкерских приёмов для создания «посмертного имиджа» человека-легенды – архиепископа Луки (профессора-хирурга В. Ф. Войно-Ясенецкого). Автор акцентирует внимание на анализе публикаций о профессоре-архиепископе в российской периодике. Делается вывод о том, что детали, которые применяли журналисты в своих статьях, полностью совпадают с готовыми «клише», которые используют имиджмейкеры для формирования положительного образа политика.

Ключевые слова: архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), имиджевая стратегия, имидж, человек-легенда.

Шумная прижизненная известность после кончины часто завершается полным забвением. Но случается и по-другому. Человек, чье имя при жизни было знакомо лишь узкому кругу, после смерти начинает привлекать внимание последующих поколений. Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, он же архиепископ Лука – доктор медицины, профессор хирургии и видный деятель Русской Православной Церкви – один из тех, чья слава стремительно возрастает, несмотря на давний уход из жизни.

Имя архиепископа Луки, профессора-хирурга Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого (1877–1961 гг.) известно как в России, так и в Европе. Во Франции, Германии, США архиепископа Луку называют современным Пантелеймоном-целителем [3].

Архиепископ Лука умер в разгар «хрущевской оттепели» 10 июня 1961 года. От приказного забвения великого ученого не спас-

ла даже Сталинская премия, полученная в январе 1945 года. О профессоре-архиепископе окончательно «разрешено было вспомнить» только в 1990-е годы [11]. Всеобщий интерес российской публики к жизни и трудам Войно-Ясенецкого нарастает из года в год. Начиная с 1991 года, то есть спустя 30 лет со дня смерти, внимание к личности профессора-архиепископа с особой силой проявилось в Тамбове. Известно, что Владыка Лука в 1944–1946 годах возглавлял Тамбовскую епархию и был главным хирургом всех тамбовских госпиталей [10].

Российская и, в частности, тамбовская периодика с момента перестройки до настоящего времени активно стремиться к тому, чтобы имя архиепископа Луки не было предано забвению. На страницах газет мелькают похожие друг на друга заголовки, которые пытаются отразить уникальность этого человека: «Целитель души и тела: житие и деяния “мужицкого доктора”, архиепископа Луки, в миру В. Ф. Войно-Ясенецкого», «Хирург и богослов», «Врач, исцеляющий сердца, и священник, исцеляющий души», «Два лика Войно-Ясенецкого: архиепископа и хирурга», «Врач Божией милостью», «Крестом и скальпелем», «И священнослужитель, и врач», «Два служения доктора Войно-Ясенецкого», «Звезда науки и святого Православия», «Проповедник и целитель» и др.

Таким образом, у архиепископа Войно-Ясенецкого сформировался так называемый *«посмертный имидж»*. Этот термин предложен нами для определения того своеобразного образа, который создала современная тамбовская и российская периодика. Очевидно, что журналисты не намеренно создавали этот «имидж». Но у архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) таковой, несомненно, существует.

В своем исследовании мы опирались на теорию использования имиджевой стратегии, предложенную М. А. Кирьяшиной в диссертации на соискание ученой степени к. филол. н. «Роль печатных СМИ в создании имиджа регионального политика» (Воронеж, 2005) [5]. В своей работе М. А. Кирьяшина предложила концепцию о возможности применения в имиджмейкинге готовых «клише» – психологических эффектов, действенность которых проверена временем. В качестве тактических средств имиджмейкинга она рассматривает следующие эффекты (приемы):

1) *Эффект «лирического героя».*

В литературоведении принято разделять автора произведения и его героя, даже в случаях, когда повествование ведется от первого

лица. Однако читатели зачастую ошибочно отождествляют главного героя поэмы «Мцыри» и ее автора М. Ю. Лермонтова. Современные политики нечасто используют эффект «лирического героя», хотя его действенность трудно переоценить.

2) *Эффект «закрепления амплуа».*

И. Кобзону как политику во многом помогло его песенное творчество, репертуар, закрепивший за ним амплуа государственного человека, патриота. М. Евдокимову имидж «своего парня», созданный юмористическими монологами «Балагур», «Баня» и др., помог стать губернатором Алтайского края.

3) *Эффект «запретного плода».*

Суть эффекта проста: все, что недоступно или запрещено, становится более притягательным и ценным.

4) *Эффект «опалы» или «венца страдальца».*

Эффект «опалы» в недавней истории проявил себя в том, что, к примеру, ранний Б. Ельцин был весьма популярен в России – противостояние М. Горбачеву и гонения «сделали» его главой государства.

5) *Эффект контраста.*

Данный эффект действует как техника допроса «плохой – хороший следователь». Когда общество устало от руководителей старого типа, появился М. С. Горбачев с идеей Перестройки и нового мышления, сменил его Б. Н. Ельцин и так далее.

6) *Эффект «уравнения с одним неизвестным».*

В период руководства страной И. В. Сталиным некоторые сложные моменты современной партийной истории объяснялись «заветами Ильича», то есть с опорой на непререкаемый авторитет вождя пролетариата [Там же. С. 16–18].

Основываясь на данной концепции, мы провели анализ более 120-ти публикаций в различных газетах, журналах, альманахах и антологиях. Детали, которые применяли авторы в своих статьях о профессоре-архиепископе, полностью совпадают с теми готовыми «клише», которые используют имиджмейкеры для формирования положительного образа политика. Конечно, в настоящее время о Войно-Ясенецком, как о человеке-легенде, написано гораздо больше. Мы использовали лишь тот материал, который был доступен.

Первый – эффект «лирического героя». Им очень хорошо воспользовался Марк Александрович Поповский, когда писал книгу про архиепископа Луку «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого архи-

епископа и хирурга» [8]. На эту книгу написано множество критических работ. Например, в «Учительской газете» (9 апреля, 2002 год) был опубликован критический очерк «Жизнь, ставшая житием. “Антология выстаивания и преображения” пополнилась очередным томом – вышла книга Марка Поповского об архиепископе и хирурге Войно-Ясенецком» [4. С. 18]. Среди тамбовских изданий в газете «Тамбовская жизнь» (14 июля, 2000 год) в рубрике «Духовное наследие» также была опубликована рецензия «Книга о невероятной судьбе» [9. С. 4].

Второй эффект, о котором говорит М. А. Кирьяшина, называется «закрепление ампулы».

В этом случае происходит следующее: авторы работ неоднократно повторяют о двух составляющих личности Войно-Ясенецкого – профессор, доктор медицины и архиепископ. Именно этот «союз науки и веры» способствовал такой широкой популярности Луки. Как уже говорилось выше, даже в заголовках можно увидеть этот образ «человека, спасающего людей крестом и скальпелем» [7. С. 24–25].

Третий эффект «запретного плода».

В настоящее время у государственной власти отношение к Церкви, да и к религии в целом, если можно так сказать, достаточно благосклонное. То, что верующий человек раньше считался позором для развитого социалистического общества, в современном российском государстве уже не имеет силы. Скорее, наоборот, сейчас произошел резкий поворот – Церковь фактически становится государственной структурой, хотя юридически такой реформы еще не произошло. Иными словами, то, что раньше запрещали, стало доступным. Если запрещали говорить о деятельности церковных иерархов, то о них и не писали. А тут «запретный плод» все-таки «сорвали», и теперь журналисты всеми способами пытаются «смаковать» все самое неожиданное, самое «сладкое».

То же произошло и с архиепископом Лукой – запрещали писать о нем как о человеке священного сана. Он был только профессором Войно-Ясенецким – гениальным хирургом и автором нескольких десятков медицинских книг. И вдруг – он еще и архиепископ! Вот она – та самая «сладость запретного плода», а вместе с ней пришла слава «забытого» имени Луки. Также не стоит упускать из виду то, что архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) причислен к лику святых. Это событие тоже сыграло немаловажную роль.

Четвертый – эффект «опалы» или «венца страдальца».

Эти эффекты также очевидны. Доктор медицины, а впоследствии архиерей, за всю свою жизнь, как и многие в то время иерархи, священники и монахи, немало пострадал во время советской власти. Его полноправно можно назвать мучеником, страдальцем: пережить ссылки, тюрьмы, лагеря, физическое и духовное унижение и все-таки не потерять свое истинно человеческое лицо – все это достойно не только уважения, но и почитания. При жизни о нем знали, уважали, помнили. А некоторые очень почитали его не только как великого врача, но и как духоносного старца, талантливого проповедника-публициста, гуманиста, видного церковного деятеля. Словом, архиепископа Луку уважали те, кто имел хотя бы малейшее общение с ним, а именно: прихожане храмов, в которых он служил; сотрудники больниц, научно-исследовательских институтов, госпиталей, в которых он работал; пациенты, которых он возвращал к жизни и др. Только спустя тридцать с лишним лет к нему стала возвращаться та слава, которой он был по всем человеческим показателям достоин еще при жизни. Уже только то, что этот человек перенес все муки советского атеистического режима, возвышает его в глазах читателей.

Эффект *«контраста»* можно, как представляется, соотнести с предыдущими параметрами.

А вот эффект *«уравнения с одним неизвестным»* очень необычен. Архиепископ Лука – видный деятель Церкви. Как известно, написание статей православного характера вызывает у журналистов большие затруднения. Отсюда множество ошибок, которые мы встречаем, в частности, в статьях об архиепископе. Но так как сами читатели в большинстве случаев не разбираются в вопросах религии, эти ошибки остаются незаметными для них. И именно для таких читателей очевиден эффект *«уравнения с одним неизвестным»*. Как правило, журналисты стараются писать свои материалы убедительно, ссылаясь на авторитетные источники. Так происходит и с написанием статей религиозного характера. Но в данном случае, если авторы сами в вопросах религии не очень разбираются, то просто надеются на неграмотность читателя. В результате реципиент вынужден принимать написанное *«на веру»*.

В качестве примера можно привести статью «Святой Лука лечил и душу и тело», опубликованную в газете «Трудовая новь» (г. Рассказово). Автор публикации Андреева В., педагог, прихожанка Иоанно-Богословской церкви, допускает грубую ошибку: она называет Войно-Ясенецкого не Валентином Феликсовичем, а Валенти-

ном Франциевичем [1. С. 3]. Наиболее распространенной ошибкой в статьях об архиепископе является утверждение, будто он стал верующим из-за смерти жены. Вот, например, в тамбовской коммунистической газете «Наш голос», в статье «Обессмертивший имя свое», автор пишет: «Окончательное утешение в религии он (*Войно-Ясенецкий* – Е. З.) находит после смерти жены» [6. С. 3].

Неожиданностью для нашего исследования было то, что образ архиепископа Луки стали использовать даже в рекламных целях. В международном ежемесячнике «Совершенно секретно» в июне 2006 года была опубликована статья «Аппарат “Георгий” для боев в микромире. Его создали военные, чтобы защитить нас от гриппа, язвы желудка и биотерроризма» [2. С. 25]. В статье рассказывается об удивительных бактерицидных свойствах воды, обогащенной ионами серебра, и о не менее удивительном аппарате «Георгий», который разработан отечественными учеными. Автор утверждает, что названное устройство позволяет делать серебряную воду, которая обладает целебными свойствами. Громкое название абсолютно не предполагает упоминание религиозной личности в тексте публикации, хотя слева от заголовка располагается фотография архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). Точнее, это не фотография, а фотоколлаж, где изображен Лука, а под ним подпись «Архиепископ Лука – выдающийся хирург военно-полевой медицины»; внизу изображено *нечто* с подписью «Вирус птичьего гриппа». Сразу возникает вопрос: причем здесь имя Войно-Ясенецкого? Содержание статьи раскрывает основную цель автора: прорекламировать аппарат «Георгий», а архиепископ Лука – это всего лишь необычный фон: во-первых, гениальный хирург, который, как оказалось, коллоидным серебром промывал гнойные раны; во-вторых, архиепископ, а в-третьих, святитель – то есть святой. Очевидно, что в данной статье ярко выражен шестой эффект, предложенный М. А. Кирьяшиной, «*уравнение с одним неизвестным*». Вот яркое проявление использования «посмертного имиджа», и Роман Григорьев – автор вышеуказанной статьи – успешно реализует его для своей рекламной публикации, в которой наибольшая часть посвящена описанию чудесных целительных свойств «серебряной воды», произведенной аппаратом «Георгий».

Таким образом, проведенное исследование показало, что в течение двадцати лет сформировался и продолжает формироваться до настоящего времени своеобразный, уникальный в своем роде, удивительный, положительный образ человека в двух ипостасях –

профессора, доктора медицины, гениального хирурга Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого и архиепископа Луки, великого проповедника, писателя и публициста, философа и богослова. В последнее время добавился еще один элемент, который превращает архиепископа Луку, профессора Войно-Ясенецкого в человека-легенду. Этот элемент – его канонизация.

Список литературы

1. Андреева, В. Святой Лука лечил и душу и тело // Трудовая новь. 2001. 31 марта.
2. Григорьев, Р. Аппарат “Георгий” для боев в микромире. Его создали военные, чтобы защитить нас от гриппа, язвы желудка и биотерроризма // Совершенно секретно. 2006. № 6. Июнь.
3. Мостицкая, Н. Д. Жизнь и творчество архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) как духовный ориентир формирования личности. URL: <http://www.chestisvet.ru/index.php4?id=137>
4. Зорин, А. Жизнь, ставшая житием. «Антология выстаивания и преображения» пополнилась очередным томом – вышла книга Марка Поповского об архиепископе и хирурге Войно-Ясенецком // Учительская газета. 2000. 9 апреля.
5. Кирьяшина, М. А. Роль печатных СМИ в создании имиджа регионального политика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 22 с.
6. Никитин, Л. Обессмертивший имя свое // Наш голос. 2002. 25 апреля.

List of literature

1. Andreeva, V. Svjatoj Luka lechil i dushu i telo // Trudovaja nov'. 2001. 31 marta.
2. Grigor'ev, R. Apparat “Georgij” dlja boev v mikromire. Ego sozdali voennye, chtoby zashhitit' nas ot grippla, jazvy zheludka i bioterrorizma // Sovershenno sekretno. 2006. № 6. Ijun'.
3. Mostickaja, N. D. Zhizn' i tvorcestvo arhiepiskopa Luki (Vojno-Jaseneckogo) kak duhovnyj orientir formirovanija lichnosti. URL: <http://www.chestisvet.ru/index.php4?id=137>
4. Zorin, A. Zhizn', stavshaja zhitiem. «Antologija vystaivanija i preobrazhenija» popolnilas' ocherednym tomom – vyshla kniga Marka Popovskogo ob arhiepiskope i hirurge Vojno-Jaseneckom // Uchitel'skaja gazeta. 2000. 9 aprilja.
5. Kir'jashina, M. A. Rol' pechatnyh SMI v sozdanii imidzha regional'nogo politika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2005. 22 s.
6. Nikitin, L. Obessmertivshij imja svoe // Nash golos. 2002. 25 aprilja.

7. Полозов, А. Крестом и скальпелем. Лауреат Сталинской премии прославлен в лике святых // Русский дом. 2002. № 1.
8. Поповский, М. А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого архиепископа и хирурга. Б. м.: HERMITAGE PUBLISHERS, 1996.
9. Русский, Н. Книга о невероятной судьбе // Тамбовская жизнь. 2000. 14 июля.
10. Чеботарев, С. А. Возрождение Тамбовской епархии. Церковное служение архиепископа Луки в Тамбове (1944–1946 гг.) // Церковь и государство: XX век. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. С. 31–44.
11. Фарбер, Я. И. Очерки истории медицины Тамбовского края. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2001.
7. Polozov, A. Krestom i skal'pelem. Laureat Stalinskoj premii proslavljen v like svjatyh // Russkij dom. 2002. № 1.
8. Popovskij, M. A. Zhizn' i zhitie Vojno-Jaseneckogo arhiepiskopa i hirurga. B. m.: HERMITAGE PUBLISHERS, 1996.
9. Russkij, N. Kniga o neverojatnoj sud'be // Tambovskaja zhizn'. 2000. 14 ijulja.
10. Chebotarev, S. A. Vozrozhdenie Tambovskoj eparhii. Cerkovnoe sluzhenie arhiepiskopa Luki v Tambove (1944–1946 gg.) // Cerkov' i gosudarstvo: XX vek. Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2002. S. 31–44.
11. Farber, Ja. I. Oчерki istorii mediciny Tambovskogo kraja. Tambov: Izd-vo TGTU, 2001.

УДК 81'33

**АТРИБУТИВНЫЕ ФОРМЫ СУБСТАНДАРТНЫХ ГЛАГОЛОВ,
РЕПРЕЗЕНТИРОВАННЫЕ В ЯЗЫКЕ
СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЫ**

Е. Г. Тонкова

Статья посвящена анализу атрибутивных форм субстандартных глаголов, представленных в языке российских печатных СМИ. В газетных и журнальных публикациях арготические, жаргонные и просторечные лексемы всё чаще приобретают статус общеупотребительных слов, в том числе из-за появления у них тех грамматических форм, которые присущи словам языкового стандарта.

Ключевые слова: пресса, языковой стандарт (литературный язык), субстандарт, атрибутивные формы глагола.

Сегодня появление субстандартных (внелитературных) лексем на страницах газет и журналов стало уже привычным. По утверждению исследователей, наиболее активно используются журналистами слова и фразеологизмы из арготического жаргона и просторечия. Столь высокая популярность молодёжных жаргонизмов, арготизмов и просторечных единиц в современной публицистике во многом объясняется их колоритным характером и выразительным потенциалом. Однако стремление журналистов достичь яркости и образности речи только за счёт экспрессивности субстандартной лексики далеко не так безобидно, как кажется на первый взгляд. Неумеренное, а иногда и неоправданное использование ненормативных единиц в публичной речи оказывает отрицательное влияние на формирование речевого сознания молодёжи, на языковую культуру русскоязычного этноса в целом.

Однако, несмотря на вышесказанное, нельзя сводить изучение составных компонентов речевого субстандарта только к негативной оценке их влияния на современный русский литературный язык. Не нужно забывать и о том, что русский языковой стандарт находится в постоянном взаимодействии с просторечием и социальными диалектами, и именно за счёт субстандартных лексем во многом обогащается и обновляется литературный канон. В наши дни процесс

такого обновления протекает чрезвычайно активно. Поэтому изучение социальных диалектов (социолектов) и просторечия очень важно в лингвокультурологическом плане, и вести его нужно серьёзно и объективно.

В свете вышеупомянутого необходимо охарактеризовать такое малоизученное явление, как функционирование субстандартных причастий и деепричастий в языке современной прессы. Заметим, что обращение к этому лингвистическому феномену имеет обоснование: ранее нами констатировался тот факт, что в русском арго и молодёжном жаргоне, бытующих преимущественно в устной форме, названные особые глагольные формы встречаются достаточно редко, поскольку они являются, главным образом, атрибутом письменной книжной речи [6]. Носители арго и молодёжного сленга всегда стремятся максимально упростить свою речь, и эта особенность неизбежно отражается и в лексиконе асоциальных элементов, и в словарном запасе молодых людей.

Так, нами обнаружены следующие особенности функционирования причастий и деепричастий в русском арго: во-первых, в речи деклассированных достаточно распространены лишь полные страдательные причастия прошедшего времени. Например: *зафуфыренный* – ‘выпитый’, *кинутый* – ‘обманутый’, *отмытый* – ‘оправданный’, *ошкуранный* – ‘обыгранный в карты’, *разначенный* – ‘открытый’ и т. п. Среди них многие лексемы омонимичны причастиям литературного языка. Краткие страдательные причастия в арго встречаются очень редко, например: *забухан* – ‘пьян’, *испорчен* – ‘знает шулерские приёмы’, *наблатыкан* – ‘научен говорить на арго’, *обколот* – ‘находящийся в состоянии наркотического опьянения’, *отмотан* – ‘отбыт в местах лишения свободы’ и т. п. Во-вторых, малоупотребительны в арго и действительные причастия настоящего времени: *кроющий* – ‘берущий дань с коммерсантов’, *невъезжающий* – ‘непонимающий’, *откидывающийся* – ‘освобождающийся’, *чалющийся* – ‘находящийся в местах лишения свободы’, *шарящий* – ‘понимающий’ и др., а также действительные причастия прошедшего времени, например: *забуревший* – ‘загордившийся’, *завязавший*, *отошедший* – ‘прекративший совершать противоправные действия’, *наехавший* – ‘предъявивший претензии, сопровождаемые насилием и угрозами’, *обдолбившийся* – ‘находящийся в состоянии сильного наркотического опьянения’ и т. п. В-третьих, в арго не встречаются страдательные причастия настоящего времени. Необходимо отме-

тить, что словоизменение причастий-арготизмов не отличается от словоизменения причастий языкового стандарта.

Кроме того, в арго крайне редко встречается другая особая форма глагола – деепричастие. Употребление деепричастий несовершенного и совершенного вида, как правило, носит окказиональный характер (необходимо подчеркнуть, что иногда деепричастия-арготизмы омонимичны деепричастиям литературного языка), например: *Мы бежали с тобою, **замочив** вертухая./ Мы бежали на волю, покати нас шаром...* [5. С. 244] (от *замочить* – ‘убить’); *Обломов гипнотизера, он сначала хотел покинуть заведение, но передумал, на пути к выходу обнаружив двери в административную часть казино* [3. С. 40] (от *обломать* – ‘обмануть’); *Или умышленно не обращали внимания на такие “мелочи”, **ширяя** толпу вновь прибывших одним и тем же шприцом, извлечённым из давно не меняемого раствора “дезинфектора”* [4. С. 220] (от *ширять* – ‘делать инъекции’). Добавим, что всем рассмотренным здесь примерам присуща своеобразная эстетика – «эстетика нового, необычного, яркого, сильнодействующего, но достигается она за счёт эмоциональной аффектации, подчёркнуто вульгарной и циничной образности, а также за счёт негативного воздействия на объект с насилием, оскорблением, унижением слабого или издевательской насмешкой» [7. С. 32–33]. Столь агрессивная лексика, вне всякого сомнения, оказывает негативное влияние на человеческое сознание.

В молодёжном жаргоне причастия встречаются ещё реже. См., напр.: *К тому же Швейк – тролль высшего класса, **косящий** под дурачка* [Молодёжная жизнь в Марий Эл 2012, № 8] (*косящий* – ‘подделывающийся, играющий роль, подражающий кому-либо’); *Что интересно, бурю аплодисментов срывали не высокорослые красавицы-модели, а харизматичные молодые парни, **зажигаящие** зрителей смелыми танцами* [Марийская правда 2011, № 181] (*зажигаящий* – ‘веселящий, развлекающий’). Деепричастия в известных нам словарях молодёжного сленга вообще не зафиксированы.

В просторечии также практически не используются причастные и деепричастные обороты, поскольку конструкции с ними характерны для речи людей, владеющих нормами кодифицированного языка [2. С. 85–86].

Однако то малое количество причастий и деепричастий, которое реально функционирует в рассматриваемых нами некодифицированных языковых подсистемах, в последние годы стало стремитель-

но пополняться благодаря словотворчеству журналистов. На страницах газет и журналов постоянно появляются новые (часто окказиональные) атрибутивные глагольные формы, созданные на базе жаргонно-просторечной лексики.

Не так давно носителей русской литературной речи возмущало частое употребление арготического глагола *крышевать* – ‘брать кого-либо, что-либо под “крышу” (защиту)’ в публицистических текстах. Однако со временем это слово заполнило лагуну, существовавшую в разговорной разновидности литературного языка, и прочно закрепилось как в языке СМИ, так и в речи обывателей. См., например: *Наверх докладывали, будто УБОПы сами стали криминализованными структурами. Да, где-то стали, где-то **крышевали**, даже убивали* [Комсомольская правда 2010, № 47-т]; *Мы с вами помним уличную шпану, бандюков, вылезших из всех щелей. Они **крышевали**, рэкетировали* [Комсомольская правда 2010, № 49-т]. Сейчас же в прессе всё чаще появляются атрибутивные формы, образованные от основы данного глагола. В частности, нами зафиксированы действительное причастие настоящего времени *крышующий*: *Получается, что работающий достоин презрения. Что бал правят вот такие – пусть на побегушках у многократно судимого и посаженного урки, **крышующие** мелких торговцев или промышляющие продажей героина в розницу, но зато – при деньгах!* [Марийская правда 2009, № 226]; *Вам это ничего не напоминает? Ну конечно же, типичные сценки из российской жизни лихих 90-х. Местные феодалы, захватившие лесные и охотничьи угодья... Подкупленная власть, **крышующая** этих мини-олигархов...* [Комсомольская правда 2009, № 119-т/33]; действительное причастие прошедшего времени *крышевавший*: *Таким образом, дело о прокурорах, **крышевавших** подпольные казино, все же пока остается единственной высказанной версией самоубийства* [Российская газета 2011, № 146]; *«Это была бытовуха! Тальков должен был завершать концерт. А охранник певицы Азизы – бандит не с одной судимостью, вооруженный, хотя ему было запрещено иметь оружие, **крышевавший**, по слухам, гостиницы, в общем, серьёзный малый – сказал, что последней будет петь Азиза...»* [Комсомольская правда 2011, № 40-т]; страдательное причастие настоящего времени *крышваемый*: *Кстати, речь в том случае шла о заказном наезде на конкурентов коммерсантов, **крышуемых** организованной преступной группировкой «Новоюжка»...* [Комсомольская правда Чувашия – Марий Эл 2006, № 79-т].

Безусловно, появление форм причастия у глагола-арготизма – весьма интересное грамматическое явление, свидетельствующее о динамизме языка. Но, с другой стороны, чем чаще такие словоформы появляются в СМИ, тем больше читатели привыкают к ним. Законопослушные россияне начинают воспринимать их как нейтральную лексику, не замечают агрессии и негативного эмоционального заряда, которые они несут с собой. В результате складывается необычная ситуация: «арготизмы не поднимаются с низов, а спускаются сверху, находя, так сказать, живой отклик в народе» [1. С. 124]. Подтверждением этой мысли может служить такой пример: в июле 2008 года Президент России Д. Медведев попросил правоохранительные структуры и властные органы перестать «*кошмарить*» бизнес. В результате случайно употреблённое словосочетание *кошмарить бизнес* моментально стало фразеологизмом, часто цитируемым в прессе, а у арготического глагола *кошмарить* уже появилась форма действительного причастия настоящего времени *кошмарящий*: *Развиваться ему мешает армия чиновников, «кошмарящих», по выражению президента Дмитрия Медведева, людей дела* [Марийская правда 2010, № 210].

На наш взгляд, сегодня происходит своеобразная популяризация субстандартных причастий и деепричастий в языке прессы. Журналисты как будто нарочито игнорируют вульгарность, инвективность и цинизм подобных словоформ, придавая им оттенок литературности. Как следствие, в газетных статьях постоянно появляются экспрессивные атрибутивные формы глагола, явно нарушающие кодифицированные нормы словоупотребления. Примечательно, что отображают они не только будни асоциальных элементов и разного рода маргиналов, но и эпизоды из жизни обычных законопослушных граждан. Так, нами обнаружены два действительных причастия настоящего времени, ранее не фиксировавшиеся в словарях субстандартной лексики: *Оказалось, что [он – Е.Т.] хорошо знаком с сыном водителя чиновницы. Причем оба – наркоманы, крепко «сидящие» на метадоне* [Российская газета 2011, № 230] (от арг. глаг. *сидеть* (на чём-л.) – ‘употреблять наркотики’); *Понаблюдав издаലെка ещё пару похожих персонажей, мы пришли к выводу, что абсолютное большинство «одиночек», сидящих на уличных лавках, также ждут остервенело «шопингующих» жен* [Комсомольская правда 2011, № 39-г] (от жарг. глаг. *шопинговать* – ‘ходить по магазинам, делать покупки’).

Прежде нам не встречались и следующие действительные причастия прошедшего времени: *В Москве ребенок выжил, и забившие на сосульки крышевладельцы скорее всего отделаются штрафом и испугом* [Российская газета 2011, № 10] (от жарг. глаг. *забить* – ‘не совершать каких-либо действий’); *Им оказался 27-летний йошкаролинец, подсевший на наркотики год назад* [Марийская правда 2011, № 203] (от арг. глаг. *подсесть* – ‘приобрести наркотическую зависимость’); *Только потом он попал в «Беспечного ездока» – фильм, который снял сидевший на наркотиках Деннис Хоппер и который внезапно стал одной из главных сенсаций конца 60-х* [Комсомольская правда 2012, № 16-т]; – *Откуда вы взяли мой телефон? – строго спросила она, словно опер спалившегося щипача* [Комсомольская правда 2011, № 11-т] (от арг. глаг. *спалиться* – ‘попасться на месте преступления’); *Ему, в свое время отмотавшему срок за валютные махинации, приходилось не раз самоутверждаться на зоне* [Коллекция «Караван историй» 2011, № 5]; *А у нас в нашем случае – простая русская баба, отмотавшая срок за наркотики, польстившаяся на вознаграждение в два миллиона* [Комсомольская правда 2012, № 13-т] (от арг. глаг. *отмотать* – ‘отбыть наказание в виде лишения свободы’).

Крайне оригинально выглядит единственное обнаруженное нами страдательное причастие настоящего времени: *Совсем не обязательно, прежде чем попросить выпить, исполнять с «разводимым» на деньги туристом всю программу чемпионата балльных танцев* [Комсомольская правда 2011, № 40-т]. Оно образовано от основы арготического глагола *разводить* – ‘обманывать’. Напомним, что в социальных диалектах и просторечии данная форма причастий не встречается. Окказиональные страдательные причастия прошедшего времени в языке прессы нами не найдены. Те словоформы, что используются журналистами в публикациях, в социолектах и просторечии носят узуальный характер: *На прошлой неделе было совершено покушение на легенду воровского и криминального мира – коронованного в советские годы на зоне «вора в законе» Япончика (настоящая фамилия Иваньков)* [Комсомольская правда 2009, № 118-т/32] (от арг. глаг. *короновать* – ‘присуждать на сходке профессиональных преступников звание «вора в законе»’); *Облапошенные иностранцы научились классифицировать наших мошенниц* [Комсомольская правда 2011, № 48-т] (от арг. и прост. глаг. *облапошить* – ‘обмануть’]. Интересно, что субстандартные

краткие страдательные причастия в публицистике совершенно не популярны. Единичный пример, который можно привести в данной статье, создан на базе просторечного глагола-эвфемизма – ‘обругать, чтобы не приставал, отвязался’ и омонимичен литературному причастию *послан*: *Думаете, после этого аферистка была послана далеко и надолго?* [Комсомольская правда 2011, № 48-т].

Особый интерес вызывают зафиксированные нами деепричастия несовершенного и совершенного вида, образованные от основ не-литературных глаголов. Их участвовавшее появление на страницах газет свидетельствует в первую очередь о том, что аномативная лексика в целом функционирует на основе русской общенациональной грамматики, а не только субстандартной. В то же время, по нашему мнению, возникновение подобных форм – это доказательство того, что арготические, жаргонные и просторечные речевые элементы стараниями журналистов всё чаще обретают положение нормативных языковых средств. И хотя отдельные представители прессы иногда заключают подобные словоформы в кавычки, информируя читателей об их нелитературности, это не спасает положения в целом: в стандартный язык проникают коммуникативно нецелесообразные, случайные единицы. См., например: *А алжирские гопники тем временем, смеясь и «ботая» на своем языке, взяли пару пузырей красного и терпеливо поджидали нас возле двери на улице* [Комсомольская правда 2010, № 50-т] (от арг. глаг. *ботать* – ‘говорить на арготическом’); *Возможно, модное возрождение в новом формате традиций старорусских буржуа, когда богачи окружают себя представителями творческих профессий, не только отжигая с ними на тусовках, подкидывая денег и продвигая «в телевизор», но давая возможность пробиться талантам, не такой уж плохой тренд* [Комсомольская правда 2011, № 41-т] (от жарг. глаг. *отжигать* – ‘активно отдыхать, веселиться, танцевать на вечеринке’); *Лоханувишись с моделью, вторую сотню я решила растянуть на подольше* [Комсомольская правда 2010, № 39-т] (от арг. глаг. *лохануться* – ‘повести себя глупо, неправильно, упустить шанс’); *То одни работники турбизнеса подставляют других, настучав в полицию об отсутствии рабочей визы* [Комсомольская правда 2011, № 41-т] (от арг. глаг. *настучать* – ‘донести на кого-либо’); *Видимо, эта тактика была верной, потому что, промурыжив нас ещё с полчаса, полисмен плюнул и распорядился отвезти нас в отель, чью законную территорию мы нарушили* [Комсомольская правда 2011,

№ 40-г] (от прост. глаг. *промурыжить* – ‘намеренно заставить долго ждать’); «*Сливая*» же информацию через «Снежану Денисовну», вероятно, кто-то из сотрудников правоохранительных органов снова может попасть под проверку законности своих действий [PRO Город Йошкар-Ола 2012, № 26] (от жарг. глаг. *сливать* – ‘тайно сообщать какие-либо сведения заинтересованным лицам, распространять ложную, порочащую или секретную информацию’).

Таким образом, рассмотренный нами материал подтверждает мысль о том, что в языке печатных СМИ нелитературные лексемы всё чаще приобретают статус общеупотребительных слов, в том числе и за счёт появления у них тех грамматических форм, которые присущи словам литературного языка. Это весьма интересное явление с точки зрения изучения морфологических особенностей русского речевого субстандарта. Однако ещё раз подчеркнём, что частое и необдуманное использование субстандартной лексики в СМИ не только способствует её проникновению в литературный язык, но и влечёт за собой нарушение этической нормы. Поэтому в наши дни всё чаще звучит мысль о том, что свобода слова не должна превращаться в журналистское своеволие. На наш взгляд, представители «четвертой власти» должны выработать чёткую, конкретную позицию в отношении целесообразности функционирования в языковом стандарте тех субстандартных единиц, которые не привносят ничего нового в смысловом, стилистическом и других отношениях.

Список литературы

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов. М. : Логос, 2001. 304 с.
2. Земская, Е. А. Наблюдения над просторечной морфологией / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская // Городское просторечие: проблемы изучения : сб. ст. М. : Наука, 1984. С. 66–102.
3. Колычев, В. Г. Не жди меня, мама, хорошего сына. М. : Эксмо, 2009. 320 с.

List of literature

1. Valgina, N. S. Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke: ucheb. posobie dlja studentov vuzov. M. : Logos, 2001. 304 s.
2. Zemskaja, E. A. Nabljudenija nad prostorečnoj morfologiej / E. A. Zemskaja, M. V. Kitajgorodskaja // Gorodskoe prostorechie: problemy izuchenija : sb. st. M. : Nauka, 1984. S. 66–102.
3. Kolychev, V. G. Ne zhdi menja, mama, horoshego syna. M. : Jeksmo, 2009. 320 s.

4. Седов, Б. К. «Матросская тишина». Бои без правил. СПб. : Нева, 2004. 384 с.
  5. Сидоров, А. А. Воры против сук. Подлинная история воровского братства. 1941–1991 гг. М. : Эксмо, 2005. 384 с.
  6. Тонкова, Е. Г. Морфологические особенности речевого субстандарта (на материале русского арго): дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007. 244 с.
  7. Химик, В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000. 272 с.
4. Sedov, B. K. «Matrosskaja tishina». Boi bez pravil. SPb. : Neva, 2004. 384 s.
  5. Sidorov, A. A. Vory protiv suk. Podlinnaja istorija vorovskogo bratstva. 1941–1991 gg. M. : Jeksmo, 2005. 384 s.
  6. Tonkova, E. G. Morfoloģicheskie osobennosti rečevogo substandarta (na materiale russkogo argo): dis. ... kand. filol. nauk. N. Novgorod, 2007. 244 s.
  7. Himik, V. V. Pojetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyj fenomen. SPb., 2000. 272 s.

УДК 81'33

**«ТОЛСТЫЕ» ЖУРНАЛЫ И ЧИТАТЕЛЬСКАЯ АУДИТОРИЯ:
ИЗМЕНЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ**

Н. В. Шевцова

В статье рассматривается проблема осваивания «толстыми» журналами новых способов коммуникации с читателем, выясняется, как изменился статус интеллигенции, на которую ориентируются эти издания.

Ключевые слова: коммуникация, «толстый» журнал, интеллигенция, культурная элита.

Основной аудиторией «толстых» журналов всегда являлась интеллигенция, а они в свою очередь выступали сферой проявления её самосознания. В настоящее время у «толстых» журналов складываются достаточно непростые взаимоотношения с читателем, на что влияют финансовая составляющая, изменение статуса литературы, коммуникативные модели, избираемые редакторами этих изданий со стажем. «Толстые» журналы в провинции сегодня читают представители советской интеллигенции: врачи, учителя, инженеры, а в столицах – профессионалы: филологи, литераторы.

В 1990–2000-х годах на страницах «толстяков» и других изданий развернулась дискуссия об интеллигенции, которая вписалась в контекст разговора о гибели «толстых» журналов, конце литературы и критики. Эти вопросы подробно анализирует в своей кандидатской диссертации критик В. Пустовая [4]. Она отмечает, что активизация полемики об интеллигенции коренится в проблеме общественного самоопределения, обострившейся в России в постперестроечное время. Пережив за прошедший XX век двойной слом государственной системы, наше общество было поставлено перед необходимостью заново выяснять основы своего существования. Одним из центральных вопросов, потребовавших обновлённых решений, оказался вопрос об интеллигенции – её существовании и исторической роли, социальном авторитете и судьбе в новом веке.

От фиксации кризиса интеллигенции участники дискуссии переходят к определению самого понятия этой прослойки общества.

Они подчеркивают исчерпанность исторической роли и системы ценностей отечественной интеллигенции и предпринимают попытки создать проект «культурной элиты, или духовной аристократии» (выражение философа первой половины XX века Г. Федотова) [6]. В рамках самоопределения интеллигенции происходит смена задач: политическая борьба заменяется культурным творчеством, слияние с народным целым – дистанцированием от масс, пафос жертвы – пафосом утверждения своей значимости, принцип социальной ангажированности – принципом независимости. В современных условиях народническая миссия просветительства, пропаганды культуры сменяется задачей создания пространства культуры для немногих, а «этика самоуничужения» интеллигенции – «новой этикой» утверждения её «достоинства». В. Пустовая заключает, что пресловутый кризис интеллигенции в России обозначает только изменение ценностных ориентиров интеллигентского самосознания [4], соответственно кризис «толстых» журналов может рассматриваться как формирование особой ниши, что предполагает обслуживание культурной элиты.

Следует отметить, что поиск новых путей взаимодействия с читателем крайне волнует нынешних главных редакторов и литературных критиков. Многие из них высказывают мысль о том, что читателя вовсе нет – ни внутри литературного цеха, ни вне его. С. Чупринин свою статью «Нулевые годы: ориентация на местности» («Знамя», 2003, № 1) начинает с заявления о том, что русскую литературу разлюбили, а в споре физиков и лириков победили бухгалтеры [7]. Через год («Знамя», 2004, № 1) его выводы становятся более удручающими, он размышляет о «катастрофе национального масштаба» в виде орды пишущих стихи по-русски – таковых в стране насчитывается от 15 до 100 тысяч человек. «Стране, её культуре не нужны ни четырнадцать тысяч, ни уж тем более сто тысяч поэтов. Таковую уйму стихов нельзя прочесть. В таких завалах нельзя ответственно разобрататься», – говорит Чупринин, имея в виду, что читателей у этих стихов не будет никогда [8].

Аналогичное мнение высказывает Алексей Алёхин, автор статьи «Поэт без читателя» («Арион», 2006, № 3): «Стихов нынче не читают. С этого неутешительного факта мне приходится начинать уже третьи заметки» [1].

Тем не менее, читатель никуда не исчез, он изменил облик. Для литературного критика В. Козлова главная проблема заключается в

устаревших издательских коммуникативных схемах. В своей статье «Читатель жив – и он обязывает. Рефлексии о толстых журналах» («Вопросы литературы», 2011, № 2) он настаивает на том, что журналам необходимо подкорректировать представление о своей аудитории и заново научиться работать с нею, превратив общение с читателем в перманентный процесс [3].

Очевидным на сегодняшний день является также то, что портрет нового читателя определяется Интернетом. С одной стороны, это незыскательный «человек кликающий», а с другой, – чрезвычайно требовательный реципиент. Это касается не только «толстых» журналов, но и медиaprостранства вообще. Как считает директор Deutsches Digital Institut Berlin и создатель журнала «Medienpsychologie» Йо Гребель, в ходе цифровой революции коммуникативная модель «немногие – многим», предполагающая обращение немногих трансляторов к многочисленным реципиентам, прошла стадию «многие – многим» и, похоже, надолго превратилась в «многие – немногим» [5]. Получается, что так называемое «отсутствие читателя» – это не знак того, что люди отворачиваются от литературы, это – *естественная исходная среда*, в которой ничто не свидетельствует о том, что среди «многих» нужен ещё хотя бы один. Любое издание, которое стремится завоевать читательскую симпатию, обязано понимать, что оно – среди «многих», а потому его долг – находить эффективные способы донести свою миссию до немногих.

Вопреки сложившимся обстоятельствам «толстые» журналы по инерции, ментально работают в коммуникативной ситуации, когда немногие вещают многим. В отдельных случаях (это касается, прежде всего, провинциальных библиотек) эта коммуникативная модель продолжает работать. На деле же «толстые» журналы просто не хотят сориентироваться на своей аудитории и находятся в состоянии системного кризиса.

Критик Л. Данилкин в книге «Нумерация с хвоста. Путеводитель по русской литературе» (2009) пишет о том, что в русской прозе примерно с 2008 года работает теория «длинного хвоста» (термин американского предпринимателя Криса Андерсона, автора одноименной книги). Согласно этой теории, экономика, основанная на продаже хитов и бестселлеров, перестаёт работать – ей на смену приходит экономика нишевых продуктов. «Мы движемся не к абсолютной унификации, как предсказывали многие пророки, а, наоборот, к феноменальному разнообразию, – пишет Л. Данилкин. – Эра

массовой культуры, культуры блокбастеров, медленно, но теперь уже неизбежно заканчивается; мы вступаем в мир параллельных друг другу, «нишевых» микрокультур» [2].

В. Козлов допускает, что надежда на возвращение массового читателя оправдается, если появится «поистине народный писатель» (таковым мог бы стать, например, поэт Б. Рыжий, о котором высоко отзывался С. Чупринин). Однако самой вакансии народного поэта больше не существует, поскольку нет иерархии, которая объединяла бы сколько-нибудь значительную аудиторию. По мнению В. Козлова, «если бороться за потенциально народных героев, сегодня нужно быть готовым заниматься проектами типа “Фабрики звезд”, предполагающими создание индустрии, работающей на статус “народного”» [3].

В. Козлов утверждает, что литература, которой занимаются «толстые» журналы, – *принципиально ненародное дело*. Ощущение достоинства и правильности выбранного занятия не должно зависеть от количества людей, стоящих у тебя за спиной. Представлять интересы меньшинства не унизительно. Если принять это утверждение, тираж в четыре тысячи экземпляров уже не кажется смешным, а напротив, – очень достойным.

Идея разнообразия, предстающая нередко как беспринципная, абсолютно не подходит изданию, работающему со «штучным» читателем, который нуждается во внятной картине литературного мира. Он подписывается не на новую разнообразную литературу (её в избытке предоставляет Интернет), а на «определенным образом понимаемое качество» [3]. Будущее «толстых» журналов предполагает устойчивый курс на *размежевание*.

«Толстякам» необходимо искать новые форматы коммуникации с внешней средой. В. Козлов называет две группы потенциальных партнеров, сотрудничество с которыми могло бы дать журналам важные конкурентные преимущества, – это *издатели* и *университеты*.

Продуктивные примеры работы «толстых» журналов с издательствами уже есть. То обстоятельство, что серию «Поэтическая библиотека», выпускаемую издательствами «Мир энциклопедий Аванта+» и «Астрель», составляет редакция журнала «Арион», делает её одной из сильнейших на сегодняшний день. В западных странах журналы, подобные «толстякам», встроены в работу крупных издательств, для которых журнал – экспериментальная и рефлексивная площадка. В России единственным случаем реализации этой модели в полной мере является издательство «Новое литературное обозре-

ние», выпускающее одноименный журнал. Одним из стратегических плюсов работы данной модели является устранение конкуренции за прозаиков, которые публикуют крупную прозу, минуя «толстые» журналы или печатают в них только рассказы.

Привлекательность развития партнёрских отношений с университетами состоит в том, что научное сообщество к концу 2000-х годов вернулось в публичное пространство в качестве достойного участника всех ключевых дискуссий, идущих в стране. Более того, в разработке ряда тем оно занимает наиболее активную из всех сторон позицию. Общим полем деятельности «толстого» журнала и науки выступает критическая аналитика. Целый ряд известных действующих критиков вышли из числа учёных – как правило, литературоведов. Этот факт весьма существенен для развития партнёрских отношений с университетами, которые сегодня настроены на то, чтобы выпускать востребованных специалистов. В этой ситуации необходимы совместные проекты, вовлекающие молодых ученых в современный литературный процесс.

Думается, что правильная оценка современной коммуникативной ситуации поможет «толстым» журналам не замыкаться на своей территории, не заслонять мир литературы от прочего культурного пространства.

Список литературы

1. Алехин, А. Поэт без читателя // *Арион*. 2006. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2006/3/aa25.html>
2. Данилкин, Л. Нумерация с хвоста. Путеводитель по русской литературе. М., 2009. URL : <http://lib.rus.ec/b/180093/read>
3. Козлов, В. Читатель жив – и он обязывает. Рефлексии о толстых журналах // *Вопросы литературы*. 2011. № 2. URL : <http://magazines.russ.ru:81/voplit/2011/2/ko4.html>
4. Пустовая, В. Дискуссия об интеллигенции в литературных журналах постсоветской эпо-

List of literature

1. Alehin, A. Pojet bez chitatelja // *Arion*. 2006. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2006/3/aa25.html>
2. Danilkin, L. Numeracija s hvosta. Putevoditel' po russkoj literature. M., 2009. URL : <http://lib.rus.ec/b/180093/read>
3. Kozlov, V. Chitatel' zhiv – i on objazyvaet. Refleksii o tolstyh zhurnalah // *Voprosy literatury*. 2011. № 2. URL : <http://magazines.russ.ru:81/voplit/2011/2/ko4.html>
4. Pustovaja, V. Diskussija ob intelligencii v literaturnyh zhurnalah postsovetskoj jepohi:

- хи: логика трансформации понятия: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2008. URL: <http://www.dissercat.com/content/diskussiya-ob-intelligentsii-v-literaturnykh-zhurnalakh-postsovetskoi-epokhi-logika-transfor>
5. Сумленный, С. Профессор Гребель препарирует интернет с немецкой педантичностью // Эксперт. 2010. № 30–31 (715). URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/31/interview_vechcerunka_v_facebooke/
6. Федотов, Г. Создание элиты // Федотов, Г. Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 2. СПб. : София, 1991. С 211.
7. Чупринин, С. Нулевые годы: ориентация на местности // Знамя. 2003. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/1/chupr.htm>
8. Чупринин, С. Высокая (ли) болезнь // Знамя. 2004. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/1/chu11.html>
- logika transformacii ponjatija: avtoref. ... kand. filol. nauk. M., 2008. URL: <http://www.dissercat.com/content/diskussiya-ob-intelligentsii-v-literaturnykh-zhurnalakh-postsovetskoi-epokhi-logika-transfor>
5. Sumlennyj, S. Profesor Grebel' prepariruet internet s nemeckoj pedantichnost'ju // Jekspert. 2010. № 30–31 (715). URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/31/interview_vechcerunka_v_facebooke/
6. Fedotov, G. Sozdanie jelity // Fedotov, G. Sud'ba i grehi Rossii: v 2 t. T. 2. SPb. : Sofija, 1991. S 211.
7. Chuprinin, S. Nulevye gody: orientacija na mestnosti // Znamja. 2003. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/1/chupr.htm>
8. Chuprinin, S. Vysokaja (li) bolezni' // Znamja. 2004. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/1/chu11.html>

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

УДК 811

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ «ЧАСТЬ ТЕЛА»

Ю. С. Бондаренко, М. В. Пономаренко

Статья посвящена анализу фразеологических единиц с компонентом «часть тела» в немецком языке. Особое внимание уделяется коннотативным значениям фразеологизмов-соматизмов. В статье рассматривается классификация фразеологизмов с компонентом «часть тела». Доказывается, что большую часть фразеологизмов немецкого языка составляют фразеологизмы-соматизмы.

Ключевые слова: фразеологизмы-соматизмы, фразеологические единства, фразеологические выражения, фразеологические сочетания.

Фразеология каждого языка – это сокровищница всего народа, которая содержит множество информации об истории, традициях, обычаях, быте, идеалах, убеждениях того или иного народа. Фразеология является отражением богатого исторического опыта всей нации. Она вбирает в себя представления о различных сферах жизнедеятельности людей. Фразеологизмы служат основным источником понимания национально-культурной специфики определенного языка. В них отражается культурное своеобразие народа.

Большую часть фразеологизмов немецкого языка составляют фразеологизмы с компонентом «часть тела». Ведь люди привыкли сравнивать окружающий мир с различными частями своего тела, чтобы передать свои мысли, переживания более точно и понятно каждому человеку.

Соответственно, названия частей тела являются важным объектом исследований современной лингвистики и образуют подсистему фразеологизмов-соматизмов. Впервые в лингвистике термин «соматический» был употреблен Ф. Вакком в исследовании фразеологизмов эстонского языка, в состав которых входили названия ча-

стей человеческого тела и которые были названы соматическими. По мнению ученого фразеологизмы-соматизмы являются одним из древнейших слоёв фразеологии и составляют одну из наиболее важных частей фразеологического состава эстонского языка [4. С. 58].

Характерной чертой соматической фразеологии является наличие в языках многочисленных аналогов, очень близких по образной направленности словосочетаний. Эта особенность резко отличает соматические фразеологизмы от других тематических групп фразеологических единиц. Совпадение образности соматических фразеологизмов в разных языках объясняется не только заимствованием, но и общими закономерностями, которые приводят к возникновению близких фразеологических единиц, демонстрирующих универсальный характер переноса соматических лексем, их функционально-семантическую динамику в составе фразеологических единиц [2. С. 53].

Части тела и их названия в разных языках фигурируют не только в буквальном смысле: они имеют также и символический характер. Используя названия частей тела в переносном, люди стараются более точно передать свои мысли или произвести сильное впечатление от сказанного. Носители языка прибегают к помощи слов, называющих их органы, для описания самых разных сфер действительности, включая эмоции. Собственное тело для человека ближе всего, с ним сравнивают, когда говорят о чем-то максимально знакомом. Выражение – *etwas an den Fingern herzählen* – *знать, как свои пять пальцев* [9. С. 196] – говорит само за себя.

В анатомическом смысле частей тела очень много. Но большинство из них стали известны не ранее, чем 100–150 лет назад. Эти названия не распространены в языке непрофессионалов, не вошли в поговорки, пословицы, идиомы, художественные произведения и тем более в легенды и мифы. Символическое значение имеют только части тела, в традиционно-языковом понимании, которые можно определить как внешние органы тела, за исключением слова «сердце».

Фразеологические единицы с компонентом «часть тела» имеют разные коннотативные значения, которые вытекают с их основного значения как части тела человека на основе метонимического переноса.

Главное значение фразеологизмов с компонентом *Kopf* – обозначение рассудительности и ума. Например, *einen klaren Kopf haben* – *иметь ясный ум* [10. С. 361].

Много фразеологизмов с компонентом *Auge* выражают удивление. Это можно увидеть в таких фразеологизмах, как *die Augen aufreißen* - выпучить глаза от удивления [8. С. 44].

В немецком языке фразеологизмы с компонентом *Nase* имеют значение, связанное с получением информации: *j-m etw. vor der Nase wegnehmen* – забрать что-то у кого-то из-под носа [9. С. 73].

В большинстве случаев фразеологизмы с компонентом *Ohr* обозначают способность узнавать и слушать. Например, *ein feines Ohr für etw. haben* - быстро замечать, понимать что-либо [9. С. 448].

Слово *Hand* употребляется с разными значениями, наиболее частые из которых – общение, мастерство, деятельность, обмен, т.е. практическое применение мысли. Например, *Hand anlegen* – активно участвовать в чем-то [8. С. 267].

Компонент *Bein* имеет значение устойчивости / неустойчивости, уверенности в себе: *fest auf den Beinen stehen* – твердо стоять на ногах [5. С. 10].

По семантическим признакам фразеологизмы с компонентом *Herz* делятся на 7 лексико-семантических групп: характер, физическое состояние, чувство-состояние, чувство-отношение, качественная характеристика человека, умственная деятельность, действия и поступки людей [1].

Также, среди фразеологизмов-соматизмов есть фразеологизмы всех групп (за классификацией В. В. Виноградова):

- а) фразеологические единства;
- б) фразеологические выражения;
- в) фразеологические сочетания [3. С. 16].

Фразеологические единства образуют неразложимое семантическое целое. В них поглощается и теряется индивидуальный смысл слов-компонентов [6. С. 121]. Именно им характерно семантическое единство или семантическая целостность. Вместе с тем, значение целого связано с пониманием образного стержня фразы. Например, *die Beine unter die Arme nehmen* – дать тягу, бежать из всех сил [11. С. 81].

Фразеологическими выражениями называются такие единицы, которые по своей грамматической структуре являются предикативными сочетаниями слов и предложениями.

К фразеологическим сочетаниям относятся устойчивые комплексы слов, содержащих два компонента. Они реализуются через единичную связь семантически преобразованного компонента, приобретают свое значение только в сочетании с другим компонентом

комплекса. Для семантики подобных фразеологических единиц характерна аналитичность и сохранение семантической обособленности компонентов [7. С. 197].

Таким образом, фразеологические единицы с компонентом «часть тела» как определенная группа фразеологии в целом, представляет собой отдельно оформленные соединения слов различных структурных типов и единичной сочетаемостью компонентов, один из которых обозначает определенную часть тела.

Названия частей тела являются одними из слов, которые чаще всего участвуют в образовании фразеологизмов. Эти компоненты фразеологических единиц относятся в своем самостоятельном употреблении к высокочастотной зоне лексического состава, к его наиболее древней, исконной и социально значимой части.

Список литературы

1. Концептуалізація світу у фразеологізмах із компонентом «серце» на матеріалах української, французької та німецької мов [Електронний ресурс] / Сінковська І. А., Танасевич О. К. Концептуалізація світу у фразеологізмах із компонентом «серце» на матеріалах української, французької та німецької мов. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/apif/2009_3/Sinkovska.pdf
2. Куницкая, Н. В. Функционально-семантическая динамика соматических лексем в составе фразеологических единиц / Н. В. Куницкая, В. Ф. Мельник, Б. С. Данилов // Дериватология и динамика в романских и германских языках. Кишинёв, 1989. С. 48–55.
3. Солодилова, И.А. Лексикология немецкого языка: учеб. пособие. Оренбург, 2004. 114 с.

List of literature

1. Konceptualizacija svitu u frazeologizmah iz komponentom «serce» na materialah ukrains'koї, francuz'koї ta nimec'koї mov [Jelektronnyj resurs] / Sin'kovs'ka I. A., Tanasevich O. K. Konceptualizacija svitu u frazeologizmah iz komponentom «serce» na materialah ukrains'koї, francuz'koї ta nimec'koї mov. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/apif/2009_3/Sinkovska.pdf
2. Kunickaja, N. V. Funkcional'no-semanticheskaja dinamika somaticheskikh leksem v sostave frazeologicheskikh edinic / N. V. Kunickaja, V. F. Mel'nik, B. S. Danilov // Derivatologija i dinamika v romanskih i germanskih jazykah. Kishin'jov, 1989. S. 48–55.
3. Solodilova, I.A. Leksikologija nemeckogo jazyka: ucheb. posobie. Orenburg, 2004. 114 s.

4. Солодуб, Ю. П. Контрастная фразеология // Филологические науки. 1998. №4. С.57–65.
5. Griesbach, Heinz. 1000 deutsche Redensarten. Langenscheidt, 2003. 248 s.
6. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1989. 248 S.
7. Степанова М. Д. Лексикология современного немецкого языка): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. М. : Академия, 2003. 256 с.
8. Гавриш, В. И. Немецко-украинский фразеологический словарь: в 2 т. Т. I. А-К. // Гавриш В. И., Пророченко О. П. Киев: Рад. школа, 1981. 416 с.
9. Гавриш, В. И. Немецко-украинский фразеологический словарь: в 2 т. Т. II. L-Z. // Гавриш В. И., Пророченко О. П. Киев : Рад. школа, 1981. 382 с.
10. Немецко-русский фразеологический словарь. М. : Аквариум, 1995. 768 с.
11. Jutta Treiber. Solange die Zikaden schlafen. Wien : Verlag Carl Ueberreuter, 1998. 186 s.
4. Solodub, Ju. P. Kontrastivnaja frazeologija // Filologicheskie nauki. 1998. №4. S.57–65.
5. Griesbach, Heinz. 1000 deutsche Redensarten. Langenscheidt, 2003. 248 s.
6. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1989. 248 S.
7. Stepanova M. D. Leksikologija sovremennogo nemeckogo jazyka): uceb. posobie dlja stud. vyssh. uceb. zavedenij / M. D. Stepanova, I. I. Chernysheva. M. : Akademija, 2003. 256 s.
8. Gavris', V. I. Nemecko-ukrain-skij frazeologičeskij slovar': v 2 t. T. I. A-K. // Gavris' V. I., Pro-rochenko O. P. Kiev: Rad. shkola, 1981. 416 s.
9. Gavris', V. I. Nemecko-ukrain-skij frazeologičeskij slovar': v 2 t. T. II. L-Z. // Gavris' V. I., Pro-rochenko O. P. Kiev : Rad. shkola, 1981. 382 s.
10. Nemecko-russkij frazeo-logičeskij slovar'. M. : Akvarium, 1995. 768 s.
11. Jutta Treiber. Solange die Zikaden schlafen. Wien : Verlag Carl Ueberreuter, 1998. 186 s.

УДК 811

**РИТУАЛИЗИРОВАННЫЕ СТРАТЕГИИ
КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ АНГЛИЧАН**

Е. В. Власова

В статье рассматриваются стратегии недооценки и переоценки в речи современных англичан, а также выявляется тонкий механизм межличностного общения в британской культуре.

Ключевые слова: недооценка, переоценка, стратегия.

Недооценка (Understatement) и переоценка (Overstatement) – это языковые категории, которые нарочито занижают или завышают оценочную реакцию на ситуацию, людей и предметы с определённой целью, они отражают культурные и национальные особенности британского характера [5. С. 14].

Т. В. Ларина рассматривает недооценку и переоценку через категорию вежливости, которая определяется как «национально-специфическая коммуникативная категория, содержанием которой является система ритуализированных стратегий коммуникативного поведения (языкового и неязыкового), направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соблюдение общественно-принятых норм при интерактивной коммуникации (установлении, поддержании и завершении межличностного контакта)» [6. С. 17].

Остановимся на анализе стратегий, реализуемых недооценкой и переоценкой в речи англичанина.

Стратегии смягчения отрицательных эмоций:

Речевые стратегии этой группы нацелены на снятие категоричности и неприятных эмоций в речи, на создание более вежливых форм отказа или сообщения не очень приятной для собеседника информации.

1. Стратегия вежливого отказа

– Dinner is ready. You're staying, Frank, aren't you?

– No, I'm afraid not.

Данная формула отказа остаться на обед представляет собой этикетную формулу вежливости, закреплённую в английском языке национально-культурной традицией [1. С. 42].

– Could I have some more whisky?

– I'm afraid the ice is melting.

Следует отметить, что использование стратегий в данных примерах демонстрирует автоматизированное использование речевых единиц – «клише», обусловленное «общим опытом узуального отбора, закреплённого в коллективном языковом сознании носителей» [2. С. 83].

2. Стратегия критического отношения к себе или собеседнику

– I suppose he's good at his job, but he's not very intelligent, is he?

– She didn't behave at all well.

Такого рода критика имеет место, когда адресант выражает несогласие, неодобрение, так или иначе, проявляя своё критическое отношение. По мнению Л. В. Азаровой, «сдержанность, уклончивость при отрицательной оценке особенностей характера и поведения, внешнего вида и других характеристик человека можно считать одной из закономерностей стилистического узуса, присущей представителям высших и средних классов английского общества» [1. С. 44].

– We've both of us been rather mechanized about Peter, I'm afraid.

В данной ситуации объектом критической оценки становится сам говорящий.

Следует отметить, что в вышеперечисленных примерах недооценка представляет собой ситуативно обусловленное, регулярно воспроизводимое в речевом употреблении явление.

3. Стратегия смягчения эмоционального напряжения в момент опасности, беды, каких-либо трудностей и т. д.

– I'm sorry. I'm afraid it's bad news.

Данная стратегия является довольно распространённым случаем использования недооценки [1. С. 46]. Как указывает большинство исследователей, речевое поведение собеседников определяется такими психолингвистическими факторами как стремление скрыть страх, тревогу, смущение, а недооценка рассматривается как защитный механизм против воздействия отрицательных эмоций [Никольсон 1956, Болл 1970, Истман 1936, Шпитцбардт 196].

4. Стратегия умолчания по этическим, профессиональным соображениям

– I'd say, you know, that Luther inherited a certain – well, instability, from her.

Данный пример является показателем профессиональной этики врача, который избегает прямой номинации болезни человека, его статус не позволяет назвать Лютера сумасшедшим. Недооценка реализуется с помощью наличия паузы, заполнителя *well*, слова уклон-

чиво-неопределённой семантики **certain** перед эвфемизмом **instability**, которые свидетельствуют об осознанном поиске адекватного средства выражения определённого прагматического задания.

– Do you think it looks – well, do you think it looks a bit kind of dark?

– Black, you mean? He said, peering at the baby, thinking it indeed did look rather black in color and in feature.

В данном примере героиня романа пытается порвать с буржуазной средой, к которой она принадлежит. В разговоре со знакомым адвокатом она считает неприличным прямо сказать о том, что у соседки родился ребёнок от афроамериканца, и поэтому использует недооценку. Для восстановления истинного смысла высказывания адресат задаёт уточняющий вопрос, в котором содержится прямая номинация объекта речи.

5. Стратегии смягчения положительных характеристик или эмоций

Данные стратегии обусловлены национально-культурной традицией, в которой сдержанность англичан проявляется при выделении положительных аспектов коммуникативной ситуации [1. С. 49].

6. Стратегия сдержанной похвалы

– Is it a good one?

– Not bad.

В данном примере литотная конструкция **not bad** представляет собой вполне стереотипный выбор формы, соответствующий социально принятому «коду сдержанности», согласно которому считается неприличным слишком восторженно говорить о чём-либо или ком-либо. По мнению Г. Шпитцбардта, это чисто английское явление строится на намеренной сдержанности высказывания, стремлении избежать выражения с гиперболой. Л. В. Азарова отмечает, что данное выражение недооценки «представляет особую трудность при интерпретации текста художественной английской литературы и требует привлечения фоновых знаний» [1. С. 50].

7. Стратегия создания впечатления скромности

Если вы в одиночку пересекли Атлантический океан на маленькой лодке, скажите:

– I do a little sailing (Я немного занимаюсь парусным спортом).

Данная стратегия используется при целенаправленной заниженной оценке собственных действий, свойств, качеств и других признаков. По мнению Л. В. Азаровой, знание этой особенности английского речевого этикета, которая проявляется в недооценке, также

относится к числу необходимых фоновых знаний для правильного и полного понимания художественной английской литературы.

8. Стратегия оправдания, создания своеобразного «защитно-механизма»

– I'm sorry. I suppose I'm a bit sick after all.

Данная стратегия проявляется тогда, когда вычленяются отрицательные элементы ситуации, имеющие непосредственное отношение к самому говорящему, то есть недооценка носит самонаправленный характер. При этом может оцениваться физическое состояние говорящего в момент эмоционального напряжения. В вышеупомянутом примере выражение **a bit sick представляет собой разговорный стереотип**, экспрессивность которого проявляется при сопоставлении реальных характеристик ситуации и заниженной эмоциональной реакции отправителя сообщения.

9. Стратегия «психологической разрядки», напряжённой ситуации

– What's the game now?

– A waiting game.

– My word, it does not seem a very cheerful place.

В данной ситуации опасности недооценка обусловлена прагматической установкой – немного ослабить напряжение: «не особо весёлое место».

10. Стратегии недооценки, направленные на создание комического эффекта

Некоторые исследователи склонны считать недооценку специфической характеристикой английского юмора, обусловленной особенностями национального характера и темперамента [Болл 1973, Истман 1936, Никольсон 1956, Пристли 1973].

По мнению М. Истмана, недооценка становится источником смеха только в том случае, если несоответствие некоторому общепринятому стандарту с точки зрения размеров, степени, количества или интенсивности воспринимается как чрезмерное. Другими словами, в самом понятии «мало» нет ничего смешного. Комический эффект возникает лишь тогда, когда чего-то «слишком мало» [7. С. 179].

Л. В. Азарова указывает на то, что употребление недооценки вместе с переоценкой в одном контексте способствуют созданию комического эффекта. В данной ситуации правильная интерпретация связана с определёнными трудностями. Как отмечает Н. М. Демурова в своём исследовании «Льюис Кэрролл. Очерк жизни и творчества»

(М.: Наука, 1979), этот автор «часто прибегает к тонкому приёму недооценки», который становится широкой понятийной категорией, играющей важную роль в английском национальном самосознании [З. С. 159]. В качестве примера исследователь анализирует отрывок из книги Л. Кэрролла, в котором описываются колебания Алисы после того, как она нашла пузырьёк с надписью «Выпей меня!». Комической эффект данного отрывка создаётся, по мнению Н. М. Демуровой, «тонкой нюансированностью и соотносённостью “недоборов” и “переборов” в оценке описываемых событий» [З. С. 161].

а) стратегия создания комического эффекта на основе запланированного употребления преуменьшения и преувеличения характеристик ситуации:

...she had read several nice little histories about children who had got burnt, and eaten up by wild beasts and other unpleasant things...and she had never forgotten that, if you drink much from a bottle marked “poison”, it is almost certain to disagree with you, sooner or later (L. Carroll).

Выражение ‘unpleasant things’ (неприятности), с помощью которого описываются истории о том, «как дети сгорали живьём или попадали на съедение диким зверям», представляет собой образец намеренно сдвинутой в сторону преуменьшения оценки и приобретает значение недостаточности. Во втором высказывании имеет место логико-смысловой сдвиг, в котором намеренно сталкиваются «недооценка» и «переоценка» описываемого факта действительности. Н. М. Демурова пишет: «Осушить пузырьёк с ядом, для того, чтобы почувствовать его действие, необязательно разом. Само же действие наступает, конечно, не рано или поздно, и почти наверняка, да и назвать его недомоганием – значит весьма мягко изобразить то, что произойдёт» [З. С. 161]. Л. В. Азарова считает, что языковое оформление недооценки при помощи слов и выражений, неадекватных с точки зрения реальных смысловых связей (to disagree, almost certain, sooner or later), «относится к числу наиболее трудноуловимых вариантов» недооценки [1. С. 99].

Комический эффект может возникать при любой ситуации, когда налицо эффект обманутого ожидания:

- б) несоответствие логических связей** (абсурдность описания);
- в) несоответствие между авторской оценкой и оценкой одного из персонажей художественного произведения;**
- г) нарушения стилистического характера** (высокий и низкий стиль);

е) стратегия создания комического эффекта за счёт защитного механизма для недооценки отрицательных характеристик ситуации (“self-protective giggle”) [Никольсон 1956];

ф) стратегия противопоставления эмоционально завышенной и намеренно заниженной реакций с целью достижения комического эффекта и другие.

Анализ источников по стратегиям недооценки показал, что существуют другие способы «стратегии отдаления» [П. Браун и С. Д. Левинсон 1987, Рон и Сюзанна Сколлон 2001, Т. В. Ларина 2003]. Прямой стиль общения не характерен для современной английской межличностной коммуникации, наши исследования также показывают, что он не был характерен в XIX–XX веках. Речь здесь, видимо, должна идти об образованных слоях Великобритании – высших и средних классах, которые предпочитают отдавать косвенному стилю общения, а не прямому, предполагающему прямые ответы *да или нет*. Для этого англичане прибегают к вводным предложениям, типа “I think, I suppose, maybe, I guess, probably, perhaps”, которые выступают в качестве модераторов в речи, поскольку любая информация подается через точку зрения говорящего и лишается строгой объективности.

Вообще модераторами могут выступать не только наречия, прилагательные, вводные предложения-модераторы, но и грамматические формы, особенно модальные глаголы и образуемые ими сослагательное наклонение. Они служат снятию категоричности и образованию разной степени вежливости для выражения просьбы, совета, приглашения, извинения, созданию атмосферы для гармоничного и бесконфликтного общения собеседников равного и неравного социального уровня, служат как сближению, так и при необходимости отдалению собеседника.

11. Стратегия «выуживания комплиментов»

Данную стратегию выделяет А. Хьюблер. По его мнению, англичане стремятся услышать желаемый ответ, проявляя свою осмотрительность.

12. Стратегия оскорбления

– Have a care, sir, or I shall strike you lightly across ye mouth with my kid glove. The choice of weapons will be yours, but I’d advise against the rapier. It’s a gentleman’s weapon.

Данную стратегию выделяет А. Г. Костецкая в своем исследовании речи студентов привилегированных университетов Великобритании и США. Эта стратегия имеет название «Царственное оскорбление» (‘Insult Magestic’/ ‘baroque insult’), и реализуется в речи,

«когда наносящий оскорбление ставит себя на более высокий уровень по сравнению с тем, кому оно адресовано» [4. С. 82].

14. Стратегия несловесного способа выражения недооценки, проявляющаяся в сдержанном поведении (поведенческая реакция на ситуацию)

Данная стратегия предполагает снижение накала эмоций собеседников с помощью поведенческой реакции – несловесный способ выражения недооценки (выделена Т.А. Ивушкиной).

15. Стратегии переоценки рассматриваются в работах П. Брауна и С. Д. Левинсона (1987), Рона и Сюзанны Сколлон (2001) и Т.В. Лариной (2003). Все перечисленные исследования выделяют наиболее типичные речевые стратегии англичан, направленные на сближение с собеседником. Рассмотрим их.

а) стратегия преувеличения интереса, одобрения, симпатии к собеседнику

– It's absolutely unbelievable!

Данная стратегия является очень важной. Она реализуется с помощью лексической гиперболы, повторов, интенсификаторов, употребления экспрессивных оценочных прилагательных и глаголов «в самых прозаических ситуациях общения» [6. С. 169–189].

б) стратегия «подарка», предполагающая внимание, преувеличенный интерес ко всему, что связано с ним: комплименты, эмоциональная оценка, многократные выражения благодарности

– I want you to feel good.

С помощью вышеупомянутых способов, как указывает Т.В. Ларина, реализуется стратегия вежливости.

в) стратегия оптимизма при реакции на ситуацию

– Are you hurt?

– I'm perfectly fine!

Даже при негативных обстоятельствах англичане употребляют переоценку, демонстрируя свой оптимизм.

г) стратегия поддержания гармонии в общении с партнёром, увеличение взаимопонимания

– Thanks. I feel the same.

Англичане стремятся утверждать общую точку зрения, мнение, отношение, эмпатию, преувеличивая свою оценку.

д) стратегия убеждения в своей правоте

– Your fingernails are a disgrace. I shudder to think of them. I practically retch.

Данная стратегия реализуется с помощью гиперболы, *simile*, поворотов, интенсификаторов в ситуациях, когда необходимо убедить собеседника в своей правоте.

Обобщение стратегий недооценки и переоценки в речи англичанина позволяет нам не только выявить стратегические намерения, но и тонкий механизм межличностного общения в британской культуре.

Список литературы

1. Азарова, Л. В. Приём преуменьшения и его функции в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.
2. Винокур, Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М. : Наука, 1980. 237 с.
3. Демурова, Н. М. Льюис Кэрролл. Очерки жизни и творчества. М. : Наука, 1979.
4. Ивушкина, Т. А. Социолингвистические характеристики речи студентов Кембриджа и Гарварда: учеб. пособие / Т. А. Ивушкина, А. Г. Костецкая. Волгоград : Перемена, 2003. 149 с.
5. Ивушкина, Т. А. Недооценка и переоценка в речи современного англичанина: социолингвистический аспект: монография / Т. А. Ивушкина, Е. В. Власова. Волгоград : Перемена, 2005. 149 с.
6. Ларина, Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: монография. М. : Изд-во РУДН, 2003. 315 с.
7. Eastman, M. Enjoyment of Laughter. N. Y. : Simon and Schuster, 1936. 368 p.

List of literature

1. Azarova, L. V. Prijom preumen'shenija i ego funkcii v sovremennom anglijskom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. L., 1981.
2. Vinokur, T. G. Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovanija jazykovyh edinic. M. : Nauka, 1980. 237 s.
3. Demurova, N. M. L'juis Kjerroll. Oчерki zhizni i tvorchestva. M. : Nauka, 1979.
4. Ivushkina, T. A. Sociolingvisticheskie harakteristiki rechi studentov Kembridzha i Garvarda: ucheb. posobie / T. A. Ivushkina, A. G. Kosteckaja. Volgograd : Peremena, 2003. 149 s.
5. Ivushkina, T. A. Nedoocenka i pereocenka v rechi sovremennogo anglichanina: sociolingvisticheskij aspekt: monografija / T. A. Ivushkina, E. V. Vlasova. Volgograd : Peremena, 2005. 149 s.
6. Larina, T. V. Kategorija vezhливosti v anglijskoj i russoj kommunikativnyh kul'turah: monografija. M. : Izd-vo RUDN, 2003. 315 s.
7. Eastman, M. Enjoyment of Laughter. N. Y. : Simon and Schuster, 1936. 368 p.

УДК 811

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ
ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

А. М. Клёстер

Данная статья посвящена описанию теоретических аспектов когнитивного исследования терминосистемы, рассмотрению особенностей подязыка инженерной психологии, а так же определению структуры знания в рамках когнитивно-коммуникативного терминоведения.

Ключевые слова: когнитивное исследование, терминосистема, инженерная психология.

Когнитивная наука направлена на изучение процессов познания человеком окружающего мира, поэтому выявление структур человеческого знания, вербализованного в терминологии и формирующего научную картину мира, имеет особое значение, так как ученый, носитель научного знания, стремится познать, изучить окружающий мир, проникнуть в суть вещей и описать объективную картину мира.

В настоящее время термин в трудах представителей современного когнитивного терминоведения (Л. М. Алексеевой, Л. А. Манерко, В. Ф. Новодрановой, С. Л. Мишлановой и др.) понимается как особая когнитивная структура, требующая соответствующего поведения, как динамическая единица, как результат дискурса, реализующего процесс познания [1. С. 40]. В этом процессе термин оказывается результатом длительного приближения к адекватности специального знания. Терминология же рассматривается как результат когнитивной деятельности специалиста, заключающейся в концептуализации, категоризации и вербализации профессиональных знаний, поэтому важно выявить, какие именно концепты (по структуре, по содержанию, по степени конкретности) лежат в основе терминологической номинации и более всего способствуют фиксации, хранению и передаче научных знаний [6. С. 95].

В целом когнитивно-коммуникативное терминоведение в насто-

ящее время выдвигает ряд следующих последовательных этапов исследования:

1. Научный вид дискурса, функционирующий благодаря влиянию разнообразных языковых личностей, участвующих в общении, и отражающий многообразие структур знания, является процессуальным, деятельностным и динамическим явлением [5. С. 123]. Для осуществления дискурса необходим краткий и емкий по своему содержанию термин и в то же время передающий информацию в простом для ее узнавания виде. Это достигается за счет свертывания определения термина сначала в раздельнооформленное словосочетание затем в цельнооформленную единицу [7. С. 151].

2. Одним из наиболее важных моментов описания терминологии являются совокупности терминов, системность которых определяется экстралингвистически, то есть в зависимости от принадлежности к определенной области знания. Принципы структурирования науки, которую данная область терминов обслуживает, указывают на внутреннюю структуру терминологии, зависимой от концептуально-фреймовой структуры дискурсивного пространства. Подобное упорядочение указывает на наличие специально сформированных терминосистем.

На оформление терминосистем как явлений, возникших под влиянием номенотворческой и речемыслительной деятельности человека, непосредственное влияние оказывают два важных процесса – категоризация и концептуализация.

Концептуализация и категоризация представляют собой классификационную деятельность, но они различаются по цели и/или своему конечному результату. Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания, а процесс категоризации – на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории [2. С. 22]. Концептуализация – это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов. Категоризация – это деление мира на категории, то есть выделение в нем групп, классов, категорий аналогичных объектов или событий, включая концептуальные категории как обобщение конкретных смыслов, или концептов. Вместе с тем, категоризация как познавательный процесс – это мысленное соотнесение объекта или события с определенной категорией.

3. Внутренняя структура терминосистемы и ее подсистем отличается выделением разноуровневых отношений (видородовых, инклюзивных, партитивных, причинно-следственных, субъектно-объектных и др.) Подобные отношения говорят о строгой упорядоченности специальных понятий и единиц, выделенных на их основе, внутри терминосистемы.

Но помимо этого каждая сформировавшаяся, развитая терминосистема обладает некоей концептуальной организацией, которая фиксируется посредством языковых средств, появившихся в результате процессов терминообразования. Данная концептуальная организация опирается на определенные механизмы образования конкретных подсистем, структуры и форматы знания, некие образцы переработки и сортировки информации, которые могут быть построены по определенным каноническим и прототипическим формам ее языкового представления. Выбор каждого элемента подсистемы определяется процессом восприятия пространства, целенаправленного внимания к конкретному предмету со стороны человека, учету психологических и культурных характеристик членов языковой категории. Поэтому в языковых категориях как основных элементах терминосистем возможно выделение некоего концептуального ядра и периферии [5. С. 120].

4. Некоторые системы отличаются номинативным ядром, в котором основную нагрузку несут только определенные словообразовательные и фразообразовательные модели субстантивных конструкций. Среди подобных терминосистем оказываются язык современной техники, компьютерной и вычислительной терминологии, терминология программирования и некоторые другие специальные области знания. У других терминосистем наблюдается смещение в сторону единиц, реализующих глагольную семантику. Здесь выделяются терминосистемы земельного права, венчурного финансирования, экономическая и торговая терминология, терминология бизнеса и многие другие, в которых фиксируется значительное количество глагольных конструкций. Обе разновидности терминосистем отличаются антропоцентрическими представлениями, раскрывающими особенности активности человека в определенной сфере деятельности.

Представление о строении и организации терминосистем тесно связано с когнитивным определением термина, которое стало возможным с возникновением когнитивной науки и со становлением в лингвистике когнитивно-дискурсивной парадигмы знания. Только

в рамках этой парадигмы можно выделить основополагающие признаки термина, позволяющие показать его сущность как с когнитивной, так и с коммуникативной точек зрения. Когнитивная сущность термина связана с особенностями структуры представляемого им знания. Структура знания – это совокупность концептов, объединенных определенной иерархией и объективированных в термине. Конкретно такая структура знания характеризуется тем, что отражает собой часть специального знания, выработанного в определенной науке [7. С. 150]. Эта структура знания, являясь результатом когнитивной деятельности специалиста, представляет собой интеграцию нескольких видов знания: знания об определенном фрагменте мира (куда входят обыденное, общенаучное и собственно специальное знание), знания о концептуальных формах его отражения в сознании, знания о языковых формах репрезентации, а также знания об оперировании языковыми единицами с целью обработки, хранения и передачи информации. Термин отражает элементы опыта и оценки специалистом данного фрагмента научной области, а также хранит научные факты и умножает знания. Но, осуществляя когнитивные операции со структурами знания, специалист должен учитывать одновременно и коммуникативную функцию, функцию использования термина в профессиональной речи. С точки зрения *коммуникации* термин должен быть лаконичен и удобен для употребления, он должен соблюдать правила экономии, компактности и должен удовлетворять условиям профессионального общения. Таким образом, термин возникает как результат взаимодействия когниции и коммуникации в профессиональной деятельности.

В данном исследовании также учитывается мнение Р. А. Будагова, который считает, что термины, как и система терминов, неразрывно связаны со знаниями, с различными науками, с их непрерывным развитием [3. С. 20].

Анализ специальной литературы показал, что инженерная психология возникла на стыке технических и психологических наук. Поэтому характерными для нее являются черты обеих наук. Следовательно, процесс терминологизации в подъязыке инженерной психологии качественно отличается от подобного же процесса, протекающего в области ряда точных наук. Ему присущи особенности как гуманитарных, так и технических наук.

Как *психологическая наука* инженерная психология изучает психические и психофизиологические процессы и свойства человека,

выясняя, какие требования к отдельным техническим устройствам и построению систем «человек-машина-среда» (СЧМС) в целом вытекают из особенностей человеческой деятельности, т. е. решает задачу приспособления техники и условий труда к человеку.

Как *техническая наука* инженерная психология изучает принципы построения сложных систем, посты и пульта управления, кабины машин, технологические процессы для выяснения требований, предъявляемых к психологическим, психофизиологическим и другим свойствам человека-оператора [4. С. 15].

Изучив понимание термина с позиции когнитивного терминоведения, выяснилось, что новое когнитивное понимание термина не противоречит традиционной трактовке, а лишь дополняет его. Итак, термин является необходимым условием существования, хранения, дальнейшего развития и совершенствования профессионально-научного знания. Когнитивное направление открывает новые возможности для переосмысления проблем терминоведения и позволяет сделать новый шаг в описании терминологии, предлагая иной взгляд на ранее изученные вещи – рассматривает вопрос взаимодействия профессионального мышления и терминологии как средства его вербализации.

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Медицинский дискурс : теоретические основы и принципы анализа / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. Пермь, 2002. 199 с.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов : Изд-во Тамбовск. ун-та, 2000. 123 с.
3. Будагов, Р. А. Человек и его язык. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. 429 с
4. Душков, Б. А. Основы инженерной психологии: учеб. для студентов вузов / Б. А. Душков, А. В. Королёв, Б. А. Смирнов. М. : Академический проект ;

List of literature

1. Alekseeva, L. M. Medicinskij diskurs : teoreticheskie osnovy i principy analiza / L. M. Alekseeva, S. L. Mishlanova. Perm', 2002. 199 s.
2. Boldyrev, N. N. Kognitivnaja semantika: Kurs lekcij po anglijskoj filologii. Tambov : Izd-vo Tambovsk. un-ta, 2000. 123 s.
3. Budagov, R. A. Chelovek i ego jazyk. M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1976. 429 s
4. Dushkov, B. A. Osnovy inzhenernoj psihologii: ucheb. dlja studentov vuzov / B. A. Dushkov, A. V. Korol'ov, B. A. Smirnov. M. : Akademicheskij

Екатеринбург : Деловая книга, 2002. 576 с.

5. Манерко, Л. А. Истоки и основания когнитивно-коммуникативного терминоведения // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. трудов. Москва ; Рязань, 2003. С. 120–126.

6. Мишланова, С. Л. Терминоведение XXI века: история, направления, перспективы // Научные доклады высшей школы. Филол. науки. 2003. № 2. С. 94–101.

7. Новодранова, В. Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. трудов. Москва ; Рязань, 2003. С. 110–154.

proekt ; Ekaterinburg : Delovaja kniga, 2002. 576 s.

5. Manerko, L. A. Istoki i osnovanija kognitivno-kommunikativnogo terminovedenija // Leksikologija. Terminovedenie. Stilistika: sb. nauch. trudov. Moskva ; Rjazan', 2003. S. 120–126.

6. Mishlanova, S. L. Terminovedenie XXI veka: istorija, napravljenja, perspektivy // Nauchnye doklady vysshej shkoly. Filol. nauki. 2003. № 2. S. 94–101.

7. Novodranova, V. F. Problemy terminoobrazovanija v kognitivno-kommunikativnom aspekte // Leksikologija. Terminovedenie. Stilistika: sb. nauch. trudov. Moskva ; Rjazan', 2003. S. 110–154.

УДК 80

**КЛАССИФИКАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК
ДЛЯ СОЗДАНИЯ РАЗМЕТКИ В УЧЕБНОМ ПАРАЛЛЕЛЬНОМ
КОРПУСЕ RUSSIAN LEARNER TRANSLATOR CORPUS**

М. А. Куниловская

В статье описывается корпусный проект, реализуемый на кафедре перевода и переводоведения ТюмГУ, анализируются зарубежные и отечественные системы оценки качества перевода, применяемые как в производственно-профессиональных, так и в академических целях, а также формулируются принципы создания классификации переводческих ошибок, на которых может быть основана разметка в корпусе. В заключении статьи автор приводит примерную таксономию таких ошибок для целей разметки в корпусе.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, параллельный корпус, разметка ошибок, переводческая ошибка, оценка качества перевода.

1. Introduction

Целью данной статьи является выработка принципов построения классификации переводческих ошибок, которую можно было бы взять за основу для разметки ошибок в Корпусе несовершенных переводов (или **Russian Learner Translator Corpus**), а также для создания интерфейса разметки ошибок в студенческих переводах в помощь преподавателю письменного перевода (для рабочих языков русский-английский).

О проекте RusLTC

Этот корпус создается усилиями преподавателей и студентов кафедры перевода и переводоведения ТюмГУ под научным руководством к.ф.н. А. Б. Кутузова (ВШЭ). В корпус включаются переводы студентов-переводчиков разных форм и ступеней обучения из пяти российских вузов (МГУ, МАИ, Удмуртским госуниверситетом, НГЛУ, ТюмГУ, есть договоренности с Омским госуниверситетом, ЧелГУ, Ульяновском, Магнитогорском). Переводы выполнены в паре русский-английский в любом направлении. Все переводы выровнены относительно их оригиналов (т. е. корпус является

параллельным), причем одному оригиналу зачастую соответствует несколько переводов. Объем корпуса пока приближается к 1 млн. словоупотреблений, но мы рассчитываем увеличить его до 10 млн. На сегодня в режиме on-line доступен поисковый интерфейс по корпусу, который позволяет сортировать результаты по 10 внешним параметрам, таким как жанр текста, год и форма обучения студента, его пол, условия и место выполнения перевода и т.д. Кроме того, весь корпус можно скачать в виде архива текстов. В ближайшее время в корпусе появится морфологическая, а затем и синтаксическая разметка.

Как известно корпусная лингвистика является бурно развивающейся и многообещающей отраслью, в рамках которой построение учебных корпусов, и даже учебных параллельных корпусов выделилось в отдельное направление [7]. Учебные параллельные корпуса (и наш, в частности) используются как источник материала для изучения закономерностей переводческого процесса (в том числе вариативности), так и в лингводидактических целях – для корректировки методики обучения переводу, для создания учебных материалов по теории перевода, редакторской правке, письменному переводу. Потребность в подобном материале исследования неоднократно подчеркивалась в методической переводоведческой литературе [см. напр., 8]. Корпус может быть использован как «полигон» для тестирования и разработки систем оценки качества перевода таких как, например, BLEU (Bilingual Evaluation Understudy) [14]. И, наконец, корпус может быть интересен лингвистам-переводоведам, занимающимся разработкой CAT-систем, поскольку дает материал для сравнительного анализа «человеческих» и «машинных» ошибок в переводе, что, возможно, позволит увидеть стоящие за ними различия в осуществлении процесса перевода, автоматически прогнозировать типичные «человеческие» ошибки, что реализовано в автоматической системе определения переводческих ошибок **Trans-Check**, созданной в Монреале [12].

Идея создания учебного параллельного корпуса не нова – нам известно о нескольких аналогах нашего проекта, которые, однако, либо не существуют в открытом интернет-доступе, либо не включают русский в качестве рабочего языка. Это, прежде всего, проект Mellange LTC, реализованный силами нескольких европейских университетов в 2007 году (в нем нет русского языка и его объем втрое меньше нашего текущего), а также российский учебный корпус переводов RuTLC (Russian Translation Learner Corpus), о кото-

ром известно из публикаций Е. П. Сосниной (кафедра прикладной лингвистики Ульяновского государственного технического университета [6; 7; 18]).

2. Цели и исходные положения

2.1. Понятие переводческой ошибки

Д. М. Бузаджи et al предлагают считать термин «переводческая ошибка» единым для обозначения **всех недостатков перевода**, но при этом различать виды, группы и категории ошибок [1. С. 33]. Вместе с тем в методической литературе (особенно, зарубежной) распространено противопоставление собственно переводческих и языковых ошибок. Это связано, прежде всего, с реализацией компетентностного подхода к обучению переводчиков, с потребностью оценивать не свойства текста перевода (ПТ), а степень сформированности переводческих компетенций на той или иной ступени обучения. Такое противопоставление характерно, например, для методической позиции К. Норд, которая предлагает в дидактических целях переводческой ошибкой (translation error) считать “a deviation from selected (or rather prescribed) model of action”, при этом наиважнейшим критерием оценки качества перевода для нее является соответствие ПТ его skopos [13. С. 187]. Ее методические воззрения разделяет Э. Пим, для которого переводческая ошибка – это неспособность увидеть другие варианты перевода, либо выбрать наиболее адекватный из приемлемых. Он делит все ошибки на “binary” (It’s wrong! against a standard) и “not-binary” (It’s correct, but...). При этом собственно переводческие ошибки относятся к категории «обсуждаемых вариантов» и характеризуются разной степенью допустимости, поэтому однозначно присвоить им «вес» довольно сложно. По его мнению, смысл выделения переводческих ошибок и заключается в развитии переводческой компетенции путем обсуждения вариативности перевода, и не сводится к исправлению (часто однозначных) языковых ошибок [15. С. 1992]. Интересно, что такой подход к описанию перевода эффективен, по признанию самого Э. Пима, в рамках текущего контроля и для диагностических целей, а в целях итогового контроля рецензент вынужден учитывать все недостатки перевода, которые могут быть значимыми в реальной, а не учебной ситуации. Цели нашего проекта включают создание как можно более полного описания ошибок, допускаемых при переводе, поэтому мы склонны согласиться с определением Д. М. Бузаджи и не противопоставлять собственно переводческие ошибки, понимаемые как

нарушения технологии перевода и/или приводящие к отклонениям от содержания оригинала, включая прагматическую неадекватность перевода, и так называемые ошибки выражения, представляющие собой несовершенство текста перевода в языковом плане.

2.2. Оценка качества перевода (TQA) и проблемы, связанные с ее реализацией

Оценка качества перевода в составе переводоведения оформилась в самостоятельную исследовательскую область (translation quality assessment (TQA)). Проведенные в этой сфере исследования позволяют заключить, что выработка универсальных критериев оценки качества представляется невозможной, поскольку 1) варьирует объект оценки (текст перевода или соответствующие компетенции переводчика?) и 2) **“quality is context dependent” и оценивается**, прежде всего, по уникальным для каждого случая параметрам прагматической приемлемости перевода в принимающей культуре и его скорос-пригодности [17]. Вместе с тем нельзя абсолютизировать последнее. Если следовать логике Г. Таури, то любые требования к переводу за рамками ситуативно-прагматических, бессмысленны и субъективны. В этом случае мы теряем единое основание оценки, сопоставимость ее результатов, хоть какую-то объективную информативность описания качества перевода. Мы считаем, что оценка качества перевода всё же может быть до некоторой степени объективирована, и **единственным способом описания/оценки качества перевода нам представляется выделение и характеристика переводческих ошибок**, которые могут представать в виде требований к переводу, критериев его приемлемости.

В описанной выше онтологической ситуации важно разрабатывать системы, которые бы максимально отвечали конкретным задачам. В частности, по объекту оценки можно противопоставить два основных подхода к построению классификации ошибок в переводе – мы их тут условно назовем **«индустриальный» подход** и **«академический» подход**. В первом случае объектом оценки выступает текст перевода как продукт (или услуга) на рынке. Такие системы создаются для контроля качества перевода и имеют вполне конкретный коммерческий потенциал, не в последнюю очередь определяющийся уровнем автоматизации/формализации процесса оценки. Во втором случае не так важна нормативная оценка, т.е. соответствие принятому стандарту (наличие которого зачастую вообще оспаривается), сколько важно оценить степень сформированности тех или

иных профессиональных компетенций у переводчика, его *performance*, если следовать терминологии [10. С. 199]. В рамках академического подхода в свою очередь можно выделить холистические системы, позволяющие оценить степень сформированности переводческих компетенций, ожидаемых на каждом квалификационном уровне, и классификации ошибок, ориентированные на выделение неудачных (и удачных) переводческих решений.

Общепризнанный стандарт и в том, и в другом случае отсутствует, что понятно – у проверяющего могут быть разные цели, в разных прагматических ситуациях перевода возможны разные наборы критериев, для разных типов текста «веса» ошибок будут различаться, в конце концов, разные рецензенты выделяют ошибки и компетенции с разной степенью детальности. Вместе с тем, очевидно, что в основу разметки нашего корпуса должна быть положена некая единая система, которая бы позволила проводить количественный и качественный анализ корпусного материала, применимость его в дидактических целях, обеспечивала бы единство размеченного подкорпуса. Кроме того, наличие единой классификации ошибок обеспечивает возможность привлечения нескольких преподавателей к разметке, хотя, конечно, не исключает полностью субъективность ее применения.

Система оценки качества перевода включает обычно два компонента: 1) классификацию собственно ошибок, их обозначения и описание и 2) способы учета этих ошибок при определении степени соответствия перевода требованиям (система «весов» каждого типа ошибок, отражающая степень их «грубости» и включающая иные факторы, влияющие на оценку перевода, напр., наличие удачных переводческих решений). На наш взгляд, в деле подготовки переводчиков не столько важна собственно оценка, сколько возможность идентификации, описания и обсуждения неприемлемого и относительно допустимого в переводе. В связи с этим, в рамках данной статьи мы не останавливаемся на способах определения общей суммарной оценки ПТ, а сфокусируем свое внимание на сопоставительном описании существующих систем оценки качества перевода и выработке собственной.

3. Подходы к оценке качества в переводе и обзор существующих классификаций ошибок

3.1. «Индустриальные» классификации

Формализованные классификации переводческих ошибок впервые возникли и наиболее многообразны в профессиональной среде,

они продиктованы практической потребностью заказчиков, бюро переводов оценивать (и квантифицировать) качество промышленных переводов на основе универсального подхода. Некоторые такие системы освящаются авторитетом международных и национальных организаций по стандартизации (немецкий DNS 2345 и европейский проект по стандартизации в области создания многоязычной документации для промышленных товаров Multidoc), либо принимаются в определенной сфере экономики – в автомобильной промышленности (SAE J 2450), в специальной сфере перевода программных продуктов (LISA QA Metric), либо в системах Translation Management (TMS Classic QA Model). Интересны подходы к оценке качества перевода, разрабатываемые крупными поставщиками лингвистических услуг, например, бюро переводов «Окей», Самара (Д. Тишин). Последний включает способы интерпретации типов ошибок в терминах профессиональных компетенций переводчика и предлагает меры по повышению квалификации переводчика в зависимости от типов допускаемых им ошибок, что роднит его с академическими системами.

Все приведенные выше промышленные системы оценки качества, а также другие (такие как Sical [20], основаны на количественном подходе к оценке качества. Таким ошибкам присваиваются условные категории (типа **critical**, **major**, **minor**) или **численный показатель**, обозначающий тяжесть ошибки определенной категории. Оценка в них предполагает обнаружение ошибок на уровне предложений, микротекста, преимущественно путем сопоставления оригинала и перевода или сопоставления перевода с «идеальным» вариантом. Такие классификации ошибок часто реализованы в качестве специального настраиваемого приложения к коммерческим CAT системам. Внимания заслуживает программа **BlackJack**, разработанная агентством переводов ITR (Великобритания) первоначально для внутреннего контроля качества. Она позволяет рецензенту выделить 21 тип ошибки и назначает «вес» каждой в зависимости от ее влияния на приемлемость (**acceptability**) перевода, его понятность (**intelligibility**) и (вполне прагматично с точки зрения индустрии) временных затрат, необходимых на исправление таких ошибок [Цит. по 17].

В пяти из шести приведенных систем выделяется трудно формализуемая категория с условным названием «**смысл**» (смысловая ошибка): *faithfulness*, *mistranslation*, *misinterpretation of SLT*, *translation accuracy*. Во всех оценивается **качество перевода терминов**,

причем, например, в BlackJack этот параметр учитывается трижды (*non application of glossary term, inappropriate technical term in TLT, inconsistent term in TLT*) с разной степенью детализации терминологической ошибки. Третий параметр оценки, который объединяет все эти системы (кроме SAE J 2450) – **учет стиля**, понимаемого как соответствие текста перевода принятым в принимающей культуре конвенциям. При этом стилистические ошибки противопоставляются **языковым**, описываемым с разной степенью детализации и последовательности. Так, в Multidos выделяют грамматические и морфологические ошибки, в SAE – синтаксические, морфологические, орфографические и пунктуационные ошибки, рассматриваемые отдельно, в BlackJack – **синтаксические, грамматические, орфографические** и пунктуационные ошибки, а также конкретные виды лексических ошибок (за пределами терминологических) – ошибки в переводе обращений, аббревиатур и собственных имен, перенос в перевод непереуведенных фрагментов, либо перевод того, что переводу не подлежит, а также категория «неудачное выражение». Важным для всех систем (судя по степени детализации описания) оказываются **формальная полнота и оформление перевода**: почти везде выделяется пропуск как параметр оценки, техническая безупречность (подразумевающая качество редактирования), оформление.

3.2. «Академическая» оценка качества: холистический подход vs. классификация ошибок

К академическим системам можно отнести системы оценки качества перевода, используемые в образовательных учреждениях, выпускающих переводчиков, а также классификации, используемые профессиональными союзами для сертификации переводчиков (напр., ATA Framework for Standardized Error Marking, DipTrans).

Системы оценки качества переводов, выполненных студентами в учебных целях, чаще всего имеют своей целью не столько вынесение вердикта (годен/негоден) в виде итоговой оценки, сколько преследуют диагностические и обучающие цели, служат способом отражения **степени сформированности тех или иных компетенций**, наиважнейшей из которых оказывается обеспечение прагматической приемлемости перевода. Такой подход целостной оценки качества перевода как текста с точки зрения его функциональности для реципиента восходит к работам Ю. Найды, для которого обеспечение тождества реакций реципиентов ИТ и ПТ является наиглавнейшим критерием оценки качества перевода. В рамках подхода К.

Норд произвести количественную оценку «тяжести» ошибки если не невозможно, то сложно, тем более количественно оценить качество всего текста. Отличительной характеристикой методических систем является выделение в них такого элемента описания ПТ как «удачное переводческое решение» [см., напр., 15; 11].

Описанные выше подходы можно отнести к **холистическим**. В подобных системах оценка переводческой компетенции испытуемого осуществляется путем описания его знаний, навыков и умений, позволяющих создать текст, соответствующий некоторому квалификационному уровню. Холистическая система оценки качества перевода используется, например, при аттестации переводчиков в Институте лингвистики (Лондон) в рамках экзамена DipTrans. Экзаменатору предлагается оценить качество перевода по трем параметрам 1) Comprehension, accuracy and register; 2) Grammar (morphology, syntax, etc.), cohesion, coherence and organisation of work; 3) Technical aspects: punctuation, spelling, accentuation, transfer of names, dates, figures, etc. При этом дается описание нескольких уровней компетенции претендента в каждой из обозначенных сфер [9]. Этот же принцип лежит в основе системы, сконструированной К. Уоддингтоном для его эксперимента [19], М. Уильямсом [20] и в основе оценки качества перевода в Центре исследований перевода факультета гуманитарных наук Лидского университета (Великобритания) [Цит. по 17].

Если холистические системы явно основаны на компетентностном подходе к оценке качества уделяют внимание процессу перевода, то их альтернатива – оценка качества на основе **классификации ошибок** в большей степени ориентирована на свойства ПТ и соотношение ИТ и ПТ. Вместе с тем, эти два подхода не исключают друг друга, а вполне могут быть совмещены в рамках одной модели (см. например, системы, используемые в университетах Мадрида и Женева [17]).

Особняком стоит классификация ошибок, используемая в корпусе учебных переводов MeLLANGE. Она была создана специально для аннотации этого корпуса и, с одной стороны, исходит из традиционного академического деления всех ошибок на смысловые (в некоторых системах их называют переводческими) и языковые. С другой стороны, она не закрытая - в каждой подгруппе ошибок разработчики предусмотрели возможность расширения предложенной классификации за счет описания дополнительных видов (user-defined

category). Эта система не ориентирована на итоговую оценку перевода, а преследует цели выделения и описания ошибок. Преимуществом этой классификации ошибок по сравнению с классификацией Американской ассоциации переводчиков является ее иерархическое устройство.

Анализ приведенных академических систем показывает, что основными принципами их построения являются:

1. Противопоставление переводческих и языковых ошибок, реализующееся зачастую, но не исключительно, как противопоставление смысловых ошибок и ошибок выражения;

2. Градация степени серьезности ошибки в зависимости от ее дезинформирующего воздействия;

3. Ориентация на переводческие компетенции, а не на свойства текста, на описание, а не на оценку ошибок;

4. Широкий учет прагматических факторов;

5. Иерархическое, логическое устройство.

В **отечественном переводоведении** сложились системы, которые в той или иной степени отражают все эти принципы. **В. Н. Комисаров** выделяет смысловые ошибки и ошибки выражения, не влияющие на эквивалентность [3. С. 242–245]. **Л. К. Латышев** противопоставляет ошибки в трансляции исходного сообщения (те же смысловые ошибки с градацией по степени дезинформирующего воздействия) и ошибки в адаптации его к новым условиям восприятия. Интересно, что к адаптационным ошибкам (не вполне совпадающим у него с традиционными языковыми) он относит технологические переводческие ошибки – вольности и буквализмы, при этом последние могут приводить к ошибкам в трансляции сообщения [4. С. 172]. **Д. М. Бузаджи** отдельно называет виды ошибок по уровню языка, к которому относится выражение, при переводе которого допущена ошибка, интересно начиная перечисление с логических ошибок, за которыми следуют традиционные – синтаксические, лексические, стилистические [1. С. 33]. Далее авторы выделяют 1) два вида смысловых ошибок, различая их по степени нарушения семантической эквивалентности, которая порождает отсутствие (или неточность) передачи коммуникативно-функциональных свойств оригинала, 2) стилистические ошибки, 3) нарушения, связанные с передачей авторской оценки, 4) очевидные нарушения нормы и узуса ПЯ [1. С. 35–71]. У **Н. К. Гарбовского** в учебнике по теории перевода принят компетентностный подход и приведена детальная классификация

смысловых ошибок по их причине, дополненная отдельной недетализированной категорией языковых ошибок в переводе [2. С. 514].

Оказывается, что в отечественном переводе картина еще более пестрая, чем за рубежом. Вместе с тем можно отметить стремление наших авторов 1) придавать особое значение смысловым ошибкам, 2) уделять отдельное внимание технологическим (переводческим) ошибкам и 3) учитывать при этом техническое оформление текста. Традиционным является 4) деление языковых ошибок по уровням единиц оригинала, при переводе которых допущена ошибка. Следует заметить, что 5) учет прагматики ситуации перевода и сохранение коммуникативно-функциональных свойств текста, как частный случай, отдельно в этих системах не отражается, поскольку, вероятно, его потенциал заложен в смысловых ошибках [см. напр., Бузаджи].

4. Принципы построения разметки по переводческим ошибкам для Russian LTC

Переходя к описанию нашей системы и принципов ее построения, определимся с целью ее создания. С одной стороны, мы хотим предоставить исследователям материал для изучения переводческих ошибок в целях совершенствования методики обучения, с другой стороны, предполагается создание графического интерфейса, позволяющего проверять переводы по предлагаемой системе в электронном варианте. Учитывая, что выделенные ошибки и в том, и в другом случае будут интерпретироваться, обсуждаться на занятии или в рамках статей, а также учитывая обобщенный выше отечественный и международный опыт, мы считаем возможным исходить из следующих принципов их классификации:

1) Иерархическое устройство, обеспечивающее обзорность основных классов.

В качестве основных классификационных групп мы считаем важным выделять **смысловые, языковые** (ошибки выражения) и **оформительские/технические ошибки**. При этом к смысловым ошибкам мы будем относить и отклонения от коммуникативно-функциональных свойств исходного текста, несоответствие авторской интенции оригинала, которая “*lies beyond the statement and between statements*” [Larose, 1998 Цит. 20. С. 8]. Учитывая, что мы не включаем в корпус переводы, выполненные в рамках реализации какой-либо прагматической сверхзадачи (например, реферативные переводы), мы будем исходить из общих требований адекватности и

эквивалентности перевода как отправных пунктов при оценке качества текста в целом.

2) Максимально подробное описание ошибки, **возможность добавления нескольких тэгов** к ошибке с одним идентификатором. Мы пришли к выводу, что требование логической непротиворечивости классификации, отсутствия пересекающихся классов не только не является благом в нашем случае, но и трудноприменимо на практике. Во-первых, мы заинтересованы в как можно более детальном описании ошибок – чем больше тэгов назначает рецензент, тем информативнее разметка. Поиск в таком корпусе можно осуществлять по произвольному набору тэгов, а сортировка результатов будет проводиться в зависимости от интересов исследователя. Во-вторых, существует диалектика формы и содержания – языковая по своему генезису ошибка (незнание лексического значения слова ПЯ) может привести к нарушению смысла, или смысловая ошибка может возникнуть из-за неудачного синтаксического устройства предложения.

3) Внутри основных классов выделяются **технологические переводческие ошибки**, описывающие нарушения процесса перевода (вольности и буквализмы), и степень отклонения от содержания оригинала (искажения, неточности, неясности), а также такие небинарные ошибки как «многословность», «неудачная формулировка».

4) Возможность добавлять **индивидуальное описание** ошибки (иное/комментарий/*user-defined error*). **Как бы подробно мы не описали** возможные недостатки перевода, надо дать разметчику возможность прокомментировать предложенный студентом вариант перевода. Это сделает систему более гибкой, а обратную связь более содержательной.

5) При невозможности определить тип ошибки следует относить ошибку **к более крупной классификационной группе** и/или **определять ее тип «по последствиям»**, как предлагает Д. М. Бузаджи.

6) Возможность описания **нескольких ошибок, относящихся к одному элементу текста**. Каждой ошибке присваивается уникальный идентификатор, позволяющий исключить двойной учет, помеченной разными тэгами ошибки, а также не учет двух ошибок, относящихся к одному линейному отрезку.

7) Принцип аннотации в корпусе предполагает маркирование ошибки специальными открывающими и закрывающими тэгами, которые отмечают начало и конец ошибки, поэтому все виды оши-

бок привязываются **к конкретному линейному фрагменту перевода**. Это не означает, что классификация не учитывает «нелинейные несоответствия», на важность учета которых указывает В. В. Сдобников, такие как «несоответствие коммуникативной интенции автора оригинала, искажение коммуникативного намерения автора» [5]. Речь идет о том, что эти несоответствия должны быть «привязаны» к определенному фрагменту перевода.

8) Разметка предназначается, прежде всего, для выделения и описания ошибок, поэтому **степень грубости ошибки настраивается индивидуально** для каждого текста, исходя из этапа обучения, переводческого задания, т.е. не является жестко заданной, хотя возможно создание «усредненной» дефолтной системы назначения «весов».

5. Классификация

Попытаемся представить подклассы в рамках выделенных трёх категорий.

1. Смысловые ошибки.

Традиционно мы используем градацию по степени дезинформирующего воздействия, как она описана у Латышева, и считаем возможным ее здесь сохранить.

- 1.1. Искажения
- 1.2. Неточности
- 1.3. Неясности

Далее в каждой из этих групп можно предложить рецензенту детализировать вид содержательного несоответствия по его причине:

- 1.4. Немотивированные добавления
- 1.5. Отсутствие учета различий в экстралингвистических ситуациях
- 1.6. Непереведенные единицы, подлежащие переводу
- 1.7. Пропуск релевантной информации
- 1.8. «Ложные друзья переводчика»
- 1.9. Нарушение общей, предметной, текстовой логики
- 1.10. Отсутствие учета импликаций
- 1.11. Неадекватно переведенные единицы мер и весов
- 1.12. Искажение авторской интенции (оценки)
- 1.13. Вольность
- 1.14. Буквализм
- 1.15. Неудачная формулировка
- 1.16. Наличие нескольких вариантов перевода

1.17. Ненужные комментарии переводчика

1.18. Иное/комментарий

Принцип иерархии реализуется в том, что при описании ошибки в терминах третьего уровня автоматически сохраняется ее атрибуция к более крупным классам, т.е. получается следующее описание «смысловая – искажение – отсутствие учета импликаций».

2. Языковые ошибки

Это ошибки, не оказывающие влияния на понимание содержания текста, но существенно влияющие на его восприятие, в связи с тем, что реципиент вынужден отвлекаться на форму (когда это не запланировано в функциях текста). Эту категорию мы предлагаем структурировать по языковым уровням, к которым принадлежит неправильно переведенная единица, включая стилистический уровень.

2.1. Лексические ошибки

2.1.1. Сочетаемость

2.1.2. Тавтология

2.1.3. Паронимы

2.1.4. Ошибки в переводе собственных имен, не ведущие к смысловым потерям

2.1.5. Все терминологические ошибки (т. е. ее неединообразность)

2.1.6. Неузуальность

2.1.7. Иное/комментарий

2.2. Грамматические ошибки

Учитывая различия в грамматических структурах русского и английского языков и сложность однозначного отнесения некоторых ошибок к морфологии или синтаксису, а также важность и частотность синтаксических ошибок, мы увеличиваем глубину классификации, выделяя класс грамматических ошибок с делением на морфологию и синтаксис, и далее – конкретные виды ошибок. Например, как классифицировать ошибки «*сотрудник в Скотлэнд Ярде*» и «*показания по делу, связанного с...*»? Это ошибки в формах синтаксической связи (соответственно - в управлении и согласовании), с другой стороны, ошибка в согласовании может быть классифицирована как морфологическая – неправильный выбор падежной формы. В любом случае, такие ошибки автоматически должны попадать в общий класс грамматических ошибок.

2.2.1. Морфологические ошибки

2.2.1.2. Неправильное согласование, управление

- 2.2.1.3. Неправильная морфологическая форма слова
- 2.2.1.4. Иное/комментарий
- 2.2.2. Синтаксические ошибки
  - 2.2.2.2. Порядок слов
  - 2.2.2.3. Несогласованность предложения (в т. ч. неправильная передача причинно-следственной связи, пропуск предиката или его части)
  - 2.2.2.4. Неправильная организация темо-рематического членения
  - 2.2.2.5. Иное/комментарий
- 2.3. Стилистические ошибки
  - 2.3.1. Функционально-стилистические
    - 2.3.1.1. Стилистическая неоднородность (смешение стилей)
    - 2.3.1.2. Неуместное использование диалектов и вариантов ПЯ
    - 2.3.1.3. Нарушение конвенций для данного типа текста (узуса)
  - 2.3.2. Экспрессивно-стилистические
    - 2.3.2.1. Отсутствие учета коннотативных значений исходных единиц
    - 2.3.2.2. Ошибки при переводе фигур речи
    - 2.3.2.3. Иное/комментарий
- 2.4. Орфография (включая использование заглавных букв вместо строчных)
- 2.5. Пунктуация
- 2.6. Ошибки оформления (верстка текста)

Спорным может показаться деление ошибок на языковые и оформительские (или ошибки редактирования – *technical accuracy*). Эти ошибки могут быть не актуальны для переводоведческих исследований, их наличие может наглядно не отражаться в корпусе, но они должны отмечаться при работе с конкретными студенческими переводами в классе, т.е. быть предусмотрены в графическом интерфейсе для преподавателя письменного перевода. Основанием для их разграничения может стать критерий формальности.

  - 2.6.1. Неоднородность графического выделения/его несоответствие оригиналу
  - 2.6.2. Точки в заголовках
  - 2.6.3. Выравнивание
  - 2.6.4. Оформление списков, таблиц, оглавлений
  - 2.6.5. Красная строка
  - 2.6.6. Пробелы висячие строки
  - 2.6.7. «скачущие» шрифты

2.6.8. Подписи к графическим объектам

2.6.9. Иное/комментарий

3. Удачное переводческое решение

Таким образом, наша классификация позволяет описывать ошибки, во-первых, по их отнесенности к плану содержания или выражения (при всей условности этого деления и возможности сочетания этих двух категорий, их непротивопоставленности), во-вторых, в группе смысловых ошибок - по степени их дезинформирующего воздействия и далее по их причине, отражающей различные переводческие компетенции, а в группе языковых ошибок по уровню языка. Кроме того, классификация учитывает ошибки в верстке текста, которые не так важны в корпусе и переводоведческих исследованиях, но должны быть учтены как «требования реального мира» при проверке студенческих переводов в классе. В связи с тем, что классификация во многом ориентирована на методическое применение, немаловажным представляется выделение удачных переводческих решений.

Описанная выше классификация, хотя и основана на личном опыте автора, не прошла апробирования и является теоретическим, умозрительным построением, которое, наверняка будет модифицироваться с учетом результатов тестирования и возможностей технического воплощения.

Список литературы

1. Бузаджи, Д. М. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д. М. Бузаджи, В. В. Гусев, В. К. Ланчиков, Д. В. Псурцев. М. : Всерос. центр переводов, 2009. 88 с.
2. Гарбовский, Н. К. Теория перевода: учеб. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высш. шк., 1990. 253 с.
4. Латышев, Л. К. Перевод: теория, практика и методика преподавания / Л. К. Латышев, А. Л.

List of literature

1. Buzadzhi, D. M. Novyj vzgljad na klassifikaciju perevodcheskih oshibok / D. M. Buzadzhi, V. V. Gusev, V. K. Lanchikov, D. V. Psurcev. M. : Vseros. centr perevodov, 2009. 88 s.
2. Garbovskij, N. K. Teorija perevoda: ucheb. M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. 544 s.
3. Komissarov, V. N. Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty). M. : Vyssh. shk., 1990. 253 s.
4. Latyshev, L. K. Perevod: teorija, praktika i metodika преподавания / L. K. Latyshev, A. L.

- Семенов. М. : Академия, 2003. 192 с.
5. Сдобников, В. В. Переводческие несоответствия»: коммуникативно-функциональный подход // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 5. Воронеж : ВГУ, 2007.
6. Соснина, Е. П. Анализ переводческих ошибок на базе и с использованием корпуса текстов// Проблемы теории, практики и методики перевода: материалы 1-й международной научной конференции. Нижний Новгород : ГОУ НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2007. С. 36–38.
7. Соснина, Е. П. О разработке и использовании российского учебного корпуса переводов // Корпусная лингвистика – 2006: тр. междунар. конф. СПбГУ, 2006. С. 365–373.
8. Степанова, М. М. Анализ переводческих ошибок в подготовке преподавателей перевода // Дидактика перевода: материалы науч. конф. / под ред. проф. В. Н. Базылева. М., 2010. 96 с.
9. DipTrans. URL: <http://www.iol.org.uk/qualifications/DipTrans/DipTransHandbook.pdf>
10. Hatim, B. The translator as communicator / B. Hatim B., I. Mason. London : Routledge, 1997. 244 p.
11. House, J. Translation Quality Assessment: Linguistic Description versus Social Evaluation //
- Semenov. M. : Akademija, 2003. 192 s.
5. Sdobnikov, V. V. Perevodcheskie nesootvetstvija»: kommunikativno-funkcional'nyj podhod // Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda. Vyp. 5. Voronezh : VGU, 2007.
6. Sosnina, E. P. Analiz perevodcheskih oshibok na baze i s ispol'zovaniem korpusa tekstov// Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda: materialy 1-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Nizhnij Novgorod : GOU NGLU im. N. A. Dobroljubova, 2007. S. 36–38.
7. Sosnina, E. P. O razrabotke i ispol'zovanii rossijskogo uchebnogo korpusa perevodov // Korpusnaja lingvistika – 2006: tr. mezhdunar. konf. SpbGU, 2006. S. 365–373.
8. Stepanova, M. M. Analiz perevodcheskih oshibok v podgotovke prepodavatelej perevoda // Didaktika perevoda: materialy nauch. konf. / pod red. prof. V. N. Bazyleva. M., 2010. 96 s.
9. DipTrans. URL: <http://www.iol.org.uk/qualifications/DipTrans/DipTransHandbook.pdf>
10. Hatim, B. The translator as communicator / B. Hatim B., I. Mason. London : Routledge, 1997. 244 p.
11. House, J. Translation Quality Assessment: Linguistic Description versus Social Evaluation //

- Meta. 2001. № 46 (2). P. 244–257.
12. Macklovitch, E. Term-spotting with TransCheck: A Capital Idea / E. Macklovitch, G. Lapalme, N. Chan. URL: <http://rali.iro.umontreal.ca/rali/sites/default/files/publis/TermSpotting-TLS09-final.pdf>
13. Nord, C. Text Analysis in Translator Training. Amsterdam et Philadelphie, John Benjamins, 1992. 274 p.
14. Papineni et al. BLEU: a Method for Automatic Evaluation of Machine Translation. URL: <http://acl.ldc.upenn.edu/P/P02/P02-1040.pdf>
15. Pym, A. Translation error analysis and the interface with language teaching//The Teaching of Translation, Ed. Cay Dollerup & Anne Loddegaard. Amsterdam : John Benjamins, 1992. P. 279–288.
16. Schutz, J. Evaluating Language Technologies: The MULTIDOC. URL: <http://www.iai-sb.de/docs/amta98-lncs.pdf>
17. Secară, A. Translation Evaluation: a State of the Art Survey. Centre for Translation Studies, University of Leeds. URL: <http://www.leeds.ac.uk/cts/research/publications/leeds-cts-2005-03-secara.pdf>
18. Sosnina, E. Russian Translation Learner Corpus: The First Insights The proceedings of the 6 international scientific conference «Interactive systems: problems of human-computer interaction». Ulyanovsk: USTU, 2005.
- Meta. 2001. № 46 (2). P. 244–257.
12. Macklovitch, E. Term-spotting with TransCheck: A Capital Idea / E. Macklovitch, G. Lapalme, N. Chan. URL: <http://rali.iro.umontreal.ca/rali/sites/default/files/publis/TermSpotting-TLS09-final.pdf>
13. Nord, C. Text Analysis in Translator Training. Amsterdam et Philadelphie, John Benjamins, 1992. 274 p.
14. Papineni et al. BLEU: a Method for Automatic Evaluation of Machine Translation. URL: <http://acl.ldc.upenn.edu/P/P02/P02-1040.pdf>
15. Pym, A. Translation error analysis and the interface with language teaching//The Teaching of Translation, Ed. Cay Dollerup & Anne Loddegaard. Amsterdam : John Benjamins, 1992. P. 279–288.
16. Schutz, J. Evaluating Language Technologies: The MULTIDOC. URL: <http://www.iai-sb.de/docs/amta98-lncs.pdf>
17. Secară, A. Translation Evaluation: a State of the Art Survey. Centre for Translation Studies, University of Leeds. URL: <http://www.leeds.ac.uk/cts/research/publications/leeds-cts-2005-03-secara.pdf>
18. Sosnina, E. Russian Translation Learner Corpus: The First Insights The proceedings of the 6 international scientific conference «Interactive systems: problems of human-computer interaction». Ulyanovsk: USTU, 2005.

19. Waddington, C. Different Methods of Evaluating Student Translations: the Question of Validity // *Meta*. 2001. № 46 (2). P. 312–325.

20. Williams, M. Translation Quality Assessment // *Mutatis Mutandis*. Vol 2. № 1. 2009. P. 3–23.

19. Waddington, C. Different Methods of Evaluating Student Translations: the Question of Validity // *Meta*. 2001. № 46 (2). P. 312–325.

20. Williams, M. Translation Quality Assessment // *Mutatis Mutandis*. Vol 2. № 1. 2009. P. 3–23.

УДК 811

ОСОБЕННОСТИ ЭПОНИМНЫХ ТЕРМИНОВ В НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БИОНИКИ

Т. Н. Шарапова

В статье рассматриваются эпонимные термины в немецкой терминологии бионики с позиции социолингвистики. Автором выявляются основные группы понятий, в номинации которых они участвуют, а также проводится их формально-структурный анализ.

Ключевые слова: эпоним, терминология, бионика, структурный анализ.

Среди терминологических единиц, функционирующих в бионике, науке изучающей особенности строения и жизнедеятельности живых организмов с целью создания новых приборов, механизмов, совершенствования уже ранее существующих, особое место занимают эпонимные термины, представляющие определенные трудности при их декодировании. Анализ литературы по бионике на немецком языке показывает, что наблюдается тенденция к широкому использованию данных терминологических единиц, специфические черты которых не снижают их возможностей фиксировать, хранить и передавать научно-техническую информацию.

Возросший интерес к терминологии, а значит и к собственным именам как терминам и компонентам терминов, способствовал появлению новой научной дисциплины **терминологической ономастики** (перевод Н. В. Васильевой немецкого термина **Fachspracheonomastik**), возникшей в конце 80-х годов XX столетия [1. С. 185]. Она исследует происхождение, структуру и функции имен собственных, включенных в профессиональную коммуникацию.

Круг проблем, исследуемых терминологической ономастикой, широк и включает в себя определение состава эпонимных терминов и их основных свойств, структурно-семантическую характеристику, определение их лингвистической сущности, общих и специфических черт эпонимных терминов, выявление и описание основных моделей, по которым созданы эти единицы, определение происхождения каждого конкретного термина, основные тенденции в форми-

ровании эпонимных терминов и многое другое [2. С. 13]. В результате исследования мы пришли к выводу, что **эпоним** – это не просто имя собственное в составе термина или терминологического сочетания, а терминологическая единица, образованная от имени ученого, внесшего свой вклад в развитие той или иной области науки и техники. В свою очередь, **эпонимные термины** – это термины, которые образованы от эпонимов или с их участием.

Посредством проведенного социолингвистического исследования выборки немецких терминов бионики нам удалось установить время и условия появления целого ряда понятий, выраженных в немецком языке эпонимными терминами, которые, в свою очередь, являются отражением реально существующих явлений, соотнесенных с понятиями изучаемой профессиональной сферы.

Так, например, в 1842 г. профессор Венского университета Кристиан Доплер (Christian Doppler) теоретически обосновал зависимость частоты колебаний, воспринимаемых наблюдателем, от скорости и направления движения источника волн и наблюдателя относительно друг друга. Этот факт послужил основой для появления термина **Doppler-Prinzip** *m* ~ *принцип Доплера*, который нашёл широкое применения в самых разнообразных областях бионики: *бионике механизма, бионике движения, бионике процесса*, вследствие чего появился продукт бионического исследования **Korrelation-Doppler-Radar** *m* ~ *корреляционно-доплеровская радиолокационная станция* [3. С. 92].

Интересно возникновение термина **Watson-Crick-Modell** *n* ~ *модель Уотсона–Крика*. Американский биохимик, специалист в области молекулярной биологии Д. Уотсон совместно с Ф. Криком построил в 1953 г. модель трехмерной структуры ДНК, которая позволила объяснить, как происходит репликация ДНК при делении клетки, что положило начало изучению процесса передачи генетической информации при синтезе белка [4. С. 66].

В 1873 г. Я. Д. Ван-дер-Ваальсом был проведён учёт *межмолекулярных сил* ~ **zwischenmolekularen Kräften**, необходимых для объяснения свойств реальных газов и жидкостей, которые впоследствии стали называться в честь учёного **Van-der-Waals-Kräfte** *pl.* или **Van-der-Waals-Wechselwirkungen** *pl.* ~ *Ван-дер-ваальсовы силы*.

В 40-х гг. XX века известный польский математик Станислав Улам, по иронии судьбы, борясь с вынужденным бездельем во время выздоровления после болезни, раскладывая пасьянсы, задался вопросом, какова вероятность того, что пасьянс «сложится». Ему в

голову пришла идея, что вместо того, чтобы использовать обычные для подобных задач соображения комбинаторики, можно просто поставить «эксперимент» большое число раз и, таким образом, подсчитав число удачных исходов, оценить их вероятность. Таким образом, он открывает некий метод *моделирования поведения динамической системы*, иначе говоря, стохастический (случайный) подход для аппроксимации многомерных интегралов в уравнениях переноса, возникающих в связи с задачей о движении нейтрона в изотропной среде. Только после многолетних исследований с применением данного подхода Улам в 1949 г. именуется его как **Monte Carlo method** ~ *метод Монте-Карло (метод аппроксимации Монте-Карло)* – в честь города в княжестве Монако, широко известного своими многочисленными казино, поскольку именно рулетка является одним из самых широко известных генераторов случайных чисел. Топонимический термин **Monte-Carlo-Methode** f вошел в немецкую терминосистему бионики путем прямого лексического заимствования, при котором из английского языка были взяты и материальная форма (графическая), и значение слова-прототипа [З. С. 38].

Исследование немецких эпонимных терминов бионики в количестве 137 терминологических единиц (4,3% от рассматриваемой выборки общим объемом 3215 единицы) позволило выявить основные группы понятий, в номинации которых они участвуют. Это законы, уравнения, величины; эффекты и явления; устройства и модели; принципы.

Первая группа **законов, уравнений и величин** представлена в немецкой терминологии бионики 46 единицами, что составляет 33,6% от общего количества эпонимных терминов изучаемой дисциплины, например: **Nernstsche Gleichung** f ~ *уравнение Нернста*; **Van der Waalssche Gleichung** f ~ *уравнение Ван-дер-Ваальса*; **Hodgkin – Huxley-Gleichung** f ~ *уравнение Ходжкина-Хаксли*; **Schrödinger Gleichung** f ~ *уравнение Шрёдингера*; **Stevens-Gesetz** n ~ *закон Стивенса*; **Grassmannsche Gesetze** ~ *законы Грассмана (по акустике и цветоведению)*; **Taftscher Parametr** m ~ *параметр Тафта*; – **Fechnersches Gesetz** n ~ *закон Вебера-Фехнера* и др.

Вторая группа **эффектов и методов** занимает второе место и насчитывает 37 примеров, т. е. 27% от количества эпонимных терминов анализируемой терминологии, например: **Hall - Effekt** m ~ *эффект Холла*; **Johnson - Effekt** m ~ *эффект Джонсона, тепловой флюктуационный эффект*; **Hartree – Fock – Methode** f ~ *метод*

Хартри-Фока; **Heitler-London-Methode** *f* ~ метод валентных связей, метод Гайтлера-Лондона; **Voltage-clamp-Methode** *f* ~ метод фиксации напряжения и др.

Третью группу устройств и моделей составляют 28 эпонимных терминов, что составляет 20,4% от общего количества подобных терминологических единиц в подязыке бионики, например: **Korrelations-Doppler-Radar** *t* ~ корреляционно-доплеровская радиолокационная станция; **Turing – Maschine** *f* ~ машина Тьюринга; **Watson-Crick-Modell** *n* ~ модель Уотсона – Крика; **Hall-Sensor m**, **Hall-Geber** *t* ~ датчик Холла ; **Watson – Crick - Modell** *n* ~ модель Уотсона – Крика (модель пространственной структуры ДНК) и др.

В последнюю группу принципов исследования входят 26 терминологических единиц, т. е. 18,9% от всех эпонимных терминов бионики: **Pauli-Prinzip** *n* ~ принцип Паули; **Hartree-Fock-Prinzip** *n* ~ принцип Хартри-Фока; **Venturi-Prinzip** *n* ~ принцип Вентури и т.д.

Структурный анализ немецких эпонимных терминов бионики общим объемом 137 терминологических единиц позволил нам выделить следующие группы данных терминов:

1) **Простые** (непроизводные, или коренные) эпонимные термины, под которыми принято понимать однословные термины, основа которых совпадает с корнем, создаются семантическим способом терминообразования: имя собственное, не меняя формы, переходит в разряд имени нарицательного и получает специальное значение. Данная группа немногочисленна и составляет 7 терминологических единиц, что составляет 5,1% от всего количества эпонимных терминов бионики. Примерами могут послужить термины, обозначающие единицы измерения информации: **Shannon** - шеннон и **Hartly** – хартли, образованные по имени американского инженера и математика К.Э. Шеннона и английского ученого Д. Р. Хартли.

2) **Производные** (аффиксальные) эпонимные термины, которые образованы морфологическим способом. Исследование показало, что аффиксальные эпонимные термины не являются продуктивными в изучаемой терминологии, поскольку данная группа состоит лишь из 1 примера (0,7% от всего числа эпонимных терминов), например, **Galvanismus** ~ гальванизм.

3) **Сложные** эпонимные термины созданы морфолого-синтаксическим способом – посредством словосложения. Исследование структуры сложных эпонимных терминов бионики показало, что в качестве элемента они включают в себя один, два и более имен соб-

ственных. Семантический анализ сложных эпонимных терминов позволил нам определить, что данные термины служат для обозначения устройств, приборов и явлений. Эта группа насчитывает 12 терминологических единиц, т.е. 8,8% от общего количества эпонимных терминов бионики, например: **Amperemeter** *m* ~ *амперметр*; **Webermeter** *m* ~ *веберметр*; **Voltampereometer** *m* ~ *вольтамперметр* и др.

4) **Терминологические сочетания** (ТС), под которыми мы понимаем раздельнооформленные, семантически целостные сочетания, образованные путем соединения не менее двух компонентов. Данная группа представлена самым значительным количеством образований и составляет 108 терминологических единиц (78,8% от общего числа эпонимных терминов бионики). Наиболее распространенным видом ТС оказались *двухкомпонентные эпонимные ТС*. Они представлены 81 единицей, что составляет 75% от всех ТС и 59,1 % от общего числа эпонимных терминов изучаемой отрасли. Для эпонимных двухкомпонентных ТС бионики характерно преобладание атрибутивных словосочетаний с именем существительным, выраженным именем собственным, выполняющим функцию препозитивного определения. Структурными формулами таких словосочетаний являются $Nэ - N$, $Aэ N$ и $Nэ's N$, где *Aэ* означает прилагательное, образованное от эпонима, *N* – имя существительное, *Nэ* – имя существительное, выраженное эпонимом. *S* – интеркомпонентная связь в терминологических сочетаниях данного типа, которая является особым, частицеобразным показателем родительного падежа эпонима, например: **Pauli-Prinzip** *n* ~ *принцип Паули*; **Seebeck-Effekt** *m* ~ *эффект Зеебека*; **Reynoldssche Zahl** *f* ~ *критерий (число) Рейнольдса*; **Markoffscher Prozeß** *m* ~ *марковский процесс, процесс Маркова*; **Wechsler Intelligenztest** *m* ~ *тест Векслера (тест исследования интеллекта)*; **Bloch'sches Gesetz** *n* ~ *закон Блоха*; **Fitts'sches Gesetz** *n* ~ *закон Фиттса* и др.

Среди *трехкомпонентных эпонимных ТС* (27 единиц, то есть 25% от общего числа ТС и 19,7% от общего количества эпонимных терминов бионики) наиболее распространенными оказались следующие модели: $Nэ - Nэ- N$ и $Nэ-NэN$, к примеру: **Michaelis-Menten-Theorie** *f* ~ *теория Михаэлиса – Ментен*; **Hartree-Fock-Methode** *f* ~ *метод Хартри-Фока*; **Hick-Hymansches Gesetz** *m* ~ *закон Хика*; **Frank-Read-Quelle** *f* ~ *источник Франка – Рида* **Heitler-London-Methode** *f* ~ *метод валентных связей, метод Гайтлера-Лондона* и др.

5) В то же время увеличение длины многокомпонентных терминологических сочетаний приводит к распространению такого спосо-

ба терминообразования, как **аббревиация**. Данная группа представлена в изучаемой терминологии инициальными аббревиатурами в количестве 9 единиц, что составляет 6,6% от общего числа эпонимных терминов анализируемой отрасли, например, **FDS** < **Fermi-Dirac-Statistik** *f* ~ статистика Ферми-Дирака; **BBN** < **Backus-Naur-Notation** *f* ~ формула Бэкуса-Наура; **AS** < **Amthauer Strukturtest** *m* ~ тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра и др.

Подводя итог вышесказанному, представим полученные данные в виде таблицы.

Таблица 1

**Структурные особенности эпонимных терминов бионики
в немецком языке**

Тип эпонимного термина	Кол-во	% от общего количества эпонимных терминов
I. Простые эпонимные термины	7	5,1%
II. Производные эпонимные термины	1	0,7%
III. Сложные эпонимные термины	12	8,8%
IV. Терминологические сочетания	108	78,8%
1) двухкомпонентные	81	59,1%
2) трехкомпонентные	27	19,7%
V. Сокращения (инициальные аббревиатуры)	9	6,6%
ИТОГО	137	100%

Согласно полученным данным, приведенным выше, наибольшее количество эпонимных терминов участвует в номинации таких понятий, как уравнения, законы, величины, эффекты, методы. Меньшее количество данных терминоединиц входит группу принципов.

Анализ немецких эпонимных терминов бионики позволяет оценить роль имен собственных в качестве потенциального источника формирования терминов и номенклатурных единиц. Мы выявили, что имена собственные способствуют обогащению анализируемой терминологии, поскольку являются одним из продуктивных и активно используемых источников ее пополнения.

Список литературы

1. Васильева, Н. В. Терминологическая ономастика: рец. на кн. Rosemarie Glaser (Hrsg.) Eigennamen in der Fachkommunikation // Терминоведение. 1997. № 1–3. С. 185–188.
2. Вахрамеева, В. В. Эпонимные термины в **английских подъязы-**ках науки и техники: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2003. 144 с.
3. Zerbst, E. W. Bionik. Biologische Funktionsprinzipien und ihre technischen Anwendungen. Stuttgart : BG Teubner, 1987. 231 S.
4. Rüter, M. Bionik: Wissen leicht gemacht. München : Compact Verlag, 2008. 128 s.
5. Forth, E. Meyers Taschenlexikon Bionik / E. Forth, E. Schewitzer. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1998. 376 s.

List of literature

1. Vasil'eva, N. V. Terminologicheskaja onomastika: rec. na kn. Rosemarie Glaser (Hrsg.) Eigennamen in der Fachkommunikation // Terminovedenie. 1997. № 1–3. S. 185–188.
2. Vahrameeva, V. V. Jeponimnye terminy v anglijskih pod#jazykah nauki i tehnik: dis. ... kand. filol. nauk. Omsk, 2003. 144 s.
3. Zerbst, E. W. Bionik. Biologische Funktionsprinzipien und ihre technischen Anwendungen. Stuttgart : BG Teubner, 1987. 231 S.
4. Rüter, M. Bionik: Wissen leicht gemacht. München : Compact Verlag, 2008. 128 s.
5. Forth, E. Meyers Taschenlexikon Bionik / E. Forth, E. Schewitzer. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1998. 376 s.

УДК 811

**СТРУКТУРНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ
АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАННЫХ ТЕРМИНОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНТЕРНЕТА)**

М. С. Шумайлова

В статье рассматривается проблема структурной ассимиляции заимствованных из английского языка терминов Интернета в немецком языке. С этой целью осуществляется классификация английских терминологических заимствований с точки зрения их словообразовательной структуры.

Ключевые слова: терминология Интернета, заимствование, ассимиляция.

Одним из аспектов английского заимствования является структурная ассимиляция заимствованных терминов в немецкой терминологии Интернета.

Номинация на современном этапе развития национальных языков приобретает комплексный характер, что отражается в необходимости использования лексических заимствований для создания адекватных номинативных единиц, с одной стороны, и в образовании многокомпонентных терминологических сочетаний, с другой стороны. Изучением подобных явлений занимается словообразование. Под словообразованием в данной статье понимается сфера языка, где новые слова возникают морфематически – путем аффиксации, словосложения или же изменения морфолого-синтаксических свойств слова [1].

В английском и немецком языках имеются сходные по морфологическому строению термины: простые, производные или дериваты, сложные или композиты и сложносокращенные или аббревиатуры, как результат аналогичных способов словообразования.

В составленной автором выборке имеется 2007 заимствованных из английского языка терминов (далее АЗ). С точки зрения формальной словообразовательной структуры они представляют собой: 1) простые АЗ-термины; 2) АЗ-композиты (сложные термины); 3) АЗ – терминологические сочетания (устойчивые терминологические комплексы); 4) АЗ-аббревиатуры; 5) АЗ-дериваты.

Под *простым термином* понимается корневое слово, с которым в германистике соотносится понятие неприпроизводности, умышленно опускаемое в рамках данного раздела, поскольку проблема английского заимствования рассматривается в плане синхронии. Использование же понятия неприпроизводности не совсем уместно, в виду того, что посредством диахронического анализа может быть раскрыта производность слов, относимых к корневым. Корневые АЗ представляют собой самую малочисленную группу заимствований в немецкой терминологии Интернета (2,4 % от общего количества терминологических АЗ), например: **Access** ~ доступ, **Batch** ~ группа; пакет; команда, **Bus** ~ шина; магистраль; канал, **Cache** ~ сверхоперативная память, кэш, **Chat** ~ чат, клуб интерактивного общения, **Hack** ~ незаконное получение доступа к компьютерным данным, **Link** ~ ссылка, указатель, **Loop** ~ шлейф; канал, линия связи, **Mail** ~ электронное сообщение. Все указанные термины цельнооформленны вне зависимости от их исходной структуры. Грамматические значения данных терминов (прежде всего падежные) в основном передаются склоняемым артиклем, так что основа не присоединяет падежных окончаний, выступая в «нулевой» форме.

Вторую группу английских заимствований в немецкой терминологии Интернета представляют АЗ-компози́ты. В современной германистике *компози́т*, или *сложное слово*, определяется как «образование, состоящее по крайней мере из двух или более слов» [2. С. 96]. АЗ-компози́ты представляют собой: 1) полностью заимствованные термины; 2) АЗ-компози́ты, содержащие помимо англоязычной основы интернациональный компонент; 3) АЗ-компози́ты, в состав которых входит немецкий компонент, так называемые межъязыковые гибриды, которые целесообразно рассматривать не с точки зрения структурной ассимиляции, а семантической [3].

Группа полностью заимствованных терминов представлена следующими компози́тами: **Account-File** ~ учетный файл, **Applet-Viewer** ~ прикладная программа просмотра, **Bannerkiller** ~ программа уничтожения баннерной рекламы, **Chipcard** ~ плата для интегральных схем, **Gamertag** ~ фиктивное имя игрока, **Keyword** ~ ключевое слово; ключ; дескриптор, **Netdrive** ~ сетевой запуск; сетевая передача, **Network** ~ сеть, сетевой график. Данная группа терминов немногочисленна и составляет 6 % от общего количества английских заимствований.

Следующую группу составляют АЗ-термины, имеющие в своем составе интернациональный компонент: **Applikation-Sharing** ~ коллективное (совместное) использование приложений, **Benchmark-**

Paket ~ *тестовый пакет*, **Code-Segment** ~ *кодовый сегмент*, **Nano-Site** ~ *наносайт*, **Privatkode** ~ *код личного доступа*, **Download-Prozess** ~ *процесс загрузки; процесс пересылки файла из удаленного компьютера*, **Kollisionsphase** ~ *фаза конфликта; фаза коллизии*, **Kommunikationsroutine** ~ *коммуникационная подпрограмма*, **Satellitennavigation** ~ *спутниковая навигация* и другие. Под интернациональным компонентом понимается термин или отдельный терминологический элемент, функционирующий в трех и более языках [4]. Иногда в таких терминах интернациональный компонент приводится в соответствии с правилами немецкой орфографии, например: **Kode** (англ. **code**), **Prozess** (англ. **process**), **Kollision** (англ. **collision**). Данные факты субституции англоязычно оформленного интернационализма его немецким аналогом можно считать признаками ассимиляции АЗ. Примеры данного типа терминов в немецком языке также немногочисленны (2,8 % от общего количества заимствованных терминов).

Группа АЗ – *устойчивые словесные комплексы* состоит из двух подгрупп: 1) атрибутивные словосочетания и 2) многокомпонентные терминологические сочетания. Атрибутивные словосочетания состоят из определения и определяемого слова, могут быть связными и свободными. Под связным терминологическим сочетанием понимается устойчивое терминологическое сочетание, в котором невозможна субституция составляющих его элементов без нарушения семантической целостности всего сочетания [3. С. 40], например: **Blue Screen** ~ *голубой экран (фоновая заставка, на которой показываются грубейшие ошибки операционной системы)*, **Dedicated Line** ~ *выделенная линия*, **Digitale Signatur** ~ *электронная подпись*. Внутри свободного атрибутивного терминологического сочетания возможна синонимическая субституция первого компонента с сохранением семантической целостности всего сочетания, например: **Electronic Cash – Digital Cash** ~ *электронная валюта, электронные средства оплаты*, **Electronic Book – Digital Book** ~ *электронная книга*. Интересен тот факт, что в английском терминообразовании данный тип считается одним из самых продуктивных, однако выборка АЗ-терминов Интернета содержит только 8 подобных терминологических сочетаний.

Многокомпонентные терминологические сочетания, состоящие из трех и более компонентов, также представлены небольшим количеством терминологических АЗ (0,3 % от общего количества АЗ-терминов). Эти термины оформлены раздельно, но представляют собой целостные номинативные единицы, например: **Data Grid Vir-**

tual File Driver ~ виртуальный файловый драйвер сетевых данных, **Internet Protocol Address** ~ адрес протокола Интернет, **Computer Aided Design** ~ компьютерный дизайн, компьютерное конструирование и другие. В. М. Лейчик полагает, что названия-словосочетания, многословные названия появляются в тех случаях, когда предметы и явления обозначаются одновременно по нескольким признакам [5. С. 85]. К немецкой терминологии Интернета данное утверждение отнести нельзя. Видимо, это связано с тем, что большинство многокомпонентных заимствований, приходящих в немецкий язык подвергаются лексико-семантической ассимиляции, образуя кальки или гибриды.

Самая репрезентативная группа в рамках англо-американских заимствованных терминов – *аббревиатуры* (69 % от общего числа АЗ). Для современной терминологической лексики особенно характерно стремление к сокращению сложных терминов и терминологических сочетаний в целях рационализации научного языка, например: **Ad-Server** < **Advertising Server** ~ рекламный сервер, **DARPA** < **Defense Advanced Research Projects Agency** ~ Агентство перспективных исследований МО США, **HAT** < **Help Authoring Tool** ~ инструментарий для создания онлайн-помощи, **GVS** < **Group Videoconferencing System** ~ система групповых видеоконференций, **Sc** < **Scanner** ~ сканнер, **FTP-Server** < **File Transfer Protocol Server** ~ сервер протокола передачи данных, **WORM** < **Write Once Read Multiple** ~ компакт-диск с однократной записью и многократным считыванием, **A2A** < **Administration-to-Administration** ~ администрация к администрации (термин из области электронной коммерции, обозначающий деловые взаимоотношения между государственными учреждениями и органами государственного управления).

К группе АЗ-*дериватов* относятся 17,8 % АЗ-терминов. Данная группа представляет собой довольно значительный пласт заимствований в немецкой терминологии Интернета. В. И. Заботкина, описывая новую лексику современного английского языка, отмечает, что около половины всех аффиксальных новообразований относятся к сфере науки [6. С. 46]. Аффиксальные заимствования в немецкой терминологии Интернета представлены терминами, образованными с помощью суффиксов, префиксов, послелогов и наречий, например: **Micro-Site** ~ микросайт, **Makrovirus** ~ макровирус, **Pre-Print** ~ часть книги или статья сборника, напечатанная в Интернет без опубликования на бумажном носителе, **Reboot** ~ перезагрузка, **Refresh** ~ регенерация; обновление, **Offline** ~ автономный режим, **Online** ~ ин-

*тера*ктивный режим, **Outlook** ~ платная программа электронной почты; **Alignment** ~ выравнивание, юстировка, настройка, **Kollision** ~ конфликт, конфликтная ситуация, коллизия, **Option** ~ опция, необязательный параметр, дополнительные средства, **Community** ~ группа пользователей, объединенных общими интересами, ~ функция, свойство, техническая характеристика, **Broadcasting** ~ широковещательная передача, широкая рассылка, транслирование, **Browsing** ~ свободный просмотр и редактирование, **Server** ~ сервер, **Banner** ~ баннер, **Prozessor** ~ процессор, **Kursor** ~ курсор; ~ передача некоторых задач сторонним организациям, **Outsourcing** ~ привлечение соисполнителей, **Redirecting** ~ перенаправление; переадресация, **Remailer** ~ возврат электронной почты.

Отдельно хотелось бы остановиться на описании наречно-последлоговых АЗ. Некоторые АЗ-производные обнаруживают структуру, не имеющую аналога в немецком языке. Эти образования содержат в своем составе постпозитивные служебные морфемы – наречия или послелогои, которые в словаре лингвистических терминов определяются как служебные слова, выполняющие морфосинтаксическую функцию, соответствующую предлогу, но в отличие от последнего находящиеся в постпозиции [7. С. 341]. В. И. Заботкина, констатируя в современном английском языке тенденцию к образованию конвертируемых существительных от глаголов с послелогоми, отмечает, что основная масса конвертированных неологизмов ограничена в употреблении по профессиональному параметру [6. С. 34]. Термины, образованные по этой словообразовательной модели, заимствуются и немецкой терминологией Интернета. В немецкой терминологии Интернета выявлены следующие АЗ, имеющие в своем составе послелог или наречие: **Add-On** ~ дополнение, расширение, **Back-Up** ~ резервная копия; архивирование; копирование, **Dial-Up** ~ вызов по номеру, кодовый вызов, **Fan-In** ~ коэффициент разветвления по входу, **Fan-Out** ~ коэффициент разветвления по выходу, **Follow-Up** ~ дополнительное сообщение, новая информация, **Handover** ~ перемещение вызова, **Hangup** ~ неожиданный останов, «зависание», сигнал разъединения и другие. Кроме того, следует отметить, что данные комплексы могут служить базой для дальнейшего словообразования, например: **Back-up-Kapazität** ~ резервная емкость; емкость резервной памяти, **Back-up-System** ~ система резервного копирования; дублирующая система, **Dial-Up-Leitung** ~ коммутируемая линия; линия с вызовом по номеру, **Hot-Standby-Betriebsweise** ~ режим горячего резервирования, **Spill-**

Over-Effekt ~ *побочный эффект, побочный результат*, **Standby-Modus** ~ *резервный режим*, **Tastatur-Layout** ~ *раскладка клавиатуры*.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что словообразовательные типы АЗ, функционирующих в немецкой терминологии Интернета, в целом соответствуют морфологической структуре исконных слов. Преобладают терминосочетания с интернациональным или немецким компонентом, который чаще всего находится в постпозиции.

Отмечается влияние английского словообразования на немецкое, причем английские термины являются проводниками не только английских, но и интернациональных аффиксов. В системе немецкого словообразования широко используется английская словообразовательная модель «*глагол + послелог или наречие*», в которой служебные морфемы находятся в постпозиции по отношению к термину-ядру, что несвойственно для немецкого языка.

Список литературы

1. Зеленецкий, А. Л. Теория немецкого языкознания / А. Л. Зеленецкий, О. В. Новожилова. М. : Академия, 2003. 400 с.
2. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen : Narr, 1995. 382 S.
3. Ткачёва, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. 200 с.
4. Гринёв, С. В. Введение в терминологию. М. : Московский лицей, 1993. 309 с.
5. Лейчик, В. М. Люди и слова. М. : Наука, 1982. 177 с.
6. Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. языка. М. : Высш. шк., 1989. 126 с.
7. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. Энциклопедия, 1966. 607 с.

List of literature

1. Zeleneckij, A. L. Teorija nemetskogo jazykoznanija / A. L. Zeleneckij, O. V. Novozhilova. M. : Akademija, 2003. 400 s.
2. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen : Narr, 1995. 382 S.
3. Tkachjova, L. B. Osnovnye zakonomernosti anglijskoj terminologii. Tomsk : Izd-vo Tom. unta, 1987. 200 s.
4. Grin'ov, S. V. Vvedenie v terminologiju. M. : Moskovskij licej, 1993. 309 s.
5. Lejchik, V. M. Ljudi i slova. M. : Nauka, 1982. 177 s.
6. Zabotkina, V. I. Novaja leksika sovremennogo anglijskogo jazyka : uceb. posobie dlja in-tov i fak. inostr. jazyka. M. : Vyssh.shk., 1989. 126 s.
7. Ahmanova, O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M. : Sov. Jenciklopedija, 1966. 607 s.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 81-139

ОБУЧЕНИЕ СТРАТЕГИЯМ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ В РАМКАХ КУРСА «ПРАКТИКА УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ»

М. А. Ананьина

Стратегии речевого поведения в англоязычной среде включают макростратегии маневрирования и реагирования. Обучение данным стратегиям связано с формированием дискурсивной и социокультурной компетенции студентов языковых вузов. На занятиях по практике устной и письменной речи рекомендуется использовать видео- и аудиоматериалы, активно вовлекать студентов в выполнении творческих заданий по составлению и проведению интервью с носителями английского языка.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, маневрирование, реагирование, дистанцирование, намёк, уклонение, техника поддержки собеседника, поддержание контакта при общении, практика устной и письменной речи.

Курс «Стратегии речевого поведения в англоязычной среде» включает восемь лекций, посвящённых различным проблемам англоязычной коммуникации: макростратегиям маневрирования и реагирования. Стратегии маневрирования включают стратегии дистанцирования, намёка, уклонения. Стратегии реагирования заключаются в техниках поддержки собеседника и поддержания контакта при общении [1; 2].

Данный курс содержит бесценный материал для обучения студентов Института лингвистики в рамках дисциплины «Практика устной и письменной речи». В нашем вузе производится обучение по направлению подготовки 050100.62 – Педагогическое образование профиля подготовки «Образование в области иностранного языка (английского)».

Цели и задачи курса «Практика устной и письменной речи» включают в себя формирование у студентов коммуникативной ком-

петенции, т. е. способности организовать свое речевое и неречевое поведение адекватно задачам общения. Данная цель многоаспектна и включает в себя формирование следующих компетенций:

- лингвистической: знания и системе и структуре языка и правилах его функционирования в процессе иноязычной коммуникации, языковой корректности
- дискурсивной: способности планировать и выстраивать речевое поведение, понимать и передавать информацию в связанных, логичных и аргументированных высказываниях
- социолингвистической: способность выбирать различные виды речемыслительной деятельности в соответствии с местом, временем, сферой общения, а также умение организовать педагогическое общение и учитывать конкретную педагогическую ситуацию
- компенсаторной: способность преодолевать дефицит знания в области лингвистического кода, формирование потребности к самосовершенствованию на иностранном языке
- социальной: умение использовать разные коммуникативные роли, стратегии в условиях социального взаимодействия с людьми и окружающим миром
- социокультурной: формирование знаний о национально-культурных особенностях страны изучаемого языка, норм речевого и неречевого поведения его носителей и умение строить свое поведение с учетом этих особенностей и норм.

Материалы курса используются для формирования дискурсивной и социокультурной компетенции. Зачастую студенты, в достаточной мере владеющие грамматическими правилами и нормами употребления лексики, не владеют знаниями о том, как правильно построить своё высказывание, чтобы оно звучало аутентично. В отсутствии знаний и необходимых навыков о правилах построения высказываний на английском языке они обращаются к родной культуре. Интерференция в сфере стилистики и прагматики в данном случае нежелательна. На наш взгляд, следует регулярно и планомерно, по мере изучения различных разговорных тем вводить знания об определённых конструкциях и клише, следует разработать систему упражнений, направленных на обучение социокультурной и дискурсивной компетенции.

Как правило, упражнения включают этап ознакомления, предъявления. Затем, в рамках традиционной методики, можно предложить упражнения на перевод, трансформацию, воспроизведение

конструкций в диалоге, составление собственных диалогических высказываний, участие в ролевых играх. С нашей точки зрения, можно использовать элементы коммуникативной методики обучения. Здесь имеется обширное поле для творческой деятельности педагогов.

Интересны причины расхождений в коммуникативных техниках англоязычных и русскоязычных представителей. Нам кажется, что некоторая коммуникативная двойственность появилась и в русской культуре, что вызвано индивидуалистическими тенденциями в обществе. Хотя традиционно в русской классической культуре категория вежливости рассматривалась в связи с такими понятиями, как искренность, правдивость, сочувствие, тактичность, учтивость, участие, спонтанность выражения эмоций, искренний интерес к собеседнику и его проблемам. Хотелось бы надеяться, что они укоренены очень глубоко в культурных архетипах русского народа и присутствуют в нашем подсознании. Судя по нашему скромному опыту, часто сталкиваешься с вежливым эгоизмом, индивидуализмом и некоторой независимостью, обратными сторонами которых являются равнодушие, желание «отделаться от своего морального долга» посредством денег или какими-либо ещё способами.

Что касается англоязычной культуры, то, как свидетельствуют материалы лекций, конвенциональность и ритуализованность являются неотъемлемыми ценностями в обществе. В обществе наблюдается приоритет личных интересов и право полного личного контроля над ними. Такая установка воспринимается русским человеком как своеобразная дистанцированность. Данная черта основана на развитом «ощущении неприкосновенности частной собственности и необходимости защиты независимости индивидуума как неперемного условия его развития» [1. С. 6]. В обществе индивидуумов возникает опасность конфликтов, что является дополнительным фактором необходимости манипулятивного общения, поиска компромиссов. Обратной стороной такого поверхностного общения является равнодушие, безразличие или экзальтированность в некоторых сферах, поскольку в человеческом общении необходимо равновесие сил, как везде в природе.

Эффективность коммуникации в данных условиях понимается как способность поддержать беседу, осуществить бесконфликтное общение, показать себя в выгодном свете и заслужить положительную оценку собеседников.

Для традиций русской культуры, как отмечается в материалах лекций, в целом не характерно стратегическое общение. Хотя в последнее время большую популярность приобрели различного рода тренинги личностного роста, представляющие собой обучение коммуникативным тактикам и техникам манипулятивного общения.

Таким образом, для британцев и американцев на первый план выдвигается фатическое общение. Информативная функция языка отступает на второй план.

Демократизация британского и американского общества приводит к распространению унифицированного подхода к общению, независимо от социального статуса и социальных отношений. Это приводит к тому, что неформальность общения становится нормой, но при этом неформальность эта основана на поверхностном внимании к содержательным и межличностным аспектам общения.

В последнее время появляется много работ, посвящённых проблемам речевых стратегий, прагматике общения на иностранном языке (Ю. Б. Кузьменкова, Т. С. Гаудова, Е. И. Зими́на, М. А. Зеленская, Е. А. Меламедова, О. Г. Поляков, Т. В. Починок, И. В. Терехов и др.). Овладение прагматической компетенцией способствует тому, что изучающие иностранный язык могут выступать в качестве полноценного и грамотного участника межкультурной коммуникации. Актуальность исследования данной проблемы продиктована самой практикой общения на иностранном языке с его носителями [6. С. 329].

Данная тема разрабатывается с использованием различной терминологии. Применяются такие термины, как «стратегии речевого поведения» (Ю. Б. Кузьменкова, Т. С. Гаудова), «речевое поведение» (И. В. Терехов), «коммуникативные стратегии» (Ю. Б. Кузьменкова), «прагматический дискурс», «прагматическая компетенция» (Е. И. Зими́на), «прагматические правила» (О. Г. Поляков), «прагматическая осведомлённость» (Е. И. Зими́на, О. Г. Поляков), «речевой жанр» (Е. А. Меламедова). Прагматическая компетенция, как отмечает Е. И. Зими́на, является частью языковой компетенции. Повышение уровня прагматической компетенции связано с решением ряда задач, а именно с целью осуществлять речевые акты и проявлять чуткость к различиям в диалекте, варианте или регистре языка, к естественности речи; а также с целью выработки способности интерпретировать культурные ссылки и фигуры речи [6. С. 328].

Большой интерес представляет как выявление прагматических правил, действующих в большинстве случаев подсознательно, так

и методика обучения стратегиям речевого поведения. Например, И. В. Терехов предлагает знакомиться с особенностями речевого поведения британцев на основе художественного кино путём моделирования студентами речеповедческих стратегий носителей языка и культуры в конкретных ситуациях [10]. Автор методики перечисляет основные принципы обучения иностранному языку, которые реализуются при использовании фильмов как мультимедийных технологий в обучении иностранному языку. Обучение включает три этапа: начальный, основной и заключительный. Обучение при помощи кино, на наш взгляд, делает процесс обучения не только наглядным, но и приближает условия аудитории к реальным условиям общения.

Другая методика рассматривается в работах О. Г. Полякова, Е. И. Зиминой [6; 8]. Методика обучения прагматике дискурса включает такие аспекты, как теоретическая подготовка, совершенствование навыков и умений на практике и вовлечение студентов в исследовательскую деятельность. Ознакомление с прагматическими моделями может осуществляться как на основе видеофильмов, так и аудиоматериалов, непосредственного общения с носителями языка. В процессе тренировки упор делается на составление собственных диалогов. Третья стадия обучения включает вовлечение студентов в самостоятельную исследовательскую деятельность, которая заключается в составлении программы интервью с иноязычным представителем. Студенты разрабатывают список тем, вопросов к собеседнику, записывают интервью на электронный носитель. Интервью транскрибируется и затем проводится анализ интервью с точки зрения успешности, наличия прагматических ошибок.

Данные методики представляют значительный интерес, разработка проблемы овладения стратегиями речевого поведения имеет много научных перспектив.

Список литературы

1. Кузьменкова, Ю. Б. Материалы курса «Стратегии речевого поведения и в англоязычной среде». Лекции 1–4. М. : Педагогический университет «Первое сентября», 2010. 48 с.
2. Кузьменкова, Ю. Б. Материалы курса «Стратегии

Spisok literatury

1. Kuz'menkova, Ju. B. Materialy kursa «Strategii rechevogo povedenija i v anglojazyčnoj srede». Lekcii 1–4. M. : Pedagogičeskij universitet «Pervoe sentjabrja», 2010. 48 s.
2. Kuz'menkova, Ju. B. Materialy kursa «Strategii rechevogo pove-

- речевого поведения и в англоязычной среде». Лекции 5–8. М. : Педагогический университет «Первое сентября», 2010. 44 с.
3. Рабочая программа дисциплины «Практика устной и письменной речи». Екатеринбург, ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2012. 55 с.
4. Гайдова, Т. С. Стратегии речевого поведения как способ преодоления культурных различий (на материале английского языка) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Братск: Братский государственный университет, 2011. №4. С. 95–99.
5. Зеленская, М. А. Стратегия поддержания контакта в англоязычной среде // Перспективные информационные технологии и интеллектуальные системы. Таганрог : Технологический институт Южного федерального университета. 2008. №2. С. 51–53.
6. Зими́на, Е. И. Реализация модели обучения прагматике дискурса студентов специальности «Международные отношения» на занятиях по английскому языку // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2006. №2. С. 328–332.
7. Меламедова, Е. А. Авторское выражение благодарности в свете теории речевых жанров // Вестник Самарского государственного педагогического университета. 2010. №4. С. 44–48.
8. Меламедова, Е. А. Стратегии речевого поведения в англоязычной среде». Лекции 5–8. М. : Педагогический университет «Первое сентября», 2010. 44 с.
3. Rabochaja programma discipliny «Praktika ustnoj i pis'mennoj rechi». Ekaterinburg, FGAOU VPO «Rossijskij gosudarstvennyj professional'no-pedagogičeskij universitet», 2012. 55 s.
4. Gajdova, T. S. Strategii rečevogo povedenija kak sposob preodolenija kul'turnyh razlichij (na materiale anglijskogo jazyka) // Problemy social'no-jekonomičeskogo razvitija Sibiri. Bratsk: Bratskij gosudarstvennyj universitet, 2011. №4. S. 95–99.
5. Zelenskaja, M. A. Strategija podderžhanija kontakta v anglojazyčnoj srede // Perspektivnye informacionnye tehnologii i intellektual'nye sistemy. Taganrog : Tehnologičeskij institut Južnogo federal'nogo universiteta. 2008. №2. S. 51–53.
6. Zimina, E. I. Realizacija modeli obuchenija pragmatike diskursa studentov special'nosti «Mezhdunarodnye otnoshenija» na zanjatijah po anglijskomu jazyku // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2006. №2. S. 328–332.
7. Melamedova, E. A. Avtorskoe vyraženie blagodarnosti v svete teorii rečevyh zhanrov // Vestnik Samarskogo gosudarstven-

- ственного университета. 2008. № 64. С. 72–82.
8. Поляков, О. Г. методика развития прагматической осведомлённости изучающих английский язык // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2007. №9. С. 15–21.
9. Починок, Т. В. Влияние этнопсихологический факторов на процесс межкультурного общения // Иностранные языки в высшей. 2010. №2. С. 72–76.
10. Терехов, И. В. Изучение студентами-лингвистами речевого поведения носителей языка на материале художественного кино Британии : проблема и пути решения // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. №3. С. 97–101.
- nogo universiteta. 2008. №64. S. 72–82.
8. Poljakov, O. G. metodika razvitija pragmaticheskoj osvedomljenosti izuchajushhijh anglijskij jazyk // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2007. №9. S. 15–21.
9. Pochinok, T. V. Vlijanie jetnopsihologicheskij faktorov na process mezhkul'turnogo obshhenija // Inostrannye jazyki v vysshej. 2010. №2. S. 72–76.
10. Terehov, I. V. Izuchenie studentami-lingvistami rechevogo povedenija nositelej jazyka na materiale hudozhestvennogo kino Britanii : problema i puti reshenija // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2011. №3. S. 97–101.

ABSTRACTS

Ananyina M. A. Communicative strategies teaching in English-speaking environment within the framework of the course “Practice of spoken and written language”

Communicative strategies teaching in English-speaking environment include macrostrategies of maneuvering and reaction. Teaching these strategies is connected with the formation of discursive and sociocultural competence of the students of linguistic institutes of higher education. It is recommended to use audio- and visual aids and to actively involve students in creative tasks of preparing interviews and interviewing native speakers during spoken and written language practice classes.

Keywords: communicative strategy, maneuvering, reaction, distancing, evasion, hinting, supporting the interlocutor, maintaining contact in communication, practice of spoken and written language.

Alekberova I. E. Features kinesics in intercultural

The comprehension between the representatives of different countries and cultures in general is one of the most important conditions of the well-made interaction. Be sure that every culture nowadays has its own customs and rules of using kinesics, that represents a group of gesticulations and mimics which could be applied during the international communication.

Keywords: kinesics, communication, mutual understanding, intercultural communication.

Bondarenko Yu. S., Ponomarenko M. V. Phraseological units German language component “of the body”

The article focuses on the analysis of the phraseological units with the element “part of the body” in the German language. The special attention is given to the connotation meaning of the somatic phraseological units. The article covers the classification of the phraseological units with the element “part of the body”. It is proved, that the somatic phraseological units constitute the main part of the phraseological units in the German language.

Keywords: somatic phraseological units, phraseological unities, phraseological expressions, phraseological combinations.

Bugayenko, N. P., Ioakimidi G. A. The general characteristics and subject differentiation of terminological lexis (drawing on the example of the English show-business terminology)

The article is devoted to revealing the basic characteristics and subject differentiation of the English show-business terminological lexis. The authors demonstrate the specific features of terminology that allow scholars to draw a dividing line between terminology and general lexis. The terminological units in question can be divided into the following subject groups: advertising, sports, variety art, computer games, fashion, mass media, success. All of these groups differ in the number of verbalizers. The authors come to the conclusion that the subject spectrum of show business terminology is quite broad and there are active processes of terminologization and reterminologization in it.

Keywords: term, show business, subject differentiation, terminology, function, characteristic, English language, terminological lexis, determinologization, sublanguage, terminologization, terminological system, reterminologization.

Bryzhina T. S. Burlesque tone in texts of different genres (case study of English and Russian)

The article focuses on the investigation of the main peculiarities of texts of various genres which display the parody tone of communication. The English and Russian texts belonging to person-oriented and institutional discourse are analyzed.

Keywords: parody tone, genre, person-oriented discourse, institutional discourse.

Dyakova T. V. Appropriate selection of artificial methods of translation anthroponyms in the fantasy genre (based on the works of J. Rowling)

The article is devoted to artificial proper names and ways of their translation. The article proves that the way of translation depends on the name type and translator's resourcefulness.

Keywords: artificial anthroponym, fantasy, proper name.

Khasanova Z. S. Sublanguage and functional system specifications

This article discusses such lexical subsystems as sublanguage and language for special purposes studies their correlation; reveals the features of functioning of these subsystems in the texts of certain subjects.

Keywords: linguistic subsystems bundle language, communication, vocabulary.

Klester A. M. Theoretical aspects of cognitive research term systems engineering psychology in the German language

This article is devoted to the description of theoretical aspects of terminosystem cognitive research, to consideration of sublanguage engineering psychology features, and also the determination of knowledge structure within cognitive and communicative terminology science.

Keywords: cognitive research, terminosystem, engineering psychology.

Kosovych O. V. Topical problems of phenomena neology

The attention is focused on the main process in vocabulary development is neologization process that reflects the language common steady advance. The author examines tasks and structure organization of neology, trends of neologisms researches, the neology differentiation problems. Different classifications of neology and neology varieties are presented. It observed that some aspects of neologisms studying are touched only in connection with certain practical tasks.

Keywords: neologization, neology, neography, new word, formal neology, semantic neology, pragmatic neology.

Kunilovskaya M. A. Classification of translation errors for marking of education in parallel body Russian learner translator corpus

The paper describes the structure-project carried out at the department of translation and translation TSU, analyzes foreign and domestic quality assessment of translation used in manufacturing and professional and academic purposes, as well as formulate principles for the classification of translation errors, which may be based markings in the case. At the end of the article the author gives a rough taxonomy of such errors for markup in the case.

Keywords: corpus linguistics, parallel corpus, mistakes mark-up, translation errors, TQA.

Prigodina E. V. American sports terminologizmy thematic field of “work”

The article describes semantic and etymological peculiarities of American terminology adopted from sport.

Keywords: terminology, phraseological meaning, work, sport.

Sharapova T. N. Peculiarities of eponym terms in the German terminology of bionics

Eponym terms in the German terminology of bionics were considered in the article from the view of sociolinguistics. The author detected the main group of the concepts which nomination they participate in, their formal and structural analysis shall also be executed.

Keywords: eponym, terminology, bionics, structured analysis

Shakhovskaya S. V. Belarusian theoretical lexicography: status, problems and trends

The prior tendencies of lexicographic researches which are typical for the modern period of the development of Belarusian linguistics are described in the article. They are devoted to the history of national science of dictionaries study, the dictionaries typology problem-solving in the context of the lexicographical programs and projects development and identification, the dictionaries structure and content features research and also theoretical understanding and information technology rooting in lexicography.

Keywords: lexicography, Belarusian language, information technology.

Shevcova N. V. “Thick” magazines and reader’s audience: variation of communicative model

In article the problem reading by “thick” magazines of new ways of the communications with the reader is considered, found out, how the status of intelligency by which these editions are guided has changed.

Keywords: the communications, “thick” magazine, intelligency, cultural elite.

Shumaylova M. S. English-borrowed term structural assimilation (based on German Internet terminology)

The article gives a valuable information on the problem of English-borrowed Internet-terms structural assimilation in German. English-borrowed terms classification in view of their world-building is proposed.

Keywords: Internet terms, assimilation, borrowing.

Tatsenko N. V., Kravets L. S. Lexical-semantic Peculiarities of Euphemisms in English Political Discourse (on the Material of Barack Obama’s Speeches)

The article deals with lexical-semantic peculiarities of euphemisms in English political discourse and their usage in speeches, salutations, narrations of modern politicians, in particular of the USA president Barack Obama.

Keywords: political euphemism, political narrative, political discourse, euphemisation, political communication.

Tonkova E. G. Attributive forms of substandard verbs, represented in the language of the contemporary press

The article is devoted to analysis of attributive forms of substandard verbs those function in the language of the press. In the mass media slangy words often obtain the status of public words. One of the reasons for this linguistic phenomenon is their aptitude for making grammatical forms that has only literary standard lexicon.

Keywords: press, standard (literary language), substandard, attributive forms of verbs.

Vlasova E. V. Strategy ritualized communicative behavior British

The article focuses on different strategies of understatement and overstatement in the speech of modern Englishmen and shows the delicate mechanism of interpersonal communication in the British culture.

Keywords: understatement, overstatement, strategy.

Voronina A. V., Osipova D. A. Features oral organizational discourse

In this article considers the peculiarities of oral organizational discourse on the example of international organization. In oral discourse of this organization are present national and cultural peculiarities of the two countries (France and Kazakhstan).

Keywords: oral discourse, international agency, lingo-cultural community, mentality, the interaction of cultures.

Zabavnikova E. S. Using the media image strategy in fashioning a legendary image of a professor-archbishop Luke (Voino-Yasenetsky) in Russian periodicals

The author considers the original use of image-making methods by the mass media for the creation of the “posthumous image” of the legendary personality – archbishop Luka (professor-surgeon V. F. Voino-Yasenetskii), pays special attention to the analysis of the publications about the professor-archbishop in the Russian periodicals, and comes to the conclusion that the details, which journalists applied in their articles, completely coincide with the ready-made cliché that image-makers use to form a politician’s positive image.

Keywords: archbishop Luka (Voino-Yasenetskii), image strategy, image, legendary personality.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алекберова Инесса Эльдаровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и зарубежного страноведения Российской международной академии туризма.

141420, Химки, мкн Сходня, ул. Октябрьская, 10.
in-molodec@mail.ru

Ананьина Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Института лингвистики Российского государственного профессионально-педагогического университета.

620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.
AnaninaMA@yandex.ru

Бондаренко Юлия Станиславовна – преподаватель Сумского государственного университета.

40000, Украина, Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2.
prettty82@yahoo.com

Брыжина Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Волгоградского государственного технического университета.

400005, Волгоград, пр. им. Ленина, 28.
tanyabrizhina@yandex.ru

Бугаенко Нина Петровна – кандидат педагогических наук, директор Новороссийского филиала Пятигорского государственного лингвистического университета.

357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9.
alimuole@mail.ru

Власова Екатерина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики обучения иностранным языкам Волгоградского государственного социально-педагогического университета

400005, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.
vlaska@bk.ru

Воронина Алеся Владимировна – магистр филологии, преподаватель иностранных языков Костанайского филиала Челябинского государственного университета.

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.

alessia_kykla@mail.ru

Дьякова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.

otatyana_dyakova@yahoo.com

Забавникова Евгения Сергеевна - аспирант кафедры журналистики и издательского дела Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

392000, Тамбов, ул. Интернациональная, 33.

eva20038@yandex.ru

Иоакимиди Георгий Александрович – соискатель кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения и многоязычия Пятигорского государственного лингвистического университета.

357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9.

nf-pglu2005@yandex.ru

Клёстер Анна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент Омского государственного технического университета.

644050, Омск, Пр. Мира, д. 11.

annaklyoster@mail.ru

Косович Ольга Васильевна – кандидат филологических наук, доцент Института филологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко.

Украина, 01601, город Киев, ул. Владимирская, 64/13.

olgak2270@gmail.com

Кравец Ленина Сергеевна – студентка Сумского государственного университета.

40000, Украина, Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2.
kravec-lina@rambler.ru

Куниловская Мария Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения ИГН Тюменского государственного университета.

625003, Тюмень, ул. Семакова, 10.
mkunilovskaya@gmail.com

Осипова Дарья Алексеевна – студентка 2 курса Костанайского филиала Челябинского государственного университета

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
alessia_kykla@mail.ru

Пономаренко Марина Викторовна – студентка Сумского государственного университета.

40000, Украина, Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2.
marina.ponomarenko92@mail.ru

Пригодина Екатерина Владимировна – ассистент кафедры лексики английского языка Московского педагогического государственного университета

119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1, стр. 1.
katrinprigodina@yandex.ru

Таценко Наталья Витальевна – кандидат филологических наук, доцент Сумского государственного университета.

40000, Украина, Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2.
tacnatasha@mail.ru

Тонкова Елена Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и общего языкознания Марийского государственного университета.

424000, Республика Марий Эл, Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1.
eltonkova@yandex.ru

Хасанова Зарета Салиховна – главный специалист отдела дошкольного образования и воспитания Департамента дошкольных учреждений Мэрии г. Грозного.

Чеченская респ., Грозный, просп. Хусейна Исаева, 99/20.

khasanova_zareta@mail.ru

Шарапова Татьяна Николаевна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Омского государственного технического университета.

644050, Омск, Пр. Мира, д. 11.

Treselle_omsk@mail.ru

Шаховская Светлана Владимировна – преподаватель кафедры белорусского языкознания Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка.

220030, Респ. Беларусь, Минск, ул. Советская, 18.

vetryk@mail.ru

Шевцова Наталья Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций факультета журналистики Челябинского государственного университета.

454091, Челябинск, пр. Победы, 162-в

nvshevtsova@mail.ru

Шумайлова Марина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Омского государственного технического университета.

644050, Омск, Пр. Мира, д. 11.

marina_shumailov@mail.ru

Albert SHEQI – M. A. Faculty of Foreign Languages University of Tirana, Department of English Language.

albertsheqi@yahoo.com

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»
Вузовская академическая лаборатория межкультурных коммуникаций
Издательство «Энциклопедия»

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

В 2013 году каждый второй месяц, начиная с января, будет выходить очередной номер научного журнала «**Lingua-mobilis**», в структуру которого входят следующие разделы:

1. Язык художественной литературы
2. Языкознание
3. Язык средств массовой информации
4. Язык политики
5. Лингвистика и перевод
6. Методика преподавания языка и литературы

Материалы для публикации принимаются в электронном виде по адресу: 454084, г.Челябинск, пр.Победы 162-в, лаборатория межкультурных коммуникаций. Или e-mail: lingua-mobilis@rambler.ru Также просим указывать сведения об авторе: фамилию, имя, отчество (полностью), место работы, должность, ученую степень и звание, адрес, телефон, e-mail. **К заявке необходимо прикладывать аннотации статьи на русском и английском языке (не более 500 знаков), а также ключевые слова.**

Оплату за публикацию (100 р. за страницу) необходимо присылать сразу после получения подтверждения о принятии Ваших материалов к публикации, там же будут указаны реквизиты для электронного перевода. Авторские экземпляры научного журнала «**Lingua-mobilis**» рассылаются бесплатно.

Требования к оформлению:

- Материалы подаются в виде статей объемом от 4 до 20 стр. (в формате RTF, Times New Roman, кегль 14, через 1,5 инт., поля – 2 см).
- Ссылки на литературу даются внутри текста статьи в скобках: [1. С. 32] или в виде концевых примечаний.
- Список литературы помещается после статьи под заголовком «Список литературы» и оформляется в соответствии с правилами библиографического описания.

ISSN 1998–1546.

С июня 2008 г. электронная версия журнала «**Lingua mobilis**» доступна в РИНЦ (на сайте www.elibrary.ru)

С уважением, редакция!